

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

4 (38)

2023

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2024 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук
Егоров В.Н. – заместитель главного редактора, канд. ист. наук
Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук
Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук
Зверева Т.В. – д-р полит. наук
Иванов О.П. – д-р полит. наук
Ишин А.В. – д-р ист. наук
Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
Конопляник А.А. – д-р экон. наук
Косов Г.В. – д-р полит. наук
Липкин М.А. – д-р ист. наук
Мастепанов А.М. – д-р экон. наук
Неймарк М.А. – д-р ист. наук
Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук
Пашенцев Е.Н. – д-р ист. наук
Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук
Ткаченко М.Ф. – д-р экон. наук
Усманов Р.Х. – д-р полит. наук
Цвык В.А. – д-р филос. наук
Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Белобров Ю.Я.</i> Членство Финляндии и Швеции в НАТО повышает риски безопасности на севере Европы	6
<i>Серикова А.В.</i> Основные проблемы европейской безопасности в новых условиях	19
<i>Тутаева Н.И.</i> Роль ФАО в решении продовольственной проблемы в развивающихся странах	33
<i>Глебездин А.В.</i> Национально-государственная идентичность Украины в монументальной политике постсоветского периода	47
<i>Сейдуманов А.С.</i> Концептуальное моделирование политических процессов: к проблеме методологии	62
<i>Силакова Т.П.</i> Роль БРИКС в современных мирополитических процессах	78

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Иванков К.В.</i> Влияние финансово-промышленных групп на субъектность Украины	88
<i>Дмитриева М.О., Саидов Б.С.</i> Эволюция подхода Европейского союза к Центральной Азии	110
<i>Ломакин А.С.</i> Военные аспекты политики Германии в условиях кризиса европейской безопасности	122

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Семенов А.В.</i> Межгосударственные отношения России и Китая в XVII—XIX вв.: особенности двусторонних договоров	142
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Жильцов С.С.</i> Глобальное соперничество России и Запада: к новой расстановке сил в мировой политике	169
--	-----

Памяти коллеги	178
---------------------------------	-----

К сведению авторов	180
-------------------------------------	-----

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021).

– 5.2.5. World economy;

– 5.5.2. Political institutions, Processes, Technologies;

– 5.5.4. International relations, Global and Regional studies;

– 5.6.7. The history of international relations and foreign policy.

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 1st half of 2024 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)

Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiya Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2023

© Page make-up. «Kvant Media», 2023

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Yuriy Belobrov. Membership of Finland and Sweden in NATO Heightens Risks for Security in the Northern Europe. 6

Anna Serikova. The Main Problems of European Security Under New Conditions. 19

Natalia Tutaeva. The Role of FAO in the Solution of the Food Problem in the Developing Countries 33

Arsenti Glebezdin. National and State Identity of Ukraine in the Monumental Politics of the Post-Soviet Period. 47

Alnur Seidumanov. Conceptual Modeling of Political Processes: To the Problem of Methodology. 62

Tatyana Silakova. The Role of BRICS in Modern World Political Processes 78

REGIONAL PROBLEMS

Kirill Ivankov. Influence of Financial and Industrial Groups on the Subjectivity of Ukraine. 88

Marina Dmitrieva, Behruz Saidov. Evolution of the European Union’s Approach to Central Asia 110

Artem Lomakin. Military Issues of Germany’s Policy in the Context of the European Security Crisis 122

HISTORY AND RELIGION

Alexandr Semenov. International Relations Between Russia and China in the XVII—XIX Centuries: Peculiarities of Bilateral Treaties 142

ACADEMIC LIFE

Sergey Zhiltsov. The Global Rivalry Between Russia and the West: Toward a New Balance of Power in World Politics. 169

In Memory Of the Colleague 178

Notice to the authors 180

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Белобров Юрий Яковлевич,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Yuriy Ya. Belobrov,

PhD (Political Sciences)
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: yuriybelobrov@dipacademy.ru

ЧЛЕНСТВО ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ В НАТО ПОВЫШАЕТ РИСКИ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ

MEMBERSHIP OF FINLAND AND SWEDEN IN NATO HIGHTENS RISKS FOR SECURITY IN THE NORTHEN EUROPE

Аннотация: в статье анализируются серьезные последствия действий НАТО по втягиванию Финляндии и Швеции в состав альянса для безопасности России и всей Европы. По мнению автора, эта новая провокационная акция Североатлантического блока открывает для него возможность уже в краткосрочной перспективе развернуть свои войска и наступательное вооружение вблизи российских критически важных стратегических промышленных и военных объектов на нашем северо-западном фланге. Тем самым превращение Финляндии и Швеции из внеблоковых государств в «прифронтовые территории» враждебного России милитаристского альянса создает дополнительные вызовы для нашей страны в этом еще недавно сравнительно бесконфликтном регионе мира. В результате можно с большой долей уверенности предположить, что уже в обозримой перспективе Балтия и Арктика станут ареной высокой напряженности, существенно сузив возможности для многостороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Арктика, конфликт, НАТО, Россия, Северо-Западный регион, Скандинавия, угрозы безопасности.

Abstract: the article analyses serious consequences of NATO's actions of dragging Finland and Sweden into its fold for the security of Russia as well as for the whole of Europe. The author holds the view that this new provocative act creates opportunity for the North Atlantic block to deploy within visible perspectives its forces and offensive weaponry close to the strategically critically important industrial and military establishments of our country in the north western region. Thus by converting these formally military neutral Finland and Sweden into the front line

territories of the North Atlantic Union hostile to Russia and creates additional challenges for our country in this quite recently comparatively conflict free region.

Keywords: Arctic, conflict, NATO, North-West region, Russia, security threats, Scandinavia.

Введение

Россия вступила в затяжной период резко возросших угроз своей национальной безопасности из-за реализуемого курса НАТО на жесткое всеобъемлющее противоборство с ней, объявленной главным препятствием планам Запада по сохранению своего глобального доминирования. По оценке Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, «на сегодня такими угрозами в военной сфере стали не только использование натовцами Украины в качестве инструмента для ведения гибридной войны против нашей страны, но и устремления Североатлантического альянса расширяться за счет Финляндии и Швеции» [5]. Осуществление подобных планов позволит альянсу разместить свои военные силы и наступательную инфраструктуру вблизи критически важных оборонных и промышленных объектов России в ее Северо-Западном регионе, что чревато резким повышением рисков безопасности нашей страны и даже возникновением серьезного вооруженного конфликта с применением ядерного оружия.

Именно по этой причине, по оценке министра обороны Российской Федерации С. Шойгу, «вступление в НАТО Финляндии и в перспективе — Швеции» представляет собой «серьезный дестабилизирующий фактор» [1]. Окончательно сбросив с себя давно ставший фикцией явно показной статус военного нейтралитета, обе страны предпочли ему роль услужливых сателлитов агрессивного блока НАТО, готовых выполнять любые приказы Вашингтона и Брюсселя, в том числе в ущерб собственной безопасности. Как подчеркивалось в заявлении МИД России о членстве Швеции в НАТО: «В любом случае членство в НАТО не повысит уровень безопасности Швеции хотя бы потому, что стране никто не угрожает, но приведет, безусловно, к утрате суверенитета в принятии внешнеполитических решений» [3].

А что касается вступления Финляндии в Североатлантический альянс, это «нанесет серьезный ущерб двусторонним российско-финляндским отношениям, поддержанию стабильности и безопасности в североевропейском регионе» [2]. К тому же

такой шаг Хельсинки является грубейшим нарушением международного права, поскольку согласно Парижскому мирному договору 1947 года и двустороннему российско-финляндскому договору 1992 года эта страна торжественно обязалась не вступать во враждебные России военные союзы.

В любом случае, как указано в упомянутом заявлении, «Россия будет вынуждена предпринять ответные шаги как военно-технического, так и иного характера в целях купирования возникающих в этой связи угроз ее национальной безопасности» [2]. Как известно, необходимые меры военного характера российским Минобороны уже предпринимаются.

Реальные замыслы натовских стратегов

Военно-политические и экспертные круги НАТО и упомянутых северных стран с нескрываемой самонадеянностью утверждают, что в результате членства в блоке скандинавских государств альянс получит невиданные ранее военно-стратегические преимущества и якобы вся архитектура европейской безопасности изменится в его пользу. Раскрывая суть прогнозируемых перемен, они указывают на то, что участие Швеции и Финляндии в НАТО не только откроет новые большие возможности для сотрудничества этих стран с НАТО, но и завершит строительство северной архитектуры альянса, удвоив линию его соприкосновения с Россией и тем самым значительно повысив свои военно-стратегические возможности в противоборстве с ней. Кроме того, по оценке начальника Штаба обороны Вооруженных сил Швеции М. Клэссона, «это также позволит НАТО создать надежную основу для более эффективного совместного планирования проведения военных операций и решения вопросов логистики, включая прием, развертывание и интеграцию многонациональных сил НАТО в Северо-Балтийском регионе» [6].

Обе страны, как отмечают не без преувеличения западные аналитики, имеют первоклассные вооруженные силы и репутацию верных партнеров НАТО. Финляндия, например, благодаря своему сравнительно крупному и подготовленному военному резерву может выставить в течение 30 дней 280 тысяч хорошо обученных солдат и способна самостоятельно защищать свою тысячекилометровую границу с Россией в течение достаточ-

но продолжительного периода. То же самое касается Швеции, которая после недавнего увеличения своих военных расходов способна нанести чувствительный удар по потенциальному противнику. А наличие у этих двух скандинавских стран достаточно сильного морского флота, боевой авиации и береговых противокорабельных средств «позволяет-де им при необходимости даже закрыть Финский залив для передвижения в нем враждебных (т.е. российских) судов, в том числе между Калининградом и российской частью европейского материка» [16]. Поэтому их военный потенциал станет серьезным дополнением инструментария сдерживания и обороны НАТО в Балтийском море.

Кроме того, в отличие от ряда старых членов блока, затягивающих выполнение его решения о повышении военных расходов до 2% ВВП, военные бюджеты Финляндии и Швеции за последнее время существенно возросли. У Финляндии они уже превышают 2% ВВП, а Хельсинки планируют их дальнейшее увеличение. В свою очередь, Швеция запланировала нарастить свой военный бюджет на 40% до 2025 года, доведя его, таким образом, до 12 млрд долл. США. Столь интенсивное увеличение военных расходов обеих стран открывает значительные дополнительные возможности как для их собственного военно-промышленного комплекса, так и для главных западных экспортеров вооружений. К примеру, Швеция закупила у США и уже развернула на своей территории противовоздушную ракетную систему «Пэтриот», а Финляндия заключила контракт с США на приобретение 64 боевых самолетов Ф-35. Обеими странами запланированы также закупки боевых кораблей, подводных лодок, артиллерийских систем и т.п. [9]. К тому же вооруженные силы этих стран уже давно поддерживают высокий уровень взаимодействия с НАТО и с военной точки зрения могут без проблем быть интегрированы в силы альянса [12]. Поэтому вступление скандинавов в НАТО, как подчеркивают атлантисты, «не только укрепит их собственную безопасность, но и упрочит сам оборонительный альянс, усилив его региональный потенциал и позволив превратить Балтийское море в «натовское озеро», ограничив, таким образом, пространство для российских операций в нем» [16].

Главным же приобретением для НАТО является не явно раздутая военная мощь и милитаристские планы этих стран, а их

территория, благодаря которой альянс получает значительное геополитическое преимущество в противостоянии с Россией. Именно этот факт обозначил генеральный секретарь альянса Й. Столтенберг, заявив, что «сразу после вступления Швеции и Финляндии в блок НАТО рассмотрит пути обеспечения гарантий безопасности, включая наращивание своего присутствия в Балтийском регионе, на территориях Финляндии и Швеции, а также вокруг них, в тесной консультации с Финляндией и Швецией и с их согласия» [14].

Со своей стороны, Хельсинки и Стокгольм в контактах с ведущими странами — членами альянса активно продвигают идею критически важного геостратегического значения для НАТО во всем Северо-Балтийском регионе собственной территории и имеющихся на ней военных объектов, которые могут быть использованы альянсом уже в ближайшей перспективе. К примеру, шведы демонстрируют готовность положительно рассмотреть использование НАТО своей самой крупной в Балтийском море гавани Гётеборг, способной, как отмечается, «обеспечить безопасную транспортировку грузов и войск НАТО в регион и из него» [6], а финны указывают в связи с этим на важное значение Аландских островов вопреки по-прежнему действующей послевоенной договоренности об их демилитаризации, а также самой северной своей территории, примыкающей к крупнейшим российским военным базам ВМФ и ВВС. Это, как рассчитывают натовцы, позволит контролировать и даже блокировать выход российских кораблей в открытый океан.

Всем этим и объяснялось поспешное одобрение натовцами решения о втягивании Финляндии и Швеции в свой военный блок. По расчетам западных стратегов, «членство этих стран в военном блоке уже в ближайшей перспективе поможет изменить в его пользу региональный баланс сил в Балтийском море, превратив его в контролируемое НАТО пространство, и более чем на 1000 км расширить границу непосредственного соприкосновения с Россией от Ледовитого океана до Балтии» [15]. В более отдаленной же перспективе это решение стран блока серьезно подкрепит линию НАТО в сфере сдерживания и обороны на ее восточном и северном флангах благодаря готовности обеих стран поддержать политику альянса усиленного передового

базирования сил, будет способствовать расширению совместного оперативного планирования в регионе, воздушному патрулированию его авиацией Балтии и расширению стратегического пространства вокруг Исландии, а также внесет значимый вклад в усиление обороны Норвегии.

Надуманый предлог и реальность

В течение многих лет Финляндия и Швеция, по крайней мере официально, заявляли о своем внеблоковом статусе, который не только приносил им значительную политическую и экономическую выгоду, но и гарантировал их безопасность. Однако в 2023 году обе страны круто изменили свой военно-политический курс, объявив намерение вступить в Североатлантический союз. Характерно, что в качестве обоснования своему населению принятых решений о срочном вступлении в Североатлантический блок, превращающих еще недавно относительно спокойный север Европы в потенциальный театр военных действий против России и создающих реальные угрозы собственной безопасности Финляндии и Швеции, руководители обоих государств ссылаются на «агрессивные действия» нашей страны не в этом регионе, а на Украине.

На самом деле, однако, такие планы готовились альянсом совместно с властями Финляндии и Швеции в интересах установления Североатлантическим союзом своего военного контроля над севером Европы задолго до начала событий на Украине, по существу уже три десятилетия. Это фактически признается и натовскими экспертами, которые отмечают, что заявка Финляндии и Швеции о вступлении в НАТО и буквально моментальная ратификация большинством государств — членом блока подписанного на Мадридском саммите (2022 г.) протокола об их приеме в члены альянса являются результатом долгой и упорной совместной работы США, ведущих государств альянса и его военно-политического руководства с властями северных стран на протяжении трех последних десятилетий. «Этому способствовало и тесное военное сотрудничество этих стран в этот период с Североатлантическим союзом, начало которому было положено их вступлением в ПРМ¹

¹ «Партнерство во имя мира» (англ. Partnership for Peace, PfP) — программа двустороннего военного сотрудничества НАТО со странами, не являющимися членами Организации (прежде всего, с восточноевропейскими и постсоветскими государствами).

НАТО в 1994 г. и установлением в 2014 г. расширенного партнерства с альянсом, позволившего углубить участие северян в военных учениях НАТО, а также нарастить обеими сторонами обмен чувствительной информацией» [16]. Окончательная же договоренность об официальном отказе этих скандинавских государств от своего военного неприсоединения и о запуске процесса вступления в Североатлантический блок была достигнута в ходе закулисных переговоров на высоком военно-политическом уровне представителей этих государств с США еще осенью 2021 года.

Хотя официальное вступление Швеции неожиданно для нее заторможено из-за затягивания Турцией и Венгрией ратификации протокола о приеме в альянс, тем не менее ее военное ведомство, не дожидаясь завершения этого процесса, не только активно обсуждает с руководством НАТО модальности интеграции этой страны в военно-политические структуры блока и конкретный вклад в реализацию обновляемых оперативных планов и новой натовской стратегии сдерживания и обороны всего евроатлантического пространства, но и предпринимает практические шаги по интеграции шведских военных структур в альянс и регулярно проводит с ключевыми натовскими партнерами военные маневры. Об этом хвастливо заявил Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Швеции генерал М. Байден. В качестве примера он сослался на состоявшиеся весной 2023 года самые крупные, по его словам, за последние 25 лет национальные военные учения «Aurora 23» с участием всех видов шведских войск и 14 государств-партнеров [10].

Рекомендации натовских экспертов

В качестве подспорья выработки программы интеграции Финляндии и Швеции в военно-политические структуры НАТО экспертами ведущих американских мозговых центров, таких как «RAND Corporation» и Центр новой американской безопасности (Center for a New American Security, ЦНАБ), по заказу Пентагона и Минобороны северных стран подготовлены доклады, в которых весьма детально проанализированы перспективы укрепления военного сотрудничества США и НАТО с упомянутыми странами и сформулирован ряд конкретных предложений по задействованию военного потенциала этих стран в интересах Североатлантического бло-

ка. Так, в докладе крупнейшего американского мозгового центра «RAND Corporation» предложено уже в краткосрочной перспективе «использовать в военно-морской сфере высокий финский потенциал в минировании и разминировании, их достаточно мощный ледокольный флот, наладить тесную кооперацию с береговой охраной США в расширении совместного присутствия в Ледовитом океане, а также вовлечь финнов и шведов в тесное сотрудничество с НАТО и США в проведении учений в этой среде» [11]. Кроме того, рекомендовано «укрепить с ними взаимодействие в сдерживании и предотвращении возможных враждебных (т. е. российских) военно-морских операций и высадки морских десантов» [11]. Предложено также «расширить практику использования территории Финляндии для “непродолжительного” размещения “небольших” американских военных подразделений для подготовки боевых действий в арктических условиях». Обращается также внимание на важность формирования на территории обеих стран интегрированных ракетно-артиллерийских систем, наземной противовоздушной обороны, а также кооперации в космической сфере, например в использовании полярной орбиты. Всё это, как подчеркивается в докладе, «будет способствовать укреплению взаимодействия и боеготовности союзников в проведении совместных операций в случае возникновения регионального кризиса» [11].

В свою очередь аналитики ЦНАБ (кстати, это бывшие высокопоставленные чиновники Минобороны США и ЦРУ, а также финского МИД) акцентируют внимание на важности «заблаговременной разработки эффективных мер реагирования на случай повышения со стороны России ядерной угрозы странам альянса». В связи с этим предлагается уже сейчас «приступить к переоценке политики НАТО в отношении роли ядерного оружия в качестве сдерживающего фактора в условиях потенциальной эскалации вооруженного конфликта, готовиться к ведению боевых действий в условиях ядерного конфликта и их информационному обеспечению». Обращается также внимание на «необходимость активизации консультаций с союзниками, включая северян, в целях упрочения единства взглядов в этой сфере всех стран — членов альянса» [15].

Со своей стороны, финские политологи признают, что, поскольку НАТО — ядерный союз, а Финляндия намерена всту-

пить в него без каких-либо условий и исключений, ей придется изменить свою нынешнюю политику в области ядерных вооружений, согласно которой ядерное оружие на территории страны объявлено вне закона. Несмотря на то что, как они отмечают, Президент С. Ниинистё и заявил, что Финляндия не намерена размещать ядерное оружие на своей территории и не получила никаких предложений на этот счет, тем не менее сам факт вступления в союз с ядерными державами создает для Финляндии новую реальность. Они считают, что, «как только Финляндия станет полноправным членом альянса и ее министр обороны будет заседать в Группе ядерного планирования НАТО, а страна получит доступ к засекреченной информации о ядерном потенциале блока и станет также принимать участие в ядерных учениях и планировании ядерных операций блока, негативную позицию страны в отношении ядерного оружия придется так или иначе пересматривать» [8]. Причем этот процесс, напоминают они, фактически был начат правительством еще в 2017 году, когда Финляндия воздержалась при голосовании в ООН по Договору о запрещении ядерного оружия. «Это, по мнению финских экспертов, было сделано как раз ради того, чтобы не затруднять перспективу вступления страны в НАТО» [8].

В Стокгольме, судя по признанию шведского военного руководства, также «всерьез рассматривают возможность присоединения страны к доктринам, концепциям и политике НАТО в ядерной сфере» [6]. Правда, на нынешнем этапе такая позиция особо не афишируется, видимо, из опасений негативной реакции шведского общества на такой, безусловно, опасный для страны шаг.

Да и сами американцы и натовцы в данный момент проявляют осторожность в формулировании возможных вариантов решения этой проблемы. В качестве первого шага на этом пути называют лишь предоставление Швецией и Финляндией обычных военных сил для поддержки ядерных учений блока. Согласно расчетам натовцев, «в ходе таких маневров, возможно, удастся выработать соответствующее понимание кризисной динамики в ситуациях, когда «агрессор» попытается прибегнуть к ядерной эскалации. А учитывая участие их представителей в Группе ядерного планирования НАТО, пока, дескать, достаточно договориться об их вкладе в такие миссии» [13].

Натовские аналитики признают также, что полная интеграция двух северных стран в военные структуры НАТО потребует времени. Это, как полагают они, касается решения таких фундаментальных вопросов, как укрепление их военной инфраструктуры, общей транспортной сети и возможное размещение на территории скандинавов тяжелых вооружений и войск альянса.

На данном же этапе предметом переговоров, согласно рассуждениям американских экспертов, являются вопросы использования территории скандинавов в качестве логистического района НАТО, плацдарма для развертывания войск альянса, установления контроля над воздушным и морским пространством региона. «Некоторые из этих проблем уже предварительно обсуждались в рамках двусторонних и многосторонних встреч. Теперь же предстоит выработать и согласовать в рамках альянса конкретные договоренности относительно выделения необходимых потенциалов и отразить их в Процессе оборонного планирования НАТО и ее операционных планах» [13].

В числе вопросов, обсуждаемых сторонами по инициативе северян, может фигурировать и согласование оперативных планов сторон по ведению возможных боевых действий против России в Балтийском регионе, определение для этого морских, воздушных и сухопутных сил Финляндии и Швеции, с одной стороны, и НАТО, с другой стороны, в целях возможного закрытия Финского залива для враждебных, то есть российских, кораблей и блокады Калининграда.

А с учетом повышения внимания США и НАТО к установлению своего господства над Арктикой и начавшейся разработки Брюсселем соответствующего плана операций в регионе, надо полагать, обговаривается включение военных возможностей и территории Финляндии и Швеции в формируемый объединенный потенциал блока наступательного характера в интересах продвижения общих интересов Запада в Северном море и Ледовитом океане. По оценке американских экспертов, «стратегический вызов для альянса в этом районе представляет возможность российского флота проецировать свою силу на стратегически важный Фареро-Исландский рубеж (GIUK-N), который призван не допустить выход российских кораблей и подводных лодок в Атлантику» [18]. Поэтому, как

считают они, очень важно укрепить силы блока на этом участке севера Европы.

В то же время гипотетический военный конфликт в Арктике в ближайшей и даже среднесрочной перспективе между Россией и НАТО в Брюсселе пока рассматривается как крайне нежелательный, прежде всего из-за значительного преимущества военного потенциала Российской Федерации в регионе. Другое дело — отдаленное будущее. В этом плане северная территория Финляндии, непосредственно примыкающая к российским стратегическим военным и промышленным объектам на Кольском полуострове, представляет повышенный интерес для американских и натовских стратегов.

Противники России торопятся

Натовцы и северяне не ограничиваются лишь переговорами, они приступили к реализации ряда практических шагов по встраиванию северян в оперативные планы блока. В рамках этого процесса в сентябре 2022 года Финляндию и Швецию по приглашению обоих правительств посетил председатель Военного комитета НАТО датский адмирал Р. Бауэр, проинспектировавший некоторые военные объекты этих стран. А с октября того же года высокопоставленные представители обоих государств стали принимать участие в качестве пока наблюдателей в заседаниях министров обороны стран — членов Североатлантического блока, его Военного комитета и Группы ядерного планирования.

Не дожидаясь своего официального вступления в НАТО, обе страны заметно активизировали военную кооперацию со своим натовским соседом — Норвегией. Так, в ноябре 2022 года Финляндия и Швеция подписали с ней документ о намерениях, касающийся расширения действующего соглашения 2020 года о военном сотрудничестве трех стран на Крайнем Севере. Согласно заявлению министра обороны Норвегии, «договоренность предусматривает налаживание координации военных операций трех северных стран в регионе при возникновении здесь кризиса или конфликта» [7].

Обе страны обсуждают также проблематику наращивания двустороннего военного сотрудничества с США. Некоторые детали хода этих переговоров публично прокомментировал министр

обороны Швеции П. Джонсон. По его словам, «стороны рассматривают вопросы возможного размещения на шведской территории американской военной техники и выделения инвестиций для строительства соответствующей инфраструктуры в целях быстрого развертывания там войск США в случае возникновения кризисной ситуации или вооруженного конфликта в регионе, а также правового статуса американских военнослужащих» [17].

Нарращивается и совместное проведение военных учений с другими странами НАТО. Так, в июне 2022 года на территории Швеции были проведены самые крупные за всё время военные учения «Baltops 22», в которых приняли участие 14 натовских государств и две страны — партнеры блока. Они имели явно наступательный характер — 30-тысячная армия отрабатывала высадку на побережье под прикрытием 45 военных судов и 75 самолетов и вертолетов. А в сентябре 2022 года на севере Финляндии состоялись учения двух стран «Vigilant Knife» под наблюдением упомянутого выше председателя Военного комитета НАТО.

Таким образом, милитаризация северо-восточного фланга НАТО приобретает всё более выраженный агрессивный антироссийский характер. По оценке российских экспертов, это означает серьезное ухудшение стратегического положения России, потому что «присоединение обеих скандинавских стран к альянсу может привести к тому, что их руководство — особенно в условиях, когда правительства с более здравых меняются на менее здравые — способно начать нас провоцировать, из-за чего риск начала войны увеличится» [4]. Учитывая нарастающую прямую угрозу России, российским руководством принят ряд мер по защите законных интересов страны в регионе. Предпринимаются также дополнительные шаги, как военного, так и политико-дипломатического и экономического характера, по купированию возрастающих рисков национальной безопасности страны.

Литература

1. В Национальном центре управления обороной состоялось заседание Коллегии Минобороны России. 09.08.2023 / Министерство обороны Российской Федерации. – URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/brief/humanitarian_response/more.htm?id=12475342@egNews (дата обращения: 12.08.2023).
2. Заявление МИД России о членстве Финляндии в НАТО. 12.05.2022. – URL: https://www.mid.ru/ru/press.service/spokesman/official_statement/1812971/ (дата обращения: 20.05.2023).

3. Заявление МИД России о членстве Швеции в НАТО. 16.05.2022. – URL: <https://www.mid.ru/ru/press.service/spokesman/officials.statement/1813354/> (дата обращения: 20.05.2023).
4. Пухов Р. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО принесло России серьезные риски. 05.07.2022 / РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vstuplenie-finlyandii-i-shvetsii-v-nato-prineslo-rossii-sereznyye-riski/> (дата обращения: 12.09.2023).
5. Сокирко В. Глава Генштаба: такого уровня военных действий современная Россия не знала. 24.01.2023 // aif.ru. – URL: https://aif.ru/society/army/glava_genshtaba_takogo_urovnya_voennyh_deystviy_sovremennaya_rossiya_ne_znala (дата обращения: 15.02.2023).
6. Claesson M., Carlander Z. How Sweden and Finland can bolster NATO. Commentary. July 19, 2022 // War on the Rocks. – URL: <https://warontherocks.com/2022/07/how-sweden-and-finland-can-bolster-nato/> (accessed: 15.02.2023).
7. Edvardson A. Nordic Defense Cooperation: Norway, Finland, and Sweden Increase Focus on the High North As Joint Operational Area // High North News. – URL: <https://www.high-northnews.com/en/norway-finland-and-sweden-increase-focus-high-north-joint-operational-area> (accessed: 12.08.2023).
8. Forsberg R., Kahkonen A., Moyer J. If Finland joins NATO, it needs a new nuclear weapons policy. December 8, 2022 // Bulletin of the Atomic Scientists. – URL: <https://thebulletin.org/2022/12/if-finland-joins-nato-it-needs-a-new-nuclear-weapons-policy/> (accessed: 17.02.2023).
9. Forsberg R., Kahkonen A.-M., Oberg J. Implications of a Finnish and Swedish NATO Membership for Security in the Baltic Sea Region. June 29, 2022. – URL: <https://wilsoncenter.org/article/implications> (accessed: 17.02.2023).
10. General Byden M. Sweden's Path to Transformation and Integration with NATO. European Security and Defence 6/2023 // European Security & Defence. – URL: <https://euro-sd.com/2023/06/articles/31831/swedens-path-to-transformation-and-integration-with-nato/> (accessed: 15.08.2023).
11. Germanovich G., Black J., Flanagan S. Enhancing US – Finnish and regional defence cooperation / G. Germanovich, J. Black, S. Flanagan and others. 2021. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA1424-1.html (accessed: 19.02.2023).
12. Germanovich G. Complex – but Promising – Prospects as Finland and Sweden Mull NATO Membership. March 3, 2022. – URL: <https://www.rand.org/blog/2022/03/complex-but-promising-prospects-as-finland-and-sweden.html> (accessed: 20.04.2023).
13. Germanovich G. Finnish and Swedish NATO Membership: Toward a Larger, Stronger, Smarter Alliance. August 12, 2022. – URL: <https://www.rand.org/blog/2022/08/finnish-and-swedish-nato-membership-toward-a-larger.html> (accessed: 20.03.2023).
14. Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg (remote from Brussels) and the Minister of Foreign Affairs of Germany, Annalena Baerbock following the informal meeting of NATO Ministers of Foreign Affairs. 15.05.2022. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_195129.htm (accessed: 20.03.2023).
15. Lokker N., Townsend J., Hautala H., Kendall-Taylor A. How Finnish and Swedish NATO Accession Could Shape the Future Russian Threat. A Report of the Transatlantic Forum on Russia. January 24, 2023 / Center for a New American Security. – URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/how-finnish-and-swedish-nato-accession-could-shape-the-future-russian-threat> (accessed: 17.03.2023).
16. Ojanen H. Finland and Sweden in NATO: the potential of new security providers // NATO Defense College Policy Brief. – November 2022. – No. 18. – URL: <https://www.ndc.nato.int/news/news.php?icode=1769> (accessed: 20.03.2023).
17. Szumski C. Sweden, US discuss military cooperation amid continued NATO freeze // Euractiv. – URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/sweden-us-discuss-military-cooperation-amid-continued-nato-freeze/> (accessed: 15.08.2023).
18. Wall C., Wegge N. The Russian Arctic Threat: Consequences of the Ukrainian War. CSIS Brief. January 26, 2023 / CSIS. – URL: <https://www.csis.org/analysis/russian-arctic-threat-consequences-ukraine-war> (accessed: 20.03.2023).

Серикова Анна Владимировна,

атташе Генерального секретариата (Департамента) Министерства иностранных дел Российской Федерации, соискатель, Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Anna V. Serikova,

Attache of the General Secretariat (Department) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Applicant, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: ann1993@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

THE MAIN PROBLEMS OF EUROPEAN SECURITY UNDER NEW CONDITIONS

Аннотация: начиная с 2014 года архитектура европейской безопасности начала претерпевать ряд изменений. Агрессивная, неразумная реакция Запада на историческое воссоединение полуострова Крым с Российской Федерацией, а также распад главных договоров, регулировавших европейскую безопасность, ввиду неспособности США и НАТО принимать новую политическую расстановку сил – важнейшие причины, которые привели к эскалации напряженности на Европейском континенте, что спровоцировало кризис европейской безопасности.

Ключевые слова: европейская безопасность, угрозы безопасности, распад международных договоров, миграция, кибербезопасность, Россия, Европа, НАТО, США.

Abstract: starting in 2014, the architecture of European security began to undergo a number of changes. The aggressive, unreasonable reaction of the West to the historic reunification of the Crimean peninsula with the Russian Federation, as well as the collapse of the main treaties regulating European security, due to the inability of the United States and NATO to accept a new political alignment of forces, are the most important reasons that led to an escalation of tensions on the European continent, which provoked a crisis of European security.

Key words: European security, security threats, the collapse of international treaties, migration, cybersecurity, Russia, Europe, NATO, the USA.

Введение

На сегодняшний день модель европейской безопасности претерпела ряд изменений. Если раньше можно было отталкиваться от натоцентричной модели европейской безопасности, что, без-

условно, не могло устраивать Российскую Федерацию, так как НАТО представляет прямую угрозу территориальной целостности России, то сейчас, в период действия специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины (СВО), становится понятно, что прорисовывается новая архитектура европейской безопасности, фундаментом которой станут итоги спецоперации России и новая расстановка сил в Европе.

Из истории формирования европейской безопасности

Состояние европейской безопасности до 2014 года оставалось относительно поддающимся урегулированию, так как были разработаны разные механизмы для обеспечения безопасности в Европе. В основном поддержание европейской безопасности зависело от взаимоотношений Российской Федерации и Североатлантического альянса. В рамках двусторонних отношений России и НАТО был выстроен определенный механизм, предусматривавший ряд совместных программ. Интересно, что еще в 2008 году Россия выступила с инициативой о Договоре о европейской безопасности. Тогда речь шла о создании единого пространства военно-политической безопасности в Евро-Атлантике для всех государств Европейского континента. Договор должен был придать юридический характер принципу неделимости безопасности, в соответствии с которым никто не мог бы усилить свою безопасность за счет безопасности других [14]. Однако практического воплощения представленный Договор так и не получил, несмотря на то что в Совместном заявлении саммита Совета Россия — НАТО в Лиссабоне в 2010 году зафиксированы обязательства по выстраиванию стратегического и модернизированного партнерства. Хотя если углубиться в историю, еще в далеком 1997 году с момента подписания «Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности» альянс принял на себя обязательство не размещать дополнительно существенные боевые силы вдоль границ Российской Федерации на постоянной основе [12]. И, как мы видим из истории взаимоотношений, НАТО не сдержала своего обещания перед Россией.

Однако с 2014 года в связи с укреплением позиций России и нежеланием США признавать современные политические тенденции, в том числе и право европейских стран на проведение

собственной независимой внешней политики и поддержание обороноспособности без оглядки на Соединенные Штаты, на зрел кризис европейской безопасности.

Однако для определения основных актуальных проблем европейской безопасности нелишним будет обратиться к истории ее становления. Согласно Уставу Организации Объединенных Наций от 24 октября 1945 года система европейской безопасности принадлежит к региональным системам поддержания мира [18].

Под региональной системой безопасности понимается ряд принципов и структура, действие которых распространяется на определенный международным соглашением регион, что также подразумевает сотрудничество государств региона в сфере обеспечения мира и стабильности [11].

Идея европейской безопасности была реализована в рамках Хельсинкского процесса по безопасности и сотрудничеству в Европе, начало которому было положено подписанием в 1975 году Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) представителями 35 европейских государств, а также США и Канады. В этом Акте указывались нормы отношений государств, соответствующие периоду разрядки международной напряженности и мирного сосуществования социально-политических систем. Механизм СБСЕ включал в себя три параллельные повестки многосторонних переговоров («три корзины») [17].

Вопросы «первой корзины» охватывают вопросы военно-политического измерения, а именно контроль над вооружениями и разоружением. В рамках «первой корзины» странами — членами НАТО и странами — членами Организации Варшавского договора (ОВД) был разработан и подписан 19 ноября 1990 года в Париже Договор об обычных вооружениях и вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) — соглашение об ограничении обычных вооружений. Данный Договор установил равновесие обычных вооруженных сил стран — членов двух военно-политических союзов на пониженном уровне, одновременно ограничив возможности размещения их обычных вооружений вдоль линии соприкосновения между блоками и препятствуя созданию потенциала для ведения крупномасштабных наступательных действий на Европейском континенте [17]. После распада СССР и ОВД после-

довал период пересогласования ДОВСЕ, поскольку страны НАТО не пошли на ратификацию соглашения об адаптации ДОВСЕ (подписано в Стамбуле в ноябре 1999 г.). 13 июля 2007 года Указом Президента Российской Федерации В. В. Путиным Российская Федерация приостановила действие ДОВСЕ.

«Вторая корзина» посвящена экономико-экологическому измерению. И, наконец, «третья корзина», так называемое человеческое измерение, освещает гуманитарное направление: гуманитарное сотрудничество и соблюдение прав человека, способствование развитию демократических институтов, мониторинг выборов.

Однако в механизме Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) наблюдается ряд проблем с момента ее создания. Во-первых, будучи сформированной в 1973—1975 годах, ОБСЕ действовала как серия конференций и консультаций, а не как международная организация. Во-вторых, ОБСЕ изначально не обладала правосубъектностью, так как все обязательства имеют лишь политически обязывающий характер, а не правовой, и отсутствует юридически обязывающий Устав организации. В-третьих, в ОБСЕ отсутствует обязательность исполнения решений, а сами решения принимаются путем консенсуса. И, наконец, в-четвертых, реакция на новые международно-политические условия несколько запаздывает у ОБСЕ, а в последние годы эта организация лишь доказывает свою беспомощность перед лицом реальной угрозы со стороны НАТО и США, которые намеренно разрушают систему европейской безопасности.

Европейская безопасность в настоящее время

На сегодняшний день европейская безопасность остается натоцентричной, подверженной сильному влиянию Соединенных Штатов, которые разместили несколько своих баз на Европейском континенте, будучи основным членом НАТО. Так, в рамках программы системы противоракетной обороны (ПРО) НАТО США разместили в европейских странах — Польше, Румынии и Турции — несколько баз ракет-перехватчиков, обосновав этот шаг необходимостью защиты США и их союзников от возможной угрозы со стороны стран-изгоев, к которым США отнесли,

прежде всего, Иран. Россия, со своей стороны, рассматривает ПРО НАТО как часть системы ПРО США, что говорит о наращивании ядерного потенциала и, следовательно, гонке вооружений. О. П. Иванов, доктор п. наук, профессор Дипломатической академии МИД России, в своей статье отмечает: «Ядерное оружие по-прежнему остаётся значимым фактором в стратегии НАТО» [10, с. 5—16].

Помимо этого О. П. Иванов отмечает, что сам по себе ядерный вопрос является очень чувствительной и крайне неудобной темой для альянса. В НАТО стараются избегать публичного обсуждения ядерной тематики ввиду того, что несогласия внутри блока могут подорвать доверие и надежность стратегии ядерного сдерживания как со стороны членов альянса, так и со стороны его противников [8]. До 2014 года за вывод американского тактического ядерного оружия из Европы выступали Нидерланды, Люксембург, Бельгия и Норвегия [3]. Опорой военно-политической стратегии США в Европе является концепция расширенного сдерживания (extended deterrence), подразумевающая возможность применения Соединенными Штатами ядерного оружия не только в том случае, если территория США и граждане подвергнутся нападению, но и в случае агрессии в отношении стран — членов Североатлантического альянса [16]. В условиях кризиса в двусторонних отношениях России и НАТО руководство альянса утверждает, что Россия создает угрозу европейским странам, так как у российской стороны наблюдается преимущество в тактическом ядерном вооружении в 6 раз. В связи с этим блок намерен предпринять ряд мер, которые будут способствовать дальнейшей эскалации обстановки в Европе.

Отдельного внимания заслуживает размещение в Прибалтике — Литве, Латвии, Эстонии, — а также в Польше военных батальонов НАТО в качестве ответа на вхождение полуострова Крым в состав Российской Федерации [20]. В ответ на размещение военных батальонов НАТО в Прибалтике Российская Федерация объявила об усилении своего военно-технического присутствия в Калининграде и в акватории Балтийского моря для защиты границ своего государства: две мотострелковые дивизии появились на западном направлении, и одна мотострелковая дивизия — на южном направлении [15].

С 2017 года по настоящее время отмечается повышенная активность Вооруженных сил НАТО у российских границ, что является прямой угрозой безопасности России.

Кроме того, в Прибалтике помимо размещенных на данный момент военных батальонов НАТО действуют Центр стратегических коммуникаций НАТО в Риге и Объединенный центр передового опыта в области киберзащиты в Таллине, что подтверждает заинтересованность альянса в контроле над киберпространством [22]. Благодаря этим центрам НАТО имеет возможность, в случае необходимости, препятствовать работе вычислительных механизмов важнейших объектов инфраструктуры потенциальных противников. Стоит отметить и размещение нового командного центра НАТО в немецком городе Ульм, занимающегося стратегическим планированием в Европе и вопросами логистики и тылового снабжения, а также нового объединенного командования НАТО по Атлантическому региону в американском городе Норфолк, нацеленного на проведение разных операций в рамках механизма НАТО.

Отдельного внимания заслуживает вопрос наращивания присутствия НАТО в Норвегии, что проявляется не только в увеличении количества подлодок, радиолокационных станций, но и в росте числа проводимых учений, разведывательных миссий, особенно у границ России, в Арктическом регионе, представляющем особый интерес для НАТО. В последние годы Арктический регион превратился в зону геополитического противостояния. Если раньше он рассматривался с научной и экономической точек зрения, то сегодня, к сожалению, Запад пытается реализовать в Арктическом регионе свои политические амбиции. Хотя, например, ЕС в отчетных документах последних лет указывает на необходимость сохранения Арктики как зоны конструктивного сотрудничества, лишённой напряженности. Правда, это не мешает ЕС бездоказательно обвинять Россию в незаконной деятельности в Арктическом регионе, что свидетельствует о двойных стандартах, давно укрепившихся в европейской системе ценностей [19]. Тем не менее мы видим, как Арктика превращается в одну из целей НАТО по распространению своего негативного влияния.

Иной угрозой европейской безопасности давно принято считать конфликты на Балканах — «пороховой бочке Европы». Невысокий уровень жизни балканских государств и их полити-

ческая неустойчивость (особенно учитывая желание некоторых балканских стран активно развивать партнерские отношения с США и Североатлантическим альянсом), а также религиозная и межэтническая напряженность и высокий уровень организованной преступности — всё это не может не являться важнейшей и даже застарелой угрозой европейской безопасности. Бороться с угрозами, исходящими от Балкан, едва ли удастся Евро-союзу, а НАТО может только усугублять конфликтность в регионе, поощряя межгосударственную разобщенность. Примером тому служит поддержка альянсом непризнанного государства Косово, которое давно находится в состоянии оппозиции к Сербии. Попытки повлиять на разрешение этого противостояния мирным путем не увенчались успехом во многом из-за активной милитаризованной помощи НАТО. Интересно, что военные базы США размещены во многих балканских государствах, например ПРО США в Румынии, военная база США в Косово, учебно-тренировочные базы в Словении и Болгарии и других балканских странах. Это говорит о направленности будущего театра военных действий на Юго-Восточную Европу. Обращает на себя внимание и активная антироссийская пропаганда в Восточной Европе, которую развязала НАТО. Следствием усиления влияния альянса в регионе служит агрессивная политическая повестка ряда балканских государств, направленная на нивелирование взаимоотношений с Россией, особенно в свете проведения Россией СВО на Украине. К недружественным России странам Восточной Европы можно отнести Албанию, Болгарию, Румынию, Северную Македонию, Словакию, Словению, Хорватию, Черногорию, Чехию. Удивительно, но, если заглянуть в историю, можно обнаружить, что именно эти страны были освобождены от захвата нацистской Германией благодаря усилиям СССР во время Второй мировой войны. Однако сейчас мы видим, как эти страны активно поддерживают нацистский режим Украины, всячески доказывая свою приверженность псевдodemократическим ценностям, насаждаемым Соединенными Штатами Америки.

Подобная военная активность альянса у границ России несколько не способствует укреплению европейской безопасности, напротив, усугубляет конфликтность в регионе, заставляя Россию принимать меры не только по защите национальной без-

опасности, но и по недопущению распространения агрессивного влияния НАТО и США на Европу.

Кризис европейской безопасности

В международном сообществе среди экспертов наблюдается вполне трезвая оценка европейской безопасности. В последние годы помимо темы расширения НАТО на Восток особая роль отведена ситуации на Украине, что создает напряженность на Европейском континенте, угрожая его безопасности. Например, известный американский ученый, профессор Дж. Миршаймер утверждает, что именно Запад виноват в кризисе европейской безопасности, в том числе и в ситуации, сложившейся на Украине, и ее желании вступить в НАТО [1]. Он подчеркивает, что западные страны были с конца холодной войны привержены политике расширения НАТО и ЕС на Восток. В итоге в НАТО захотели вступить и Украина с Грузией, что, конечно, неприемлемо для России с точки зрения обеспечения безопасности у ее границ. Профессор Дипломатической академии МИД России О. П. Иванов обращает внимание на то, что «Украина остается ключевой темой и основным раздражителем в отношениях НАТО и России. В НАТО считают, что динамики по этому вопросу нет. Страны — члены НАТО занимают жёсткую и единую позицию, полагая, что путь к улучшению взаимных отношений лежит через Украину. Создание миссии ООН по наблюдению в Донбассе — возможный способ улучшения обстановки» [9, с. 117—127].

Евросоюз давно и безуспешно пытается повлиять на разрешение кризиса европейской безопасности. Одной из инициатив ЕС является разработанная им Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ), закрепленная в Маастрихтском договоре, подписание которого состоялось в 1992 году. Однако позднее, в Амстердамском договоре, заключенном в 1997 году, ЕС впервые было придано военное измерение, включив вопросы обороны и безопасности в сферу компетенции Евросоюза. В рамках Лиссабонского договора 2009 года ОВПБ стала более согласованной и последовательной за счет институциональных и функциональных нововведений. Так, например, для координации механизма ОВПБ была введена должность Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности.

К основным целям ОВПБ помимо защиты ценностей Евросоюза и защиты прав и свобод человека относятся также поддержание безопасности Евросоюза, сохранение мира в соответствии с Уставом ООН, принципами Заключительного акта Хельсинкского совещания и Парижской хартии. В соответствии с данной политикой действия Евросоюза подкрепляются вооруженной силой отдельно, вместе или параллельно с НАТО. Соответственно, можно сделать вывод, что Евросоюз предпринял шаги, чтобы стать более независимым от Североатлантического альянса, хотя на практике остается всё также зависимым от НАТО и США.

Сегодня Европа столкнулась с проблемой распада главных международных договоров, регулирующих европейскую безопасность: прежде всего, выход США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), выход США и впоследствии России из Договора по открытому небу (ДОН), а ранее, в 2007 году, приостановление Россией действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе и связанных с ним международных договоров [7]. В 2023 году Россия приостановила действие Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), что стало вынужденным шагом ввиду агрессивной внешней политики США и желания ядерных стран развивать свои ядерные вооружения [6]. Как заявил Президент России Владимир Путин в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации: «Нам стратегическое поражение хотят нанести и лезут на наши ядерные объекты. В этой связи вынужден заявить сегодня о том, что Россия приостанавливает свое участие в Договоре о стратегических наступательных вооружениях» [13].

Чуть ранее Президент высказывался о выходе США из ДРСМД: «Считаем выход США из Договора об РСМД, в результате чего он прекратил своё действие, серьезной ошибкой, которая усиливает риски развязывания гонки ракетных вооружений, роста конфронтационного потенциала и скатывания к неконтролируемой эскалации. С учетом неослабевающей напряженности по линии Россия — НАТО очевидны новые угрозы для общеевропейской безопасности» [4].

Рассуждая о сложившейся сегодня ситуации вокруг европейской безопасности, конечно, стоит обратить особое внимание

на текущую специальную военную операцию России по денацификации и демилитаризации Украины. Очевидно, что от результатов данной операции будет зависеть будущая архитектура европейской безопасности. Однако уже сейчас можно констатировать неспособность европейских государств взять на себя ответственность за обеспечение безопасности в Европе ввиду их сильной зависимости от блока НАТО, а значит, и от США, тем более в условиях их безраздельной поддержки нацистского режима Украины. Тем не менее по окончании СВО европейская безопасность претерпит ряд изменений, хотя уже сейчас можно говорить о начавшихся трансформационных процессах в системе европейской безопасности. Прежде всего, речь идет о присоединенных к Российской Федерации территориях Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областей, что значительно усилило влияние России в Европе. Правда, есть и другой немаловажный фактор, являющийся также одной из причин начала Россией СВО — расширение НАТО на Восток, особенно в свете присоединения в 2023 году Финляндии к альянсу и возможного присоединения Швеции. Финляндия стала 31-м государством — членом Североатлантического альянса. Подобное создание напряжения у границ России, безусловно, является прямой угрозой ее национальной безопасности, и, естественно, не может быть проигнорировано российской стороной. Как заявил Министр иностранных дел России Сергей Лавров: «Соединенные Штаты могут обмануть в любой момент, и гораздо чаще они обманывают, чем выполняют свои собственные обещания, свои собственные предложения. Можно начать с истории, когда заверяли и Горбачева, и Ельцина, что НАТО не будет расширяться, и дальше по списку» [5]. Все эти угрозы являются одними из важнейших параметров, непосредственно влияющих на европейскую безопасность.

Другой важной угрозой европейской безопасности является миграция — проблема, служащая источником угрозы повышения терроризма и насилия в Европе [2, с. 61—70]. Вследствие конфликтов на Ближнем Востоке, а также украинского конфликта миграционные потоки в Европу увеличились, что стало для европейских государств двусторонней задачей: на повестке дня стоят не только обеспечение прав и безопасности для нелегаль-

ных мигрантов, но и защита граждан Европы от возможных актов агрессии, порождаемых низким уровнем жизни мигрантов. Стоит отметить, что миграционной проблеме всегда уделялось большое внимание в Европейском союзе.

Миграционная политика ЕС строится на ряде основных направлений: на принципах солидарности, предоставления беженцам квот в Европе и социальной адаптации мигрантов, прибывших в Европу. Принцип солидарности в рамках миграционной политики подразумевает уважение прав и свобод человека. С 2014 года страны ЕС проводят операции в акватории Средиземного моря по спасению мигрантов, находящихся в опасности, а также по борьбе с контрабандой мигрантов. Еще одним направлением миграционной политики стало содействие расселению беженцев в Европе. В 2015 году страны ЕС приняли решение о предоставлении беженцам квот в Европе, чтобы снизить миграционное давление, оказываемое на Италию и Грецию. Тем не менее основная нагрузка ложится на другой фактор — социальную адаптацию мигрантов. На территорию ЕС они прибывают из разных стран, но в основном с Ближнего Востока, где жизнь подчинена своим порядкам и законам. Для властей ЕС стоит задача адаптации мигрантов к традициям и образу жизни, сложившимся в Европе, во избежание эскалации напряженности среди местных жителей и беженцев ввиду возможной разной трактовки уклада жизни. Обращает на себя внимание желание ЕС втянуть НАТО в осуществление миграционной политики. Однако НАТО отказалась принимать участие в операциях по разрешению миграционного кризиса в Европе. Единственным предпринятым НАТО шагом в отношении борьбы с незаконной миграцией стала проведенная в 2016 году альянсом операция в Эгейском море против контрабандистов, виновных в прибытии тысячи беженцев на территорию Европы [21]. Тем не менее миграция остается одной из важнейших угроз европейской безопасности, повлиять на успешное разрешение которой у Европы не хватает ресурсов, особенно в свете притока мигрантов в последний год в результате украинского конфликта.

Конечно, в последнее время в Европе особое значение придают и киберугрозам как новым вызовам европейской безопасности. Евросоюз в 2020 году принял Стратегию кибербез-

опасности, в рамках которой одной из приоритетных задач ЕС становится защита от киберпреступлений. В течение 7 лет планируется выделить около 4,5 млрд евро на создание оперативного отдела ЕС по кибербезопасности для координации всех стран в этой области, а также на разворачивание в Евросоюзе сети оперативных центров с широким использованием искусственного интеллекта. При этом Евросоюз настаивает на активном взаимодействии с ООН и другими международными площадками в области кибербезопасности.

Однако самый внимательный, даже агрессивный, подход к борьбе с киберугрозами в Европе демонстрирует Североатлантический альянс. В последней Стратегии «НАТО-2030» России отведена роль главной угрозы безопасности альянса, что является основной причиной для оправдания существования альянса и принятия разных мер, в том числе в области кибербезопасности. В рамках борьбы с киберугрозами НАТО наращивает потенциал в сферах информационных и военных технологий, искусственного интеллекта. Руководство НАТО выделило несколько направлений: технологии 5G, разработка автономных интеллектуальных агентов киберзащиты (Autonomous Intellectual Cybersecurity Agent), стратегические коммуникации (Strategic Communications, или STRATCOM), спутниковые коммуникации (Satellite Communications, или SATCOM). Очевидно, что НАТО нацелена на распространение своего влияния не только «на суше», но и в мировом информационном пространстве. Подобное поведение альянса говорит о решительности в политике глобального доминирования и нежелании считаться с интересами других государств и новым многополярным миром.

Заключение

Исследование основных проблем европейской безопасности в новых условиях показало, что неразумная, агрессивная политика Запада, особенно США, привела к кризису безопасности в Европе. Европейская безопасность остается натоцентричной. Однако неспособность Североатлантического альянса взять на себя ответственность за собственные разрушительные действия, повлекшие разрушение архитектуры безопасности, а также отказ от сотрудничества с Российской Федерацией

по сохранению мира на европейской части континента привели к обострению ситуации в Европе. Сегодня на повестке дня стоит множество вопросов безопасности — от традиционных угроз до новых вызовов. Заниматься разрешением этих проблем предстоит в будущем европейским странам при активном сотрудничестве с Россией. Тем не менее не стоит исключать и нескрываемого желания НАТО принять участие в этом процессе, обернув его в свою пользу, хоть и с ущербом для Европы.

Таким образом, сегодня очевидно выстраивание новой архитектуры европейской безопасности, которая претерпевает ряд серьезных изменений. Прежде всего, вести речь о разрешении проблем европейской безопасности можно будет только по результатам российской специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, в рамках которой ей противостоят США и НАТО, так как Украина воюет западным оружием. Тем не менее при выстраивании новой системы европейской безопасности европейским странам не обойтись без активного взаимодействия с Российской Федерацией.

Литература

1. Американский политолог: В кризисе на Украине виноваты страны Запада // EADaily. – 2016. – 25 окт. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/10/25/amerikanskiy-politolog-v-krizise-na-ukraine-vinovaty-strany-zapada> (дата обращения: 19.04.2023).
2. Арбатова Н. Миграционная угроза безопасности ЕС: предрассудки и реальности // Мировая экономика и международные отношения. – Т. 66. – 2022. – № 2. – С. 61–70.
3. Будущее противоракетной обороны: точка зрения НАТО. – 2014. 15 янв. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_106142.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 19.04.2023).
4. Выступление Президента России Владимира Путина с заявлением о деэскалации в Европе на фоне прекращения Договора РСМД. – 2020. – 26 окт. – URL: https://tsargrad.tv/news/putin-postavil-ultimatum-nato-rossija-gotova-otkazatsja-ot-krylatoj-rakety-no_292230 (дата обращения: 19.04.2023).
5. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Боливарианской Республики Венесуэла И. Хилем по итогам переговоров (Каракас, 2023). – 2023. – 18 апр. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1864152/ (дата обращения: 19.04.2023).
6. Заявление МИД России в связи с приостановлением Российской Федерацией действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). – 2023. – 21 фев. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1855184/ (дата обращения: 19.04.2023).
7. Заявление МИД России о выходе США из Договора о РСМД и прекращении его действия. – 2019. – 2 авг. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1467241/ (дата обращения: 19.04.2023).
8. Иванов О.П. Ядерная доктрина НАТО в свете кризиса отношений с Россией // Обозреватель. – 2018. – № 9 (344). – С. 5–18.

9. Иванов О.П. Модернизация стратегии НАТО и Россия // Современная Европа. – 2020. – № 3 (96). – С. 117–127.
10. Иванов О.П. Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике // Обозреватель. – 2022. – № 11–12 (394–395). – С. 5–16.
11. Окунев И.Ю., Виноградов В.В. Комплексы региональной безопасности (Опыт пространственного автокорреляционного и кластерного анализа) // Мировая экономика и международные отношения. – Т. 65. – 2021. – № 4. – С. 30–41.
12. основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. – 1997. – 27 мая. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 19.04.2023).
13. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2023. – 21 фев. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 19.04.2023).
14. Проект Договора о европейской безопасности. – 2009. – 26 нояб. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6152/print> (дата обращения: 19.04.2023).
15. Рогожников М.В. Западный фронт вновь становится реальностью // Эксперт. – 2016. – 4 мая. – URL: <https://expert.ru/2016/05/4/tri-novyih-divizii-protiv-nato/> (дата обращения: 19.04.2023).
16. Сдерживание и оборона. – 2023. – 8 сент. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_133127.htm (дата обращения: 10.09.2023).
17. Сопровождение по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. – 1975. – 1 авг. – URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 19.04.2023).
18. Устав ООН. – Глава VIII: Региональные соглашения. – Ст. 52–54. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-8> (дата обращения: 19.04.2023).
19. Arctic: MEPs call for peace and reduced tension in the region [Арктика: депутаты Европарламента призывают к миру и снижению напряженности в регионе]. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210930IPR13931/arctic-meps-call-for-peace-and-reduced-tension-in-the-region> (accessed: 19.04.2023).
20. Boosting NATO's presence in the east and southeast [Усиление присутствия НАТО на Востоке и Юге]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (accessed: 19.04.2023).
21. NATO Defence Ministers Agree on NATO support to assist with the Refugee and Migrant Crisis [Министры обороны стран НАТО принимают решение о поддержке со стороны НАТО для содействия в урегулировании кризиса с беженцами и мигрантами]. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_127981.htm (accessed 19.04.2023).
22. NATO Stratcom Centre of Excellence [Центр стратегических коммуникаций НАТО]. – URL: <https://stratcomcoe.org/> (accessed: 19.04.2023).

Тутаева Наталья Игоревна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Natalia I. Tutaeva,

Phd in Political Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: fni07@rambler.ru

РОЛЬ ФАО В РЕШЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

THE ROLE OF FAO IN THE SOLUTION OF THE FOOD PROBLEM IN THE DEVELOPING COUNTRIES

Аннотация: усилия развивающихся стран в деле решения продовольственной проблемы подрываются действием ряда негативных факторов, включая антироссийские санкции, что провоцирует дальнейший рост числа голодающих в мире и делает нереальным достижение цели ликвидации голода к 2030 году, поставленной в Повестке дня в области устойчивого развития, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году.

Ключевые слова: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года, продовольственная безопасность, продовольственное самообеспечение, Цели в области устойчивого развития (ЦУР), Программа технической помощи ФАО.

Abstract: the efforts of the developing countries to solve the food problem are undermined by the repercussions of a number of negative factors, including anti-Russian sanctions provoking a further growth of the number of hungry people in the world and making unrealistic the achievement by 2030 of the goal elimination of hunger put forward by the 2030 Agenda for Sustainable Development, adopted by the UN General Assembly in 2015.

Key words: 2030 Agenda for Sustainable Development, food security, food self-sufficiency, Sustainable Development Goals (SDGs), FAO Programme of Technical Cooperation.

Введение

Ликвидация голода и обеспечение населения планеты необходимыми продуктами питания остаются одними из острых проблем, с которыми сталкивается человечество в последние десятилетия и которые занимают центральное место в деятельности Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО).

Начиная с 60-х годов прошлого века ФАО стала инициатором созыва целой серии международных конференций и встреч выс-

шего уровня, посвященных поиску путей решения мировой продовольственной проблемы.

Итогом работы упомянутых международных форумов стало принятие ряда широкомасштабных программ действий, направленных на мобилизацию ресурсов и усилий международного сообщества на ликвидацию голода на Земле и достижение всемирной продовольственной безопасности.

Однако уже к концу 1990-х годов стало очевидным, что важнейшие цели, поставленные в программах, остались недостижимыми, и потребовалось принятие уже в рамках ООН новых далеко идущих программных документов, ориентированных на радикальное решение мировой продовольственной проблемы. Прежде всего, это относится к Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, провозглашенной в 2000 году Генеральной Ассамблеей ООН, а также к принятой в ее развитие [10] на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года, содержащей 17 Целей в области устойчивого развития. В обоих документах ФАО была отведена роль головного агентства по координации работы в сфере обеспечения продовольственной безопасности, ликвидации голода и нищеты, проводимой организациями системы ООН, включая Всемирную продовольственную программу (ВВП), Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСХР), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ) и Организацию Объединенных Наций в области науки, культуры и образования (ЮНЕСКО) [10].

По состоянию на декабрь 2022 года, по данным ООН, около 900 млн человек, или 11,3% мирового населения, испытывают острую нехватку продовольствия [8, с. 5]. Проведенный по инициативе Генсекретаря ООН А. Гутерриша в рамках 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Саммит по продовольственным системам по существу оказался не в состоянии переломить тенденцию к росту числа голодающих в мире.

По оценке экспертов ФАО, это число в ближайшие годы будет только возрастать, учитывая сохранение и даже нарастание таких негативных факторов, как: спад мировой экономики; последствия COVID-19; продолжение потепления климата Земли, вызываю-

щее разрушительные природные катастрофы; деградация почв и сокращение посевных площадей; усугубление бремени внешней задолженности и финансового положения многих развивающихся стран, вынужденных всё чаще обращаться за международной, гуманитарной, финансовой и продовольственной помощью.

На действие указанных факторов, а также антироссийских санкций накладывается дезорганизация мировых рынков продовольствия и удобрений, подрывающая усилия этих стран в решении продовольственной проблемы. При этом нельзя не учитывать также отвлечение многомиллиардных ресурсов Запада на военную помощь Украине, составивших с 2014 по 2022 год 150,8 млрд долл. США, в том числе 90 млн долл. США, которые могли бы быть направлены на борьбу с голодом в мире [5]. Более того, с начала СВО объем ресурсов западных стран, переданных киевскому режиму, превысил в 2,7 раза бюджет страны, составлявший на 2023 год 55,5 млрд долл. США [7]. За период с 2022 по 2023 год США направили Киеву в порядке военной и финансовой помощи 66,2 млрд долл. США. Более того, администрация США обязалась предоставить Украине до конца 2023 года дополнительную военную помощь свыше 20 млрд долл. США [19].

В этих условиях эксперты ФАО подтвердили в аналитическом докладе за 2023 год нереальность достижения к 2030 году Целей в области устойчивого развития (ЦУР), поставленных в Повестке дня, и, прежде всего, ЦУР 2 (ликвидация голода) [8, с. 8].

Именно беднейшие развивающиеся страны, прежде всего региона Африки южнее Сахары и Центральной и Южной Азии, несущие наиболее тяжелые издержки от ухудшения состояния мировой экономики, пандемии COVID-19, региональных конфликтов, разрушительных катастроф, дают основной прирост числа голодающих в мире.

Несмотря на то что эксперты ООН избегают политических оценок воздействия на мировую экономику антироссийских санкций Запада, ограничиваясь общим термином «война на Украине», они вынуждены констатировать их воздействие на рост мировых цен на зерно и удобрения вследствие сокращения их поставок на мировой рынок из России и Украины.

По данным экспертов, на эти две страны приходится 33% мирового экспорта пшеницы, ячменя — 27%, кукурузы — 17%,

подсолнечного масла — 73%. Россия рассматривается ими в качестве крупнейшего мирового экспортера азотных удобрений, занимающая 2-е место по поставкам калийных удобрений и 3-е место по поставкам фосфорных удобрений [17, с. 13].

По признанию экспертов, произошедшее сокращение экспорта российского зерна и удобрений уже тяжело отразилось на продовольственном положении большого числа развивающихся стран Африки, Ближнего Востока и Азии [17, с. 15—16].

Сокращение поставок российских удобрений ведет к росту мировых цен на этот товар, а соответственно, и цен на пшеницу, что крайне негативно сказывается на продовольственном положении в первую очередь стран Африканского региона.

По оценкам экспертов ООН, продолжение специальной военной операции на Украине приведет к длительному спаду мировой экономики и дальнейшему росту числа голодающих в мире.

В условиях спада мировой экономики ФАО рекомендует правительствам уделить приоритетное внимание диверсификации агропродовольственных систем, чтобы обеспечить доступность здорового питания для всех категорий населения [8, с. 22—23].

Техническая помощь является центральным звеном деятельности ФАО в сфере продовольственной безопасности, поскольку достижение в итоге развивающимися странами продовольственного самообеспечения является залогом обеспечения продовольственной безопасности на уровне отдельных стран, регионов и в целом мире.

В этом плане действующий в рамках ФАО Комитет по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ), отслеживающий ситуацию, которая складывается на глобальном и страновом уровнях, по существу дает оценку эффективности технической помощи, оказываемой ФАО, в продвижении развивающихся стран к продовольственному самообеспечению.

На своей 47-й сессии КВПБ поддержал рекомендацию Группы высокого уровня по продовольственной безопасности по формированию Глобальной концепции продовольственной безопасности и питания до 2030 года, которая тесно увязана с выполнением Повестки дня и, прежде всего, в достижении ЦУР 2 (ликвидация голода) [9].

В Глобальной концепции дается следующее определение продовольственной безопасности: «Продовольственная безопасность считается достигнутой при наличии у всех людей постоянного физического и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи [11], позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни» [9, с. 71].

Четыре измерения продовольственной безопасности — «наличие, доступ, использование и стабильность» дополнены в Глобальной концепции такими определениями, как субъективность и устойчивость продовольственных систем. Концепция ориентирует правительства на такую перестройку продовольственных систем, которая обеспечивала бы верховенство права на питание, расширение прав и возможностей обеспечения равенства участников продовольственных систем в восстановлении ресурсов и повышении продуктивности [9, с. 2].

В Глобальной концепции дано также следующее определение продовольственной системы: «...продовольственная система включает все элементы (окружающую среду, людские ресурсы, факторы производства, инфраструктуру и др.) и все виды деятельности, связанные с производством, обработкой, распределением и потреблением продовольствия, а также результаты такой деятельности, включая социально-экономические и экологические последствия» [9, с. 11]. Продовольственная система охватывает создание в странах многосторонних партнерств для финансирования деятельности в сфере продовольственной безопасности, объединяющих ресурсы государственного бюджета и частного бизнеса [9, с. 12].

В последние годы КВПБ начал активно заниматься мониторингом последствий кризисов и конфликтов, уделяя особое внимание последствиям войны на Украине для глобальной продовольственной безопасности и агропродовольственных систем, в связи с чем российская делегация на 50-й сессии КВПБ заявила, что конфликты и их квалификация, имеющие юридические препятствия, выходят за рамки мандата КВПБ и диссоциировались от пункта «d» доклада Комитета, в котором оправдывается это направление деятельности КВПБ [16].

В рамках ФАО реализуется инициатива «Рука об руку», участниками которой являются 54 страны-члена, ориентированная на ликвидацию голода и нищеты в Африке. Инициатива «Рука об руку» была одобрена на 31-й Региональной конференции ФАО 27 октября 2020 года. Она реализуется самими странами с разным уровнем экономического развития, и, как подчеркнул на конференции Гендиректор ФАО Цюй Дунъюй, «благодаря партнерскому взаимодействию и применению самых современных средств инициатива способствует ускорению преобразования сельского хозяйства и решению продовольственной проблемы».

В октябре 2022 года был проведен инвестиционный форум, в ходе которого страны-члены представили заинтересованным сторонам в лице банков развития, инвестиционных фондов и представителей частного бизнеса предложения, касающиеся финансирования программ ФАО. Общая сумма потенциальных инвестиций составила, по оценке ФАО, около 3 млрд долл. США [13, с. 5].

Значимым этапом в деле ускорения решения продовольственной проблемы развивающихся сторон стало проведение 24—26 июля 2023 года в Риме по инициативе Генсекретаря ООН второго Саммита ООН по продовольственным системам. В принятом на Саммите итоговом документе центральное место заняли рекомендации, касающиеся формирования устойчивых агропродовольственных систем.

Оказание помощи развивающимся странам, ориентированной на достижение ими продовольственного самообеспечения, сформировалось в последние годы в качестве приоритетного направления деятельности ФАО. Помощь осуществляется в рамках целевых проектов по линии Программы технического сотрудничества и финансируется через Инвестиционный фонд ФАО.

ФАО играет важную каталитическую роль, привлекая для финансирования таких проектов ресурсы других международных организаций и, прежде всего, Всемирного банка, Международного валютного фонда, Всемирной продовольственной программы, Международного фонда сельскохозяйственного развития, а также ресурсы Евросоюза.

Ресурсы, которыми располагает ФАО, составляют взносы государств-членов в бюджет Организации. В соответствии с реше-

нием, принятым на 43-й сессии Генеральной конференции ФАО (Рим, 1—7 июля 2023 г.), общий бюджет ФАО на 2024—2025 годы составляет 4,145 млрд долл. США. При этом на добровольные взносы приходится 75% бюджета, или 2,979 млрд долл. США [15]. Для финансирования деятельности ФАО в области климата и окружающей среды привлекаются ресурсы Глобального экологического фонда и Зеленого климатического фонда, составляющие около 13% общего объема внебюджетных средств [14, с. 1].

Проекты ФАО имеют, как правило, комплексный характер и охватывают такие аспекты, как: совершенствование сельскохозяйственного производства; качество питания; улучшение состояния окружающей среды, включая адаптацию к изменению климата и смягчение его последствий для агропродовольственных систем; формирование биоэкономических систем в целях устойчивого развития продовольственного сектора и обеспечения невосприимчивости продовольственной среды к внешнему воздействию и чрезвычайным ситуациям.

Работа ФАО строится в соответствии со Среднесрочным планом на 2022—2025 годы и Стратегической рамочной программой на 2021—2031 годы, тесно увязанных с реализацией Целей устойчивого развития.

Ресурсы Программы технического сотрудничества распределяются под пять региональных программ: для стран Африки; для стран региона Азии и Тихого океана; для стран региона Латинской Америки и Карибского бассейна; для стран региона Ближнего Востока, а также для стран Европы и Центральной Азии.

В рамках этих программ оказывается финансовая поддержка мелким фермерам: в закупках высокоурожайного семенного зерна, удобрений, кормов для скота, а также сельскохозяйственного инвентаря; создании объектов инфраструктуры; информировании о новейших достижениях в области биотехнологии [11], борьбы с болезнями домашнего скота и сельскохозяйственными вредителями. Успешно реализуемые проекты ФАО зачастую играют роль образцово-показательных центров для населения прилегающих сельскохозяйственных регионов, побуждающих его к изучению и применению новейших агротехнических приемов в сфере землепользования, повышения урожайности сельскохозяйственных культур, сохранения урожая.

Программа технического сотрудничества определила роль региональных представительств ФАО в отборе проектов технической помощи, подготовке контингента технических специалистов для их реализации, а также в мобилизации местных ресурсов для финансирования проектов, дополняющих ресурсы, предоставляемые по линии ФАО.

На финансирование проектов техпомощи в бюджете ФАО на 2024—2025 годы предусмотрено выделение 2 млрд 979 млн долл. США [15]. Однако реальный объем ресурсов, которыми располагает ФАО на цели оказания помощи, значительно ниже, учитывая неполную собираемость взносов государств-членов в бюджет ФАО. Свыше 60% развивающихся стран имеют многолетнюю задолженность в бюджет Организации, и каких-либо изменений в складывающейся ресурсной ситуации ФАО в ближайшей перспективе не просматривается.

Поэтому основной акцент в мобилизации ресурсов Организации делается руководством ФАО на привлечение добровольных взносов государств-членов, а также средств международных организаций. Однако и здесь ситуация не простая, учитывая, что ведущие западные страны-доноры предпочитают оказание финансовой и технической помощи лишь отдельным развивающимся странам на двусторонней основе, где у них имеются практические, экономические и политические интересы.

Проекты техпомощи осуществляются через Инвестиционный центр ФАО, входящий в Департамент технического сотрудничества, а также через закупочную службу ФАО [11].

Работа Центра строится на основе запросов национальных правительств и международных инвесторов по подготовке и реализации инвестиционных проектов в сельском хозяйстве и развитии сельских регионов. При этом основную часть расходов на выполнение этих функций оплачивают многосторонние финансовые институты. ФАО оплачивает около 40% расходов Инвестиционного центра, а также предоставляет услуги по предпроектной подготовке инвестиций через Программу технического сотрудничества или целевые фонды. Национальные правительства участвуют в разработке программ и проектов, частично финансируют их разработку, а также обеспечивают устойчивое функционирование проектов после завершения имплементационного периода [11].

Центр реализует две основные программы: Совместную программу ФАО/Всемирного банка и Программу поддержки инвестиций (ППИ). ППИ взаимодействует с 19 многосторонними финансовыми институтами. В соответствии с Меморандумом о взаимопонимании между ППИ и Всемирным банком последним был одобрен 241 проект на общую сумму 22,2 млрд долл. США [18].

Наряду с проектами технической помощи развивающимся странам, осуществляемыми в рамках региональных программ технического сотрудничества для стран Африки, Азии и Латинской Америки, ФАО реализует довольно крупную Программу техпомощи для стран Европы и Центральной Азии.

В рамках этой Программы наряду с проектами в странах Южной Европы реализуются проекты в центральноазиатских республиках, а также в Армении, Азербайджане, Грузии и Молдове. Помимо этого отдельные проекты ФАО осуществляются на Украине и в Белоруссии [12, с. 18—31].

В основе этих проектов лежат принятые в рамках Программы три региональные инициативы.

Поддержка мелких землевладельцев, а также семейных фермеров и молодежи.

Преобразование продовольственных систем и оказание содействия в получении доступа к международным рынкам.

Устойчивое управление природными ресурсами в условиях изменения климата [12, с. 41—43].

В конкретном плане в **Узбекистане** ФАО оказывает поддержку Минсельхозу в разработке программы по определению приоритетных мероприятий по ускорению цифровизации сельскохозяйственного сектора. ФАО осуществляет серию успешных проектов по устойчивому лесопользованию, борьбе с засухой и засолением земель, сохранением биоразнообразия. Реализуется Программа воздействия на продовольственные системы и землепользование.

В **Туркменистане** основное внимание уделяется повышению эффективности производственно-сбытовой цепочки в сфере производства хлопчатника и повышения устойчивости агропромышленных систем. Большое внимание уделяется профилактике трансграничных болезней животных. Финансовую поддержку в реализации проектов техпомощи ФАО оказывает Турция.

В **Таджикистане**, серьезно пострадавшем от изменения климата и стихийных бедствий, ФАО оказывает содействие в создании по всей стране агрометеорологических станций, развитии семеноводческого сектора, борьбе с вредителями и болезнями животных и растений и др.

В **Кыргызстане** в рамках Программы сотрудничества с ФАО реализуются проекты в сфере повышения продовольственной безопасности и улучшения качества питания, развития органического сельского хозяйства, повышения устойчивости домашних хозяйств, защиты окружающей среды и адаптации в условиях изменяющегося климата, преобразования пастбищных и лесных ресурсов с переходом на экосистемный подход.

В **Казахстане** ФАО оказывает поддержку малым фермерским хозяйствам в условиях постпандемии и изменения климата. С 2022 года реализуются два проекта по совершенствованию методологии дистанционного зондирования и мониторинга сельхозугодий и их урожайности, а также по устойчивому развитию агролесоводства и природных пастбищ.

В **Грузии** ФАО совместно с Ассоциацией фермеров проводит работу по цифровой трансформации сельского хозяйства, реализации Национальной программы идентификации и отслеживания домашних животных, охватывающей свыше 1 млн особей крупнорогатого скота (National Animal Identification System, NAISG). При финансовой поддержке Евросоюза осуществляется работа по обеспечению устойчивости производственно-сбытовых цепочек и улучшению их доступа к финансированию и услугам. Большое внимание в проектах ФАО уделяется расширению прав и возможностей сельских жителей и их поддержке.

В **Армении** ФАО совместно с Евросоюзом реализует проект «Расширение возможностей местных субъектов для развития Лорийской и Тавушской областей». Была проведена оценка воздействия пандемии COVID-19 на производственно-сбытовые цепочки в области продовольствия, повышения невосприимчивости мелких и семейных фермерских хозяйств к внешним воздействиям.

В Армении совместно с ФАО было проведено комплексное исследование противомикробных препаратов в пищевой и ветеринарной отраслях, практические рекомендации которых были использованы в семейном хозяйстве и пищевой промышленности.

В **Молдове** ФАО уделяет приоритетное внимание вопросам цифровизации сельского хозяйства и обучению фермеров цифровой грамотности на основе платформы электронной торговли для мелких сельхозпроизводителей и сельских женщин, а также в рамках инициативы «Цифровые деревни».

В **Беларуси** ФАО оказывает техническую помощь в деле укрепления национальной политики в области продовольственной безопасности и питания, торговли сельхозпродукцией, а также в расширении прав и возможностей сельских женщин посредством развития предпринимательства, создания рабочих мест, условий для развития сельского бизнеса.

Большое внимание ФАО уделяет вопросам помощи в борьбе с болезнями животных и вредителями растений, включая содействие в закупке реактивов и обучении для лабораторного тестирования устойчивости к противомикробным препаратам.

На **Украине** ФАО реализует План быстрого реагирования по оказанию помощи домашним хозяйствам, мелким и средним фермерам, пострадавшим от военных действий. В 2022 году ФАО оказало помощь приблизительно 40 тыс. домашних хозяйств в форме предоставления им сельскохозяйственных ресурсов и денежных средств для производства продуктов питания. В рамках разработанной ФАО совместно с Минсельхозом Украины «Стратегии по наращиванию мощностей для хранения зерна» при финансовой поддержке Канады, Японии и Австралии ФАО обязалась обеспечить хранение 16 млн тонн зерна.

Россия оказывает активную поддержку деятельности ФАО в решении продовольственной проблемы развивающихся стран и оказывает им необходимую финансовую помощь.

Важное значение для продовольственного обеспечения населения развивающихся стран имеют поставки Россией зерна, удобрений и сельскохозяйственной техники. Как подчеркнул на заседании Совета Безопасности ООН 23 мая 2023 года Постпред России при ООН В. Небензя: «Поставки российских аммиачных удобрений могли бы обеспечить продовольствием свыше 200 млн человек». Несмотря на торговые барьеры Запада, экспорт российского зерна, ориентированного главным образом на нужды развивающихся стран, составил на конец 2022 года свыше 50 млн тонн. Таким образом, была достигнута цель, по-

ставленная перед сельским хозяйством России Президентом РФ В. В. Путиным на пленарном заседании Восточного экономического форума (г. Хабаровск) 3 сентября 2022 года.

В целом по итогам 2022—2023 сельскохозяйственного года экспорт российского зерна, по оценке экспертов Минсельхоза России, — около 60 млн тонн, в том числе пшеницы — около 47 млн тонн [1].

С учетом возрастающих возможностей российского зернового экспорта, прежде всего в развивающиеся страны, Россия в решительной форме потребовала от западных стран снятия ограничений на поставки на мировой рынок российского зерна и удобрений и в полном объеме выполнения российской части зерновой сделки, заключенной 22 июля 2022 года.

При этом было сделано твердое предупреждение о том, что в случае невыполнения российской части зерновой сделки она будет прекращена 17 июля 2023 года [7].

Проявляя максимум конструктивности в подходе к реализации зерновой сделки, Россия трижды давала согласие на продление сроков ее действия в расчете на адекватные шаги со стороны западных стран по выполнению второй части зерновой сделки. Ввиду наглого игнорирования Западом российских интересов, использования США и их партнерами по НАТО зерновой сделки в качестве прикрытия для доставки по гуманитарному коридору западных вооружений и боеприпасов в украинские порты, совершения диверсий и актов терроризма в отношении России со стороны киевского режима 17 июля 2023 года российским руководством было принято решение о прекращении с 18 июля сего года действия зерновой сделки. Решение было изложено в официальном заявлении МИД России от 17 июля 2023 года [6].

О принятом решении МИД России информировал украинскую и турецкую стороны, а также Генсекретаря ООН. В заявлении МИД России было подчеркнуто, что за год, прошедший с момента принятия соглашения по зерновой сделке, оно так и не заработало в части, касающейся разблокирования экспорта российского продовольствия и удобрений.

В связи с принятым решением Россия отозвала гарантии безопасности судоходства в северо-западной акватории Черного моря, следствием чего является сворачивание морского гумани-

тарного коридора и восстановление режима временно опасного района. Совместный координационный центр в Стамбуле по зерновой сделке был расформирован.

На совещании с членами Правительства 19 июля 2023 года Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, «что Россия рассмотрит возможность вернуться к “зерновой сделке”, но только при одном условии — если будут в полном объеме учтены, а главное, реализованы все без исключения ранее согласованные принципы участия России в этой сделке» [4].

В выступлении на пленарном заседании второго Саммита «Россия — Африка» 27 июля 2023 года В. В. Путин представил на рассмотрение представителей африканских стран развернутую программу сотрудничества в том числе в области сельского хозяйства с особым упором на наращивание производства продовольствия и достижение продовольственного самообеспечения в странах региона. Им были очерчены возможности экономической помощи России нуждающимся странам региона, включая безвозмездные поставки зерна и удобрений наиболее бедным из них¹ [3].

Выступая в формате видеоконференции на XV Саммите БРИКС в г. Йоханнесбурге 23 августа 2023 года В. В. Путин подчеркнул, что «Россия использует все свои возможности для борьбы с голодом в мире и недопущения продовольственного кризиса» [2].

Литература

1. Выступление Министра сельского хозяйства России Д.Н. Патрушева в ходе выставки «Всероссийский день поля 2023». 7 июля 2023 г. // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <https://mcs.gov.ru/press-service/news/dmitriy-patrushev-oboznachil-strategicheskie-zadachi-razvitiya-rasteniyevodstva-v-povuykh-usloviyakh/> (дата обращения: 25.08.2023).
2. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина в формате видеоконференции на XV Саммите БРИКС в г. Йоханнесбурге 23 августа 2023 г. // Президент России [Официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72096> (дата обращения: 26.08.2023).
3. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании Второго саммита «Россия – Африка» 27 июля 2023 г. // Президент России [Официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71826> (дата обращения: 30.08.2023).
4. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на совещании с членами Правительства 19 июля 2023 г. // Президент России [Официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71699> (дата обращения: 30.07.2023).

¹ До конца 2023 года Россия в соответствии с достигнутыми договоренностями бесплатно поставит зерно в Буркина-Фасо, Зимбабве, Мали, Сомали, Центрально-Африканскую Республику и Эритрею.

5. ЕС с 2014 года профинансировал Украину на €90 млрд // Известия. – URL: <https://iz.ru/1439948/2022-12-13/es-s-2014-goda-profinansiroval-ukrainu-na-eu90-mlrd> (дата обращения: 19.07.2023).
6. Заявление официального представителя МИД России М.В. Захаровой от 17 июля 2023 г. // News.ru. – URL: <https://yandex.ru/turbo/news.ru/s/vlast/provavili-zaharova-zayavila-chto-oon-ne-spravilas-s-zernovoj-sdelkoj/> (дата обращения: 24.07.2023).
7. Заявление официального представителя МИД России М.В. Захаровой от 17 мая 2023 г. / МИД России. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/brifingi/1870909/ (дата обращения: 19.07.2023).
8. Положение в области продовольственной безопасности и питания в мире. 2023 г. / Закупочная служба ФАО. Рим, 2023. – URL: <https://www.fao.org/3/cc6550ru/cc6550ru.pdf> (дата обращения: 25.08.2023).
9. Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания до 2030 года / ФАО. Рим, 2020. – URL: <https://www.fao.org/3/ca9731ru/ca9731ru.pdf> (дата обращения: 23.08.2023).
10. *Тутаева Н.И.* К достижению странами «третьего мира» Целей устойчивого развития в сфере продовольственного самообеспечения. Роль ФАО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 4 (26). – С. 25–38. – URL: https://www.dipacademy.ru/documents/2091/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_4-2020.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
11. *Тутаева Н.И.* Политические аспекты участия России в деятельности ФАО: дис. ... канд. полит. наук. – URL: <http://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005369295> (дата обращения: 20.09.2023).
12. ФАО 2023. ФАО в Европе и Центральной Азии. Будапешт, 2023. – URL: <https://www.fao.org/3/cc5252ru/cc5252ru.pdf> (дата обращения: 28.09.2023).
13. Doc. CL 17/4. – URL: <https://www.fao.org/3/nk833en/nk833en.pdf> (accessed: 02.08.2023).
14. Doc. C 2022/31. – URL: <https://www.fao.org/3/cb7099en/cb7099en.pdf> (accessed: 12.08.2023).
15. Doc. C 2023/3. – URL: <https://www.fao.org/3/mn039ru/mn039ru.pdf> (accessed: 11.09.2023).
16. Doc. CFS 2023/21. – URL: <https://www.fao.org/3/nk523ru/nk523ru.pdf> (accessed: 11.09.2023).
17. Global Report on World Food Crises 2023 / FAO. Rome, 2023. – URL: <https://www.wfp.org/publications/global-report-food-crises-2023> (accessed: 25.08.2023).
18. The State of Food and Agriculture, 2019, Doc. C. 2019/2, Statement of the FAO Director-General at the World Summit on Food Security. – URL: <https://www.fao.org/publications/card/en/c/CA6030EN%29/> (accessed: 12.09.2023).
19. The Washington Post: Украина стала крупнейшим получателем помощи от США со Второй мировой войны // tass.ru. – 2023. – 7 авг. – URL: <https://yandex.ru/turbo/argumenti.ru/s/politics/2023/08/848590> (дата обращения: 17.09.2023).

Глебездин Арсентий Владимирович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
Arsenti V. Glebezdin,
Postgraduate student,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.
E-mail: senagleb@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УКРАИНЫ В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА NATIONAL AND STATE IDENTITY OF UKRAINE IN THE MONUMENTAL POLITICS OF THE POST-SOVIET PERIOD

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме взаимосвязи политики Украины в отношении памятников и конструирования национально-государственной идентичности украинского общества в постсоветский период. Автор обобщил и проанализировал значительный эмпирический материал, касающийся господствующих на Украине практик замены исторической памяти социума при помощи разрушения одних монументальных символов и постепенной замены их другими. С опорой на современные российские и зарубежные исследования выявлены основные компоненты монументальных символов, на которые опирается новая украинская идентичность. Установлена ее антироссийская и русофобская интенция как главенствующая парадигма всей украинской идентичности. Определена иерархия монументальных символов, в которой позитивные образы созидания и культуры занимают явно периферийное место. Выявлена роль виктимного дискурса в формировании нарратива мести, ненависти и насилия в отношении русского народа и России. Сделан вывод о возможности политического прогнозирования на основе анализа процессов конструирования национально-государственной идентичности средствами монументальной пропаганды.

Ключевые слова: идентичность, политика памяти, мемориально-символическое пространство, виктимный дискурс, пантеон героев.

Abstract: the article is devoted to the actual problem of the interrelation of the policy of Ukraine in relation to monuments and the construction of the national-state identity of Ukrainian society in the post-Soviet period. The author summarized and analyzed significant empirical material concerning the prevailing practices in Ukraine of replacing the historical memory of society by destroying some monumental symbols and gradually replacing them with others. Based on modern Russian and foreign studies, the main components of monumental symbols on which the new Ukrainian identity is based are revealed. Its anti-Russian and Russophobic intention is stated as the dominant paradigm of the entire Ukrainian identity. A hierarchy of monumental symbols has been established, in which positive images of creation and culture occupy a clearly peripheral place. The role of victim discourse in the formation of the narrative of revenge, hatred

and violence against the Russian people and Russia is revealed. The conclusion is made about the possibility of political forecasting based on the analysis of the processes of constructing national-state identity by means of monumental propaganda.

Key words: identity, politics of memory, memorial and symbolic space, victim discourse, pantheon of heroes.

Введение

Трагические последствия конструирования и реализации политического проекта «Украина» в настоящий момент (2023 год) очевидны и бесспорны. В немалой степени они проистекают из многолетнего концепта «украинской нации», который реализовывался с использованием всех современных средств массовой пропаганды и исторической политики, включая целенаправленное создание мемориально-символического пространства посредством уничтожения старых памятников и возведения новых. Именно на данном зримо-осязаемом публичном фундаменте происходило формирование политической идентичности на Украине после распада СССР. В таком контексте проблема взаимосвязи национально-государственной идентичности и публично-монументальной политики памяти приобретает как академическую, так и прикладную актуальность.

Поиск закономерностей и механизмов воздействия мемориально-символического пространства на политическую ментальность социума, которая, в свою очередь, детерминирует вектор политической воли и легитимирует те или иные действия власти, способен углубить понимание политической реальности. Кроме того, понимание механизмов «кодирования» массового политического сознания, выявление упомянутых закономерностей создают условия и возможности как для «расколдовывания» общества, поддавшегося деструктивному политическому мифу, так и для выработки превентивной стратегии противодействия такого рода воздействиям, исходя из долгосрочных интересов Российского государства.

Таким образом, целью настоящей статьи является создание концептуальной модели воздействия исторического монументального искусства на формирование национально-государственной идентичности постсоветской Украины.

Тезаурус исследования включает в себя сумму взаимосвязанных базовых терминов: национально-государственная идентич-

ность, монументальное искусство, мемориально-символическое пространство, национальный пантеон героев, политика памяти, виктимизация прошлого, ретроспективный ресентимент. В своей совокупности они создают операциональную базу, позволяющую адекватно проанализировать эмпирические данные и достичь сформулированной выше цели статьи.

Обзор научной литературы

Используемую в данной статье научную литературу необходимо разделить на несколько групп:

- 1) обзорно-аналитические работы по проблемам исторической политики постсоветской Украины;
- 2) тематические исследования, посвященные вопросам политически обусловленных трансформаций публичного мемориального пространства на Украине после 1992 года;
- 3) научные исследования по проблемам исторической памяти, «войн памяти» в современной мире, принадлежащие авторству как российских, так и зарубежных исследователей;
- 4) работы по проблемам конструирования политической идентичности и факторов ее поддержания.

В таблице 1 проанализированы наиболее значимые работы, сыгравшие важную роль в раскрытии темы при написании настоящей статьи.

Таблица 1

Научная литература по проблеме становления украинской политической идентичности в мемориальном дискурсе

Группа публикаций	Наименования работ	Квинтэссенция актуальных идей
1. Проблемы исторической политики постсоветской Украины	<i>Касьянов Г.</i> Украина и соседи: историческая политика 1987—2018 [10]; <i>Багдасарян В. Э., Журавлёв В. В., Ларионов А. Э., Федорченко С. Н., Шульц Э. Э.</i> Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве [3]	Тесная связь исторической политики с политической идентичностью. Специфика политики памяти на Украине как средства легитимации политического режима в общественном сознании. Важная роль негосударственных структур Украины и внешних акторов в созидании массового политического сознания через обращение к национальной памяти

Окончание таблицы 1

<p>2. Вопросы политически обусловленных трансформаций публичного мемориального пространства на Украине после 1992 года</p>	<p><i>Гронский А.</i> Символическая политика Украины и война с памятниками [6]; <i>Левченков А. С.</i> Политика памяти в контексте внешнеполитического курса Украины в 2014 — начале 2019 г. [11]; <i>Гайдай А. Ю., Любарец А. В.</i> «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего [5]; <i>Филёв М. В., Курганский А. А.</i> Демонтаж памятников как ключевая часть процесса декоммунизации на Украине и в Польше после 2014 года [17]; <i>Плеханов А. А.</i> Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине [13]; <i>Бардина К. В.</i> Историческая память и исторический ревизионизм на Украине [4]</p>	<p>Трансформация памяти посредством изменения мемориального пространства продолжалась все 32 года истории постсоветской Украины, приобретя особую интенсивность с 2014 года. Констатация процесса конструирования будущего посредством замены одного образа прошлого на другой в качестве ключевой публичной символической технологии. Доминирующая роль исторического ревизионизма и негативных мемориальных образов в построении украинской национально-государственной идентичности. Не только отторжение советского прошлого, но и полный разрыв исторических связей с Россией в прошлом при помощи демонтажа памятников, обслуживающего корыстные политические интересы</p>
<p>3. Проблемы исторической памяти, «войн памяти» в современной мире, принадлежащие авторству как российских, так и зарубежных исследователей</p>	<p><i>Ассман А.</i> Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна [1]; <i>Ассман А.</i> Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика [2]</p>	<p>Неразрывность связи прошлого, настоящего и будущего. Воспроизведение прошлого средствами культуры есть конструирование будущего. Интерес к прошлому обостряет его эмоциональное восприятие. Повышение роли виктимного нарратива в построении идентичности</p>
<p>4. Конструирование политической идентичности и факторов ее поддержания</p>	<p>Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. // под ред. В. В. Лапина, А. И. Миллера [15]</p>	<p>Трансформация прежних символических систем во взаимосвязи с идеологией как важная составляющая политических процессов. Необходимость изучения манипулирования символами</p>

Как видно из таблицы 1, в рамках обозначенного дискурса численно преобладают публикации 2-й группы. Тексты изданий научной периодики явно превалируют над крупными монографическими исследованиями. Журнальные публикации активизировались с 2014 года, что отражает повышение значимости украинских политических процессов как объекта анализа в российском академическом сообществе, в социуме и в коридорах власти. Идеи, высказанные авторами разных текстов и различных тематических групп, перекликаются и взаимно дополняют друг друга. При этом в разных текстах практически отсутствует полемика между их авторами, что свидетельствует об отсутствии острой конкуренции в интеллектуальном пространстве. Элементов академического консенсуса по поводу мемориальных процессов на Украине в российском сегменте явно больше, нежели полемики по принципиальным вопросам. В то же время важную роль играют работы зарубежных авторов, в частности Алейды Ассман, заложившей важные методологические пропозиции в сфере исследований социальной памяти и ее взаимосвязи с политическими процессами в новейшем периоде. Следует упомянуть также работу Пьера Нора, сформировавшего основы концепции «мест памяти» и их роли в сознании и коллективных идентичностях современного социума.

Мемориальное пространство и политические процессы постсоветской Украины

На момент выхода из СССР и провозглашения собственной «независимости» единое монументально-мемориальное пространство Украины всецело отражало советский идеолого-политический нарратив с республиканскими особенностями. Административно-политическим и символическим центром почти каждого города являлась площадь «Советская» или «Ленина» с возвышающимся типовым монументом В. И. Ленина. Как правило, неподалеку находился местный монумент (obelisk, памятник) в память о героях Великой Отечественной войны. Бюсты героев находились в скверах, возле школ и техникумов, отдельно отмечались монументами конкретные места совершенных подвигов. Композиционными центрами общеукраинского пространства памяти служили крупные монументы на возвышенностях больших

городов, первое место среди которых принадлежало скульптуре «Родина-мать» в Киеве. Отдельно следует отметить памятники украинским национальным деятелям — от Богдана Хмельницкого до Леси Украинки. Три сегмента мемориального нарратива (революционный, военный, национальный) формировали специфический украинский вариант общесоветской национально-государственной идентичности. С началом полностью суверенного политического бытия Украинское государство оказалось перед объективной необходимостью собственной фиксации себя как самостоятельной политики не только на уровне актуальных документов и заявлений, но и в прошлом. Для закрепления современной государственной легитимности остро требовалась легитимность историческая, причем явленная публично и массово.

На Украине начинаются достаточно интенсивные процессы, описанные современным автором, непосредственно причастным к формированию курса украинской исторической политики: «После обретения Украиной независимости состоялась вторая историческая попытка национализации прошлого. Она происходила с переменным успехом в борьбе с советско-ностальгическим нарративом истории и памяти» [10, с. 307].

Следует выделить два важнейших компонента политики памяти на Украине после 1991 года: это устранение советского монументального наследия и его замена собственным, «незалежным». Оба процесса оказались тесно связаны как между собой, так и с процессами политического строительства Украинского государства, конструирования легитимности власти и национально-государственной идентичности. Взаимное переплетение и неуклонная последовательность двух указанных процессов могут служить символическим выражением императивных установок украинской политической элиты и значительной части украинского общества — категорического и безусловного отказа выстраивать государственную идентичность в рамках синтеза советского и нового национального нарратива (примером такого синтеза могут служить историческая политика и политическая идентичность Республики Беларусь).

Задолго до Майдана-2013 на Украине, особенно в ее западных областях, происходил набирающий обороты процесс сноса советских памятников: уже в 1990—1991 годы, то есть в период

существования Украинской ССР, памятники Ленину были уничтожены во Львове, Ивано-Франковске, Тернополе, Виннице, Луцке, Ровно и Ужгороде. Главным монументально-символическим деянием данного периода следует считать демонтаж монумента Великой Октябрьской социалистической революции в Киеве 12 сентября 1991 года. Практически всем таким шагам предшествовали инициативы «Народного руха Украины» как претендующей на выражение «мнения народа» общественно-политической организации, получавшие формальную санкцию местных органов власти.

Развитие антисоветских и русофобских настроений на Украине в позднем СССР происходило постепенно, но достаточно быстро. Об этом пишет в работе, посвященной истокам украинского национализма, С. С. Жильцов [7]. Демонтаж монумента в Киеве состоялся всего через три недели после принятия Акта провозглашения независимости Украины Верховным Советом Украинской ССР 24 августа 1991 года. Тогда же центральная площадь Киева — Площадь Октябрьской революции — была переименована в Майдан Незалежности. В общей сложности до государственного переворота 2013—2014 годов на Украине было уничтожено 3200 памятников (главным образом Ленину и Октябрьской революции) [16].

Одновременно происходит «вымывание» советских образов из топонимики. Таким образом, налицо типовая логика действий: «общественная» инициатива — принятие политических решений — снос очередного памятника. Процесс разрушения памятников приобрел системный характер и продолжался при всех президентах Украины. Почти одновременно, хотя и с заметным количественным отставанием, разворачивается процесс создания нового мемориального пространства, который, впрочем, протекал отнюдь не беспрепятственно. Так, в селе Старый Угринов Ивано-Франковской области памятник Степану Бандере пытались открыть в 1990—1991 годах дважды — и оба раза он был взорван. Лишь третья попытка, в 1992 году, оказалась долговечной — памятник стоит до сих пор. В общей сложности за 20 лет в разных областях Западной Украины было сооружено порядка 200 памятников одному только Степану Бандере [8].

Кроме того, открываются монументы в память о других лидерах ОУН-УПА: Романе Шухевиче, Мельнике, Кузьме Бричке

и другим [12]. Кроме деятелей новейшей истории в единое мемориальное пространство Украины активно вписываются деятели более далеких эпох. Уже в 1994 году установлен первый на Украине памятник гетману-предателю Ивану Мазепе в Белоцерковском районе, в селе Мазепинцы. В 2008 году памятник Ивану Мазепе и шведскому королю Карлу XII установлен в селе Дегтярёвке Новгород-Северского района Черниговской области. Наконец, в 2016 году памятником Мазепе обзавелась Полтава. Получил увековечение в виде памятников и другой яркий персонаж стародавних времен — гетман Пётр Сагайдачный, который прославился не только удачными и героическими походами на турок и крымских татар, но и грабительскими походами на Россию по соглашению с польским королем на завершающем этапе Смутного времени. В 2001 году памятник этому противоречивому персонажу был воздвигнут в Киеве, в 2008 году ещё один монумент был возведен в Севастополе (на тот момент Крым и Севастополь находились в составе Украины). После Крымской весны в 2014 году памятник был отдан в Харьков, где и установлен.

Начиная с конца 2013 года демонтаж памятников эпохи СССР приобрел особый размах, окончательно превратившись в генеральную линию государственной политики памяти на Украине. «С 8 декабря 2013 г. (снос памятника Ленину в Киеве) по февраль 2016 г. на территории Украины... было демонтировано 965 памятников Ленину, из них наибольшее количество в феврале 2014 г. — 376. При этом Днепропетровская область — рекордсмен среди областей по количеству демонтированных памятников Ленину — 111 памятников (в Харьковской и Запорожской областях было снесено соответственно 48 и 62). Согласно статистике на март 2016 г. во всей Украине сохранилось немногим более 1100 таких памятников. Для обозначения активного процесса сноса памятников Ленину в Украине появился термин “ленинопад”» [5, с. 28].

Начало СВО России на Украине придало новый импульс данному процессу. Практика уничтожения памятников расширилась, сместившись от символической войны с советским мемориальным наследием к полному выкорчевыванию всех монументов, которые так или иначе свидетельствуют об исторической связи Украины и России. В течение 2022—2023 годов на Украине было уничтожено более 30 мест памяти, связанных с именем А. С. Пуш-

кина. Как и в случае с памятниками Ленину, можно говорить о политической воле, государственной власти, направляющей и поддерживающей процесс.

В течение всего постмайданного периода на Украине продолжалась также кампания по осквернению и демонтажу монументов, связанных с памятью о Великой Отечественной войне. В 2019 году окончательно разрушен Монумент Славы во Львове (чему также предшествовали решения местной власти для придания формальной легитимности); 9 февраля 2023 года демонтирован памятник генералу армии Н. Ф. Ватутину в Киеве. Апофеозом стала замена герба СССР на «тризуб» на щите монумента «Родина-мать» в Киеве.

Как было отмечено выше, борьба с мемориальным наследием СССР и русско-украинских связей, начавшись в конце советского периода, продолжалась на протяжении всего периода «незалежности» 1992—2023 годов. Некоторое снижение накала этой «войны памяти» произошло только в период пребывания у власти Виктора Януковича, хотя в регионах Западной Украины Партия регионов практически не имела влияния. Соответственно, власть Януковича там была больше номинальной. Соответственно, процесс сноса памятников в Закарпатье продолжался. В целом же можно проследить, что усиление антимемориальной активности в отношении памятников, связанных с советским периодом и русской историей и культурой, как и активизация сооружения памятников новым героям «незалежной» Украины, соотносится с моментами обострения политической борьбы на Украине и со всплесками государственной русофобии киевского режима. Очевидным образом прослеживается связь между переформатированием публичного мемориального пространства Украины и циклами ее политического развития, становления и трансформации национально-государственной идентичности. Смысловые аспекты этих трансформаций будут рассмотрены далее.

Политическая идентичность Украины в символическом зеркале «войны монументов»

Каждое публичное действие, совершаемое в социальном пространстве, объективно обладает символическим содержанием и эффектом, которые часто более глубокие, нежели буквальный

смысл. Данный эффект проявляется вне зависимости от намерений субъекта действия и часто позволяет судить об истинных ценностных установках и намерениях актора с большей достоверностью, нежели его декларации, особенно учитывая роль современных СМИ. Этот символический смысл можно рассматривать как сумму скрытых сообщений, обладающих несколькими пластами понимания [18]. Монументально-мемориальное пространство постсоветской Украины, как в своей разрушительной, так и в созидательной ипостасях, в полной мере обладает такими символическими смыслами, которые, будучи прочитаны в контексте исследования украинской национально-государственной идентичности, способны привести исследователя к достаточно интересным результатам, как с академической, так и с прагматической точки зрения.

Следует обратить внимание на практически синхронное начало отмеченных выше мемориальных процессов: сокрушения советских памятников и воздвижения памятников специфически «украинских». Памятники Ленину, Октябрьской революции начинают уничтожаться в 1990—1991 годах, и тогда же мы наблюдаем первые попытки сооружения монументов в честь ОУН-УПА. Сам по себе параллелизм этих акций является символическим, олицетворяя собой стирание одного образа прошлого и замену его другим, «правильно-национальным».

Если памятники деятелям ОУН-УПА укоренились далеко не сразу, в силу очевидной одиозности, то другая составная часть нового мемориального комплекса постсоветской Украины гораздо более легко вписалась в публичное пространство. Речь идет о памятниках так называемому голодомору. Погибшие от голода в 1932—1933 годах стали рассматриваться как жертвы именно «укаинофобии» советской власти. Первый памятный знак в виде деревянного поклонного креста был установлен в Харькове 4 октября 1989 года. Именно эту дату следует считать символической точкой отсчета антисоветской и русофобской политической идентичности Украины. Далее можно наблюдать две основные волны сооружения памятников «голодомору»: в 1993 году и в 2007—2008 годах. Обе волны были приурочены к юбилейным датам увековечиваемого события — 60 и 75 лет соответственно. В конструируемой средствами политики памяти

национально-государственной идентичности Украины укоренился и стал важным составным компонентом так называемый виктимный дискурс, когда на пьедестал возносится память о жертвах и страданиях. Следует отметить, что в рамках советской политики памяти образы страданий были строго дозированы, умеренны и не могли конкурировать с образами славы, побед, свершений. Таким образом, идентичность советского общества строилась на основе героики. Даже, например, памятники героям-мученикам (как молодогвардейцы Краснодона) в гибели подчеркивали, прежде всего, героизм.

В мемориальном пространстве постсоветской Украины расстановка акцентов существенно меняется. Сакрализации и апологии подлежит именно массовое страдание как таковое. В то же время оно выполняет служебную роль — демонизировать советскую эпоху как якобы патологически враждебную украинскому народу. К настоящему моменту на Украине насчитывается около 60 монументов «жертвам голодомора». Созданный и настойчиво внедренный в сознание населения образ целенаправленного геноцида украинцев «москалями» стал частью массового сознания и воспринимается совершенно не критично. Если фигуры Бандеры, Шухевича, Стецько способны вызывать дискуссии, то «голодомор» и массовая эмпатия к его «жертвам» гораздо менее дискуссионны. Однако в действительности связь между увековечением двух, по видимости, разнородных контекстов, существует и прослеживается. Если память о «голодоморе» символизирует антиукраинскую сущность Москвы и «москалей», то происходит автоматическая легитимация тех, кто против них боролся, хотя бы и под знаменами Гитлера. Военно-террористические действия ОУН-УПА приобретают характер не только борьбы за независимость Украины, но и священной мести «москалям».

Кроме апологии ОУН-УПА и возведения в культ «голодомора» важное место в монументальном пространстве Украины занимают такие деятели культуры, как Тарас Шевченко и Леся Украинка. Правомерно говорить об их сакрализации в пространстве национальной памяти именно как выразителей духа украинского народа. В то же время примечательно, что значительная часть памятников этим культовым украинским литераторам была возведена еще в годы СССР. Разумеется, их никто не сносил. В по-

тсоветское время происходит дополнение данного сегмента мемориального пространства. Так что в настоящий момент в разных регионах Украины насчитывается около 60 памятников Тарасу Шевченко [9] и около 20 монументов в честь Леси Украинки [14]. Оба поэта провозглашены «гениальными», являясь краеугольными камнями официально насаждаемой версии украинской культуры. При этом немаловажно отметить, что, возводя новые и сохраняя старые монументы в честь Тараса Шевченко и Леси Украинки, государственная власть Украины не может не знать об антирусской тенденции в их творчестве. Иными словами, памятники двум литераторам утверждают украинскую идентичность и культурную самобытность, в том числе через поэтическую апологию русофобии, отторжения Украины от России в историко-культурном контексте.

Если свести воедино приведенные данные о памятниках на Украине, то получим характерную картину: память о Степане Бандере увековечена в более чем 200 памятниках, «голодомору» посвящено 60 монументов, Тарасу Шевченко — 60, Лесе Украинке — до 20. В то же время разрушены свыше 5000 памятников Ленину, неустановленное на настоящий момент число памятников героям Великой Отечественной войны, деятелям русской истории и культуры. Такова иерархия символического капитала украинской национально-государственной идентичности с точки зрения значимости создаваемых и внедряемых в массовое сознание мемориальных образов. Каждый из четырех «столпов» символизирует собой некую фундаментальную идею. В сумме своей они и составляют квинтэссенцию украинского исторического мироощущения, которое, в свою очередь, детерминирует украинскую политическую идентичность и императивные установки политического поведения общества в отношении к внутренней и внешней политике.

Базовые идеи украинской национально-государственной идентичности можно сформулировать следующим образом: оправдание непримиримой борьбы любыми средствами за мононациональную Украину, ради которой допустим союз с любыми внешними силами, если они помогают заявленной цели и направлены против России (Бандера и весь комплекс памятников, посвященных ОУН-УПА).

1. Сакрализация «голодомора» как демонстрации патологического украинофобства СССР и России и, соответственно, обоснования легитимности непримиримой борьбы против России и всего русского. Утверждение морального права на месть и компенсацию за страдания.

2. Диалектика поэтических образов в творчестве Тараса Шевченко и Леси Украинки, сочетающих в себе ностальгическую мечту о цветущей и вольной Украине с трагическим переживанием ее страданий под гнетом «москалей».

3. Втягивание общества в пафос поиска врагов в виде памятников советского прошлого и русской истории, их разрушения, превращаемого в ритуальное массовое действие. Кампания сноса памятников становится средством консолидации новой украинской идентичности и ее поддержания средствами ненависти к русско-советскому прошлому, отторжения от него Украины в настоящем и будущем. Обществу прививается навык коллективного нерассуждающего силового действия, от чего остается один шаг до реальных погромов, убийства оппонентов.

Заключение

Ключевым во всех четырех сегментах публичного мемориального нарратива, будь то сокрушение старых памятников или возведение новых, является мотив отторжения всего русского вне зависимости от того, о каком периоде истории идет речь. Следовательно, национально-государственная идентичность украинского общества в постсоветский период формируется и поддерживается по большей части в негативном формате, будучи подкрепляема ностальгией по якобы украденному славному прошлому и виктимным «синдромом жертвы».

Итоговую формулу авторских рассуждений можно представить в виде следующей смысловой цепочки: публичное мемориальное пространство создает важнейшие «якоря» социальной памяти, через которые задаются ориентиры и ценности национально-государственной идентичности. Они, в свою очередь, задают параметры *modus vivendi* и *modus operandi* государственной власти, проводимой внутренней и внешней политики.

Из этого следует вывод практического плана, соотносимый с проблемой, сформулированной в начале настоящей статьи:

о возможности прикладного использования полученных исследовательских результатов в политическом прогнозировании и принятии политических решений.

Монументальная политика может служить маркером и симптомом политической идентичности, того образа будущего, к которому стремится нация. Соответственно, как только в стране начинается кампания по сносу одних памятников и возведению других, можно предвидеть пути ее дальнейшего развития на основе транслируемых символических образов, которые можно прочесть. Строго говоря, как только на Украине снесли первый памятник Ленину, воздвигли первые памятники «голодомору» и Бандере — именно тогда, три с лишним десятилетия назад, определились векторы политической идентичности Украины, были запрограммированы Майдан, горящий Дом профсоюзов в Одессе, стрельба из «градов» по Донецку, а значит, и СВО.

Эта когнитивная модель, когда публичная политика памяти детерминирует национально-государственную идентичность и трансформируется в конкретное политическое действие, может быть применена для политологического анализа и прогноза. Ее дальнейшая детализация и доработка — вопрос времени и новых исследований.

Литература

1. *Ассман А.* Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. – М.: Изд-во НЛО, 2017. – 272 с.
2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. – М.: Изд-во НЛО, 2023. – 328 с.
3. *Багдасарян В.Э., Журавлёв В.В., Ларионов А.Э., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э.* Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. – М.: Проспект, 2022. – 304 с.
4. *Бардина К.В.* Историческая память и исторический ревизионизм на Украине // Постсоветские исследования. – Т. 2. – 2019. – № 2. – С. 1055–1060.
5. *Гайдай А.Ю., Любарец А.В.* «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2016. – № 2. – С. 28–41.
6. *Гронский А.* Символическая политика Украины и война с памятниками // Наука. Вера. Культура. – URL: <http://naukaverakulttura.com> (дата обращения: 10.09.2023).
7. *Жильцов С.С.* Истоки современного украинского национализма // Вестник РУДН. – 2014. – № 4. – С. 21–36. – URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9052> (дата обращения: 10.09.2023).
8. За 20 лет на Украине соорудили 200 памятников Бандере. – URL: <https://varjag-2007.livejournal.com/1988544.html?ysclid=lmcki6ez9h457282127> (дата обращения: 07.09.2023).
9. «Интер» создал первую интерактивную карту объектов, посвящённых Тарасу Шевченко. – URL: <https://web.archive.org/web/20140723103223/http://podrobnosti.ua/society/2014/03/07/963230.html> (дата обращения: 10.09.2023).

10. *Касьянов Г.* Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 632 с.
11. *Левченко А.С.* Политика памяти в контексте внешнеполитического курса Украины в 2014 – начале 2019 г. // Россия и современный мир. – 2019. – № 4. – С. 111–126.
12. Обыкновенный украинский фашизм. Памятники убийцам, или Новые герои для Украины. – URL: <https://peremogi.livejournal.com/58142300.html?ysclid=lmckh2ce6q467044966> (дата обращения: 07.09.2023).
13. *Плеханов А.А.* Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 190–216.
14. Постать Лесі Українки: географія пам'ятників і музеїв. – URL: <https://ridna.ua/2011/02/postat-lesi-ukrajinky-geohrafiya-pamyatnykiv-i-muzejiv/> (дата обращения: 10.09.2023).
15. Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. / под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. – СПб., 2021. – 312 с.
16. Снос памятников Ленину на Украине (1990–2013). – URL: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/Снос+памятников+Ленину+на+Украине+%281990—2013%29?ysclid=lmcj8mhga4805792110> (дата обращения: 07.09.2023).
17. *Филёв М.В., Курганский А.А.* Демонтаж памятников как ключевая часть процесса декоммунизации на Украине и в Польше после 2014 года // Балтийский регион. – Т. 14. – 2022. – № 4. – С. 146–161.
18. *Халас Э.* Символы и общество. Интерпретативная социология. – Харьков: Гуманитарный центр, 2021. – 296 с.

Сейдуманов Альнур Серикович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alnur S. Seidumanov,

PhD student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: seidumanov@mail.ru

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ:
К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ****CONCEPTUAL MODELING OF POLITICAL PROCESSES:
TO THE PROBLEM OF METHODOLOGY**

Аннотация: в данной статье рассматриваются научные методы и подходы в изучении политических процессов, в том числе применительно к современному Казахстану. В современной политологии понятие политического процесса является одной из базовых категорий. В исследовании политических процессов выделяют три уровня анализа и три релевантные этим уровням концептуально-методологических подхода. Макроуровню политологического анализа соответствует структурно-функциональная парадигма, мезоуровню — институциональная, микроуровню — субъектно-деятельностная. Проведение исследований политических процессов в рамках одной из этих односторонних парадигм либо на основе их эклектичного смешения неизбежно оборачивается односторонностью теоретического анализа и недостаточной обоснованностью его выводов. Одной из наиболее перспективных моделей интегрированного методологического подхода, при котором моделирование особенностей взаимоотношения структурных, институциональных и субъектно-деятельностных факторов политического процесса производится в едином концептуально-аналитическом пространстве, является «воронка причинности». В статье излагается методология построения и методика использования модифицированной «воронки причинности» в многофакторном анализе и прогнозе развития политических процессов.

Ключевые слова: политический процесс, методология, «воронка причинности», детерминизм, структура, институт, субъект.

Abstract: this article discusses scientific methods and approaches in the study of political processes, in particular, in relation to modern Kazakhstan. In modern political science, the concept of a political process is one of the basic categories. In the study of political processes, three levels of analysis and three conceptual and methodological approaches relevant to these levels are distinguished. The macro-level of political analysis corresponds to the structural-functional paradigm, the meso-level — to the institutional paradigm, the micro-level — to the subject-activity paradigm. Conducting research on political processes within the framework of one of these one-sided paradigms, or on the basis of their eclectic mix, inevitably turns into one-sidedness of theoretical analysis and insufficient validity of its conclusions. One of the most

promising models of the integrated methodological approach, in which the modeling of the features of the mutual determination of structural, institutional and subject-activity factors of the political process is carried out in a single conceptual and analytical space, is “the funnel of causality”. The article describes the methodology of construction and the methodology of using the modified “funnel of causality” in the multifactor analysis and forecast of the development of political processes.

Key words: political process, methodology, “the funnel of causality”, determinism, structure, institution, subject.

Введение

В научном анализе политических процессов, как и любого сложноорганизованного, многогранного, поливариантно детерминированного феномена, применяются самые разнообразные методы. Их выбор определяется целью и задачами, ресурсами и временными рамками исследования, а также научной квалификацией исследователя. Но даже если исследовательской задачей является анализ отдельных аспектов или сторон политического процесса, то выполнение этой задачи невозможно в отсутствие общего представления о его целостной организации: о том, как соотносятся в политическом процессе объективные и субъективные факторы, структуры и события, институты и акторы. Формирование такого рода общего представления предполагает применение комплексной или интегрированной методологии, релевантной задаче выявления, научного анализа и объективной оценки как общих закономерностей, так и уникальных характеристик, своеобразия политических процессов в каждой отдельно взятой стране и на разных этапах их развития. В статье описывается интегрированная методология построения и методика использования модифицированной «воронки причинности» в многофакторном анализе и прогнозе развития политических процессов.

Методология

Построение концептуальных моделей проводится на мета-теоретическом уровне исследования. Соответственно, в статье используются принципы и методы метатеоретического подхода: принципы целостности, конкретности, методы логического и семантического анализа. Поскольку политическая сфера жизни общества является идеально-типической формой открытой диссипативной системы, то в разработке концептуально-методологического аппарата исследования политических процессов

используются принципы междисциплинарных подходов: нелинейной динамики и синергетики.

Результаты и обсуждение

В современной политологии понятие политического процесса является одной из базовых категорий. Существует несколько кластеров определений понятия политического процесса, различия которых вытекают прежде всего из разных предметных областей его анализа.

В политической теории, как правило, выделяют два уровня политического процесса и, соответственно, два значения этого понятия. Под микроуровнем политического процесса понимается совокупность и упорядоченная последовательность действий и взаимодействий политических акторов (индивидов, групп, организаций, институтов) в их легитимной борьбе за завоевание, удержание и укрепление государственной власти и за ее использование для реализации своих целей и интересов. Ряд исследователей относят политические институты к мезоуровню политического процесса. На макроуровне политический процесс рассматривается в двух его основных модальностях: (1) как воспроизводство структуры и ключевых компонентов политической системы и (2) как последовательная смена состояний, цепь качественных трансформаций, совокупность этапов, стадий, фазовых переходов или циклов эволюции политической системы в целом и ее основных структур. Субъектно-деятельностный фактор, являющийся главным предметом анализа микроуровня политического процесса, на макроуровне отходит на второй план.

Структурирование политического процесса и, соответственно, особенности предметной области его анализа определяются тем, какого рода субъекты выступают основными акторами в политической сфере жизни общества. Так, например, институциональный подход исходит из того, что ведущим субъектом политического процесса являются политические институты, прежде всего основной институт легитимной публичной власти — государство. Соответственно, предметом анализа политического процесса на мезоуровне выступают способы и механизмы, правила и нормы формирования, функционирования и преобразования политических институтов.

Представители бихевиорального подхода основным субъектом политического процесса считают отдельных политиков и их группировки. Характер взаимодействий между индивидуальными и групповыми политическими акторами (конфронтации и союзы, конфликты и компромиссы, иерархии и сети взаимоотношений внутри властных элит и политической оппозиции), условия и правила политической игры вокруг перераспределения властных функций внутри правящей элиты и между нею и ее политическими оппонентами рассматриваются как приоритетная сфера анализа политического процесса.

Очевидно, что аналитически выделенные макро-, мезо- и микроуровни, структурно-функциональные, институциональные и субъектно-деятельностные факторы являются сторонами или аспектами целостного политического процесса, находящимися в сложных, многозначных отношениях взаимоопределения, прямых и обратных связей. При этом «удельный вес» факторов детерминации политических процессов варьирует и в каждом конкретном случае должен определяться особо. Например, применительно к современному Казахстану основное внимание должно быть уделено микро- и мезоуровням анализа, поскольку характерной особенностью политической сферы жизни современного Казахстана является повышенная значимость и определяющая роль вектора, направленного от субъективных факторов политического процесса к формированию его институциональной среды и структурно-функциональных параметров, и, соответственно, подчиненная, второстепенная роль противоположно направленного вектора.

В литературе выделяются также разные типы политических процессов. Одним из оснований типологии является выделение стабильных и переходных типов политических процессов. Стабильные процессы заключаются в воспроизводстве основных структурно-функциональных параметров политической сферы. Переходные процессы характеризуют этапы ее качественной трансформации. Кроме того, различают: внутривнутриполитические (общенациональные, региональные, муниципальные) и внешнеполитические процессы; статические и динамические процессы (описываемые в понятиях «политическая ситуация» и «политическое изменение»), эволюционные и революцион-

ные, рационально контролируемые и спонтанно возникающие, стихийно-иррациональные; базовые и периферийные политические процессы; процессы, определяемые преимущественно экономическими, социальными, культурными, духовными факторами развития общественного целого либо внутренними факторами политической жизни социума; и т. д. Ярко выраженной спецификой характеризуются политические процессы, разворачивающиеся в виртуальном информационно-коммуникативном пространстве. В этих теоретических дилеммах, играющих важную роль при решении конкретных задач и достижении специфических целей политического анализа, отражается реально существующее многообразие типов политических процессов, факторов и аспектов их протекания. Соответственно, для выявления и теоретического описания особенностей какого-либо конкретного политического процесса необходимо проведение его многофакторного и многоаспектного анализа.

Специфическое значение в понятие политического процесса вкладывается так называемой теорией политического процесса (Political process theory), разработанной политическими социологами США в 1970—1980-х годах. Под политическим процессом в этой теории понимаются разного рода социальные движения — антивоенные, студенческие, энвайронментальные, женские, движения за гражданские права и т. д. Участники этих общественных движений рассматриваются как политические акторы [17]. В теории политического процесса выделяется несколько ключевых компонентов, при наличии которых социальные движения могут внести изменения в существующую политическую систему [13]. Очевидно, что такая интерпретация политического процесса, имеющая резонанс применительно к странам консолидированной демократии, в исследованиях, например, постсоветского политического пространства является малоактуальной.

На основе анализа и обобщения существующих дефиниций политического процесса можно сформулировать следующее определение: политический процесс — это упорядоченная последовательность действий и взаимодействий политических субъектов (индивидуальных и групповых политических акторов), связанных с реализацией властных целей и функций, ролей и интересов, в результате которых создаются, воспроизводятся или

изменяются политические институты — устойчивые связи, правила, нормы, ценности, принципы, организационные формы политической сферы жизни общества.

В изучении политических процессов широко применяются общенаучные методы и подходы: системный подход и факторный анализ; исторический и логический методы; методы качественного и количественного социологического анализа; социально-психологический подход; методология дискурсивного и сравнительного анализа; моделирование, проектирование, прогнозирование и т. д. Кроме того, в политической теории разработан и применяется ряд специальных методологических подходов к исследованию политических процессов. К ним относятся институционализм, неинституционализм, бихевиорализм, структурно-функциональный подход, концепция рационального выбора.

Как отмечалось выше, институциональный подход (С. Хантингтон, Р. Михельс) рассматривает институты власти в качестве основного субъекта политического процесса. Г. О’Доннелл замечает, что институционализация влечет за собой большие издержки, в том числе «слишком реальные кошмары бюрократизации и скуки». Но эти издержки сопутствуют важнейшей составляющей политического процесса, поскольку в отсутствие или при слабости формальной институционализации ее место занимают неформализованные практики — клиентелизм, патримониализм и коррупция [18, р. 59]. Методология институционального подхода направлена преимущественно на анализ формально-правовых аспектов организации и функционирования институтов публичной власти. Для этого применяются описательно-индуктивные методы, методы исторического и сравнительного анализа разных форм правовой институционализации политических процессов. При этом такие важнейшие аспекты политического процесса, как цели и интересы, мотивы поступков и намерения политических акторов, действующих в рамках легальных политических структур, их норм и правил, не входят в предмет исследования институционализма.

Неинституционализм, во многом примыкающий к теории рационального выбора, уделяет повышенное внимание анализу неформальных структур в деятельности политических инсти-

тутов и акторов. Институциональный переворот в политологии ознаменовался публикацией в 1984 году программной статьи Дж. Марча и Й. Ольсена, в которой институт рассматривался как организованный вокруг истолкования цели и смысла политики набор правил и практик политического поведения, относительно устойчивых к смене политических акторов и изменению внешних обстоятельств [15]. Сторонники неоинституционализма полагают, что именно институты формируют структуру побудительных мотивов политической деятельности [10]. Сами политические институты определяются в неоинституционализме как «соглашения по поводу сотрудничества между политиками» [4].

Бихевиорализм (от англ. *behaviour* — поведение), или поведенческий подход, в исследовании политических процессов делает предметом анализа политическое поведение индивидов и групп, применяя для этого методы наблюдения и эмпирической верификации, конкретно-социологические методы, статистические методы и т.д. Главную роль в разработке концепции и методологии бихевиорализма сыграла Чикагская школа политической теории (П. Лазарсфельд, Г. Лассуэлл, Л. Уайт). Разделяя с бихевиоризмом его позитивистские установки, поведенческий подход в анализе политического процесса абстрагируется от сферы ценностных приоритетов, мотивов, намерений, целей, ментальных установок и т.д. политических акторов, сосредоточиваясь исключительно на непосредственно наблюдаемых аспектах их поведения.

Структурно-функциональный подход к исследованию политического процесса, как следует из названия этой методологии, направлен на выявление и анализ политических структур и их функций в составе политической подсистемы как элемента общественного целого. Основы и детальная разработка структурно-функционального метода в социальных науках представлены в работах Д. Аптера, Т. Парсонса, Р. Мертонса, Д. Истона, Ш. Эйзенштадта. При несомненной теоретической фундаментальности структурного функционализма его спецификой является интенция на изучение макроструктурных факторов, определяющих стабильность политической подсистемы общества. В классическом структурализме структуры редуцировались к системам функциональных зависимостей элементов. При этом собственная активность субъектов политического процесса рассматри-

вается не в ее имманентных определениях, а как зависимая от структур макроуровня переменная.

Этот изъян структурно-функционального подхода попытались преодолеть представители теории рационального выбора (Д. Блэк, Дж. Бьюкенен, Э. Даунс, У. Райкер, Г. Саймон). Основной посылкой данного направления политологического анализа было положение о том, что политические структуры и институты вторичны по отношению к деятельности политических акторов. При этом главным мотивом деятельности индивидов и групп является стремление максимизировать свою выгоду или пользу. В этом и состоит «рациональность» их политического выбора и поведения. Разумеется, «выгоду» не следует при этом понимать как преследование сугубо эгоистических или меркантильных интересов. Социальная солидарность, альтруизм, общее благо также могут рассматриваться как стратегические выгоды для индивида. Д. Грин и И. Шапиро небезосновательно полагают, что последователи теории рационального выбора с их универсалистскими амбициями и вместе с тем с утилитарным и инструментальным пониманием рациональности лишь облачают банальные, известные положения в научную терминологию [3].

Очевидно, что структурно-функциональный подход, институциональный подход и бихевиоральный подход (совместно с теорией рационального выбора) предлагают альтернативные концептуально-методологические модели анализа политических процессов. В связи с этим закономерно возникают вопросы о том, какой из этих подходов в большей степени релевантен специфике политического процесса в современном мире. Или же наиболее продуктивным является их комбинирование, объединение в некую интегральную теоретико-методологическую модель?

На возможность объединения указанных методологических подходов указывают многие авторы. Например, в разработанной Э. Гидденсом теории структуризации утверждается, что структуры, обладая собственной динамикой, в то же время являются не чем иным, как институционализированными нормами, практическими правилами, образцами отношений и поведения людей. «Субъектов деятельности и структуры нельзя рассматривать как две независимые друг от друга категории» [2, с. 70]. При этом, как подчеркивает Г. О'Доннелл, в функционировании современ-

ных сложных обществ демократические политические институты обеспечивают важнейший уровень посредничества и объединения структурных факторов с действиями отдельных людей и различных групп [18, р. 59]. Поэтому и структуры политического процесса, и действия политических акторов, и политические институты, то есть все три уровня политического процесса, могут стать предметом исследования при реализации интегрированного, агентно-структурно-институционального методологического подхода.

Одной из моделей такого подхода является «воронка причинности» (the funnel of causality). Эта модель была разработана А. Кэмпбеллом и его коллегами из Мичиганской школы политических наук и первоначально предназначалась для применения к анализу и прогнозированию одной из разновидностей политических процессов — электоральному поведению [12]. Работки американских исследователей открыли путь к созданию и применению концептуальной модели анализа многосоставной, многомерной и многофакторной причинности в политических процессах, хотя сами разработчики «воронки причинности» эту возможность, по словам М. В. Ильина, «проглядели» [6, с. 443]. Между тем на основании теоретико-методологической разработки идей «воронки причинности» был выполнен ряд исследований в области политической транзитологии (А. Ю. Мельвиль [8], А. В. Бусыгина [1]), проведены исследования факторов и механизмов избрания политического курса и принятия важных политических решений (Х. Лейхтер [14], Д. Мазманян [16], П. Сабатьер [19]), а в России и Норвегии сформировались целые политологические школы «воронки причинности» [6, с. 445]. Отметим также, что автор настоящей статьи принял участие в разработке методологии и методики применения «воронки причинности» в такой актуальной сфере политологического дискурса и реальной политики, как политический риск-менеджмент [5].

Концептуализация многомерности и многофакторности политического процесса в «воронке причинности» проводится на основе конвергенции линий причинно-следственных связей, сходящихся от горловины воронки к ее самой узкой части. Принцип действия этого метода лучше всего продемонстрировать на примере устройства классической «воронки причинности», разрабо-

танной группой исследователей из Мичиганского университета для выявления иерархии и механизма взаимодействия множества разнообразных факторов, определяющих электоральное поведение: «В самой широкой части классической «воронки причинности» располагаются социально-экономические и культурные условия, порождающие социально-политические противоречия: экономическая структура, социальная дифференциация, исторические традиции. Эти условия сказываются на структуре партийной системы, прямо не влияя на голосование. На следующем уровне находится социально-групповая лояльность (классовая, региональная и т. д.) и ценностные ориентации, формирующиеся под воздействием социально-экономических и культурных размежеваний. Наиболее узкую часть воронки занимают факторы, непосредственно отражающиеся на голосовании — установки (attitudes) по отношению к трем составляющим политического процесса: кандидатам, политическим курсам и групповым выгодам (benefits)» [7, с. 47—48].

На основании этой пространной цитаты можно составить достаточно четкое представление о той логике выстраивания причинно-следственных связей политического процесса, которой руководствовались создатели «воронки причинности». Многофакторный анализ политического процесса моделируется как нисходящее движение по иерархически соподчиненным уровням его детерминации — от кластера обобщенных параметров, расположенных на самом высоком уровне базовых социальных макроструктур, через совокупность организационных форм, правил, конвенций, образующих институциональный мезоуровень политического процесса, и до локализованных на его микроуровне особенностей установок, решений и действий индивидуальных и групповых политических акторов. В ходе этого продвижения осуществляются селекция, агрегирование и концентрация детерминирующих факторов политического процесса вместе с последовательным сужением их масштабов. Таким образом, «воронка причинности» претендует на интегративную модель анализа, преодолевающую методологическую несовместимость установок холизма и индивидуализма, размещающую структуры, институты и субъекты политического процесса в едином концептуально-аналитическом пространстве. Вместе с тем

классическая модель имеет ряд конструктивных изъянов и ограничений в ее применении к анализу политических процессов.

Методология «воронки причинности» выстраивает звенья непрерывной цепи каузальности как линейно-кумулятивного процесса, соответствующего классическим, по сути дела, механистическим концепциям детерминизма. Однако современные, постнеклассические модели каузальности строятся на иных основаниях. Синергетическая парадигма исходит из того, что неравновесная система функционирует в индивидуальном режиме, в котором события являются эффектами стохастического процесса. В отношении стохастических процессов формулировка универсального закона невозможна в принципе. Нелинейная динамика неравновесных систем исходит из постулата непредсказуемости траекторий их развития, согласно которому малые воздействия и флуктуации на микроуровне могут вызвать качественные изменения на макроуровне. Политика является одной из наиболее приоритетных сфер демонстрации действенности постнеклассических принципов каузальности. Поэтому нельзя не согласиться с заключением А. Ю. Мельвиля о том, что одновекторность и жестко предписанная линейная последовательность этапов продвижения по уровням «воронки причинности» являются серьезными методологическими просчетами разработчиков ее классического варианта. Однако можно оспорить утверждение А. Ю. Мельвиля о том, что данный методологический подход является «структурирующим и систематизирующим, но не объясняющим и прогнозирующим», причем эти особенности «воронки причинности» являются ее «неустранимыми изъянами» [9].

Указанные дефекты исходной модели могут быть достаточно эффективно устранены посредством перестройки ее логико-методологической схемы и соответствующей наладки механизма ее действия. Во-первых, вектор движения от базовых социальных макроструктур к микроуровню политических процессов должен быть дополнен линиями обратных связей, тем самым позволяя объединить императивно предписанное исходной моделью иерархическое соподчинение детерминирующих факторов разных уровней с сетевой морфологией их взаимодействий. Во-вторых, ограничение на наличие у «воронки причинности» объяснительного и прогностического потенциала «снимается принципиаль-

ной возможностью дополнения ретроспективного вектора движения по «воронке причинности» блоком сценариев будущего развития, реализующих инвертированную, логически обращенную форму конструирования исходной модели — так сказать, раскручивающих воронку в обратную сторону» [5, с. 181]. С учетом этих корректировок представляется достаточно перспективным использование в многофакторном и многоуровневом анализе политических процессов модифицированной конфигурации «воронки причинности» (рис. 1).

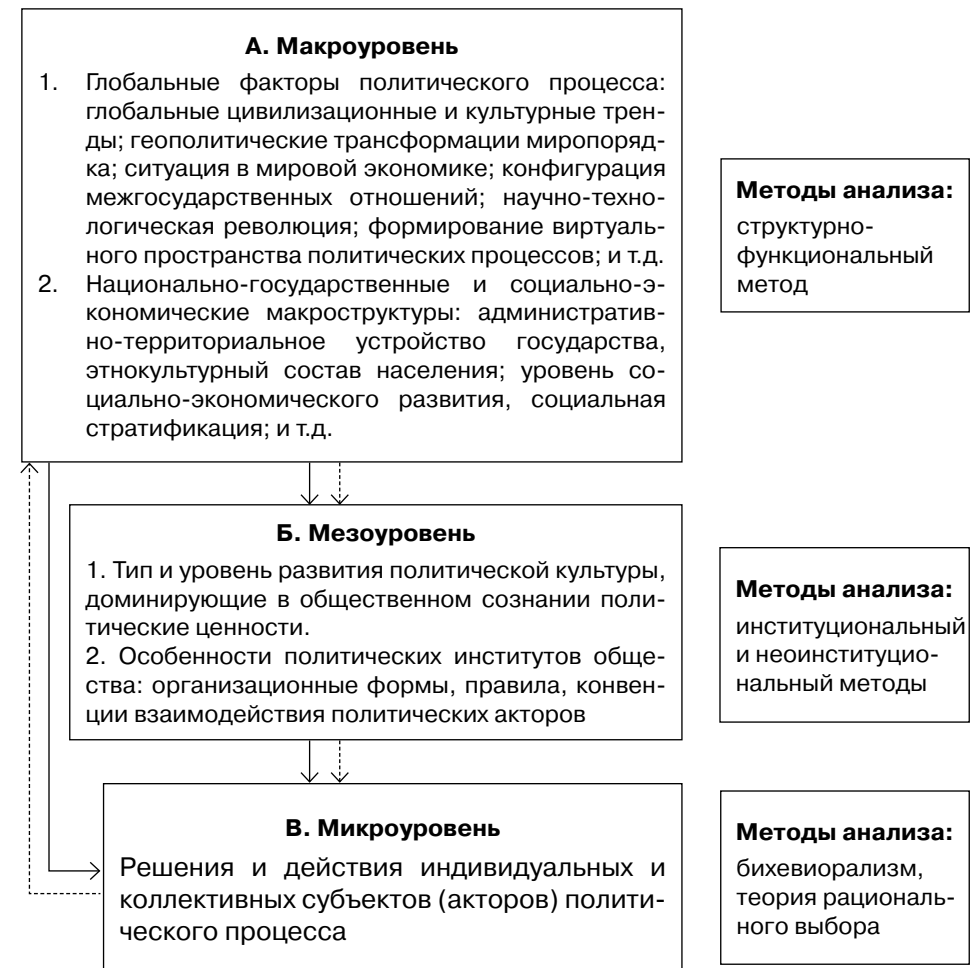

Рис. 1. Схема применения модифицированной «воронки причинности» в многофакторном анализе политического процесса

Как указывалось нами выше, классическая модель «воронки причинности» однозначно предписывает многоступенчатый маршрут политического анализа, проложенный от факторов макроуровня политического процесса к факторам микроуровня. На схеме обозначен противоположный вектор движения. Этот вектор политологического анализа принципиально важен при применении «воронки причинности» к исследованию политической сферы постсоветских стран. Одной из особенностей политики постсоветского пространства является непомерно высокий, запредельный для консолидированных демократий Запада «удельный вес» факторов, формирующих микроуровень политических процессов. Поэтому, например, в анализе электорального поведения определяющая роль закономерно отводится «административному ресурсу», посредством которого властная элита и провластные политические силы, как правило, обеспечивают необходимый им исход голосования. Все остальные факторы, влияющие на электоральное поведение, становятся зависимыми переменными или производными функциями от аргументов, которыми власти предрекающие обосновывают безальтернативность избранного ими стратегического курса развития страны и своей собственной роли в реализации этой стратегии.

Следует заметить, что идея инверсии вектора политического анализа или использования разнонаправленных «воронок причинности» уже достаточно давно высказана и разрабатывается рядом исследователей. Например, А. Ю. Мельвиль полагает, что классическая модель нисхождения от макроуровня к микроуровню анализа релевантна применительно к фазе формального учреждения демократических институтов. Фазу же консолидации демократии логичнее анализировать в обратном направлении — от микроуровня к макроуровню, от процедурных факторов к структурным факторам [9]. На наш взгляд, в фазе формального учреждения демократии определяющая роль принадлежит факторам мезоуровня, который А. Ю. Мельвилем не выделяется в качестве относительно самостоятельного уровня политического процесса. Между тем именно в разработке и принятии официальных и негласных правил, норм, конвенций во взаимоотношениях основных политических «игроков» заключена внутренняя, имманентная энергетика процесса формального учреждения

демократических институтов в странах, относящихся к «третьей волне» (С. Хантингтон) демократического транзита.

Заключение

Очевидно, аналитически выделенные макро- мезо- и микроуровни, структурно-функциональные, институциональные и субъектно-деятельностные факторы являются сторонами или аспектами целостного политического процесса, которые находятся в сложных, многозначных отношениях взаимоопределения, прямых и обратных связей. Поэтому в настоящей статье рассмотрены все выделенные уровни политического процесса. Представленное исследование политических процессов применимо к странам постсоветского пространства, в том числе и к Казахстану.

При этом основное внимание уделено микро- и мезоуровню анализа, поскольку характерной особенностью политической сферы жизни современного Казахстана является повышенная значимость и определяющая роль вектора, направленного от субъективных факторов политического процесса к формированию его институциональной среды и структурно-функциональных параметров, и, соответственно, подчинённая, второстепенная роль противоположно направленного вектора.

В статье рассмотрены различные типы политических процессов. В этих теоретических дистинкциях, играющих важную роль при решении конкретных задач и достижении специфических целей политического анализа, отражается реально существующее многообразие типов политических процессов, факторов и аспектов их протекания. Соответственно, для выявления и теоретического описания особенностей политического процесса в современном Казахстане необходимо проведение его многофакторного и многоаспектного анализа.

Наиболее благоприятным, оптимальным сценарием развития политического процесса в фазе консолидации демократии является взаимно сбалансированное функционирование, позитивно-синергетическое взаимодействие всех его уровней и факторов. Именно такую перспективу и такой механизм политической модернизации предполагает концепция построения Нового Казахстана, в общих чертах и ряде важных параметров обнародованная в Послании народу Казахстана [11] и ряде выступлений

Президента страны К.-Ж. К. Токаева. Соответственно, анализ демократического транзита Республики Казахстан в этой его фазе должен выстраиваться на основе выявления возможностей, ресурсов, вариантов, ограничений и рисков перехода к сетевой морфологии причинно-следственных связей структур, институтов и субъектов политического процесса. Одной из возможных концептуальных моделей для проведения этого анализа может стать модифицированная «воронка причинности», методология построения и методика применения которой в исследовании политических процессов обрисованы в настоящей статье.

Литература

1. Бусыгина А.В. Изучение демократического транзита в Бразилии в контексте концепции воронки причинности // Гуманитарный акцент. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-demokraticeskogo-tranzita-v-brazilii-v-kontekste-kontseptsii-voronki-prichinnosti> (дата обращения: 02.09.2023).
2. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
3. Грин Д., Шапиро И. Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? // Полис. – 1994. – № 3. – С. 59–74.
4. Дёмкин Н.И. Парадигма политического транзита: эволюция, этапы, итоги // Рандиа. – URL: <https://pandia.ru/text/82/063/45124.php> (дата обращения: 05.09.2023).
5. Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Сейдуманов А.С. «Воронка причинности» в факторном анализе политических рисков // Вестник НАН РК. – 2021. – № 6 (394). – С. 178–186.
6. Ильин М.В. Воронка причинности: от эмпирической модели к формированию парадигмы многослойной причинности // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 442–451.
7. Мелешкина Е.Ю. «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // Полис. – 2002. – № 5. – С. 47–53.
8. Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов // Полис. – 2002. – № 5. – С. 54–59.
9. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // ПолитНаука. Политология в России и мире. – URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php> (дата обращения: 10.09.2023).
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997. – 180 с.
11. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации». 16 марта 2022 г. // Президент Республики Казахстан [Официальный сайт]. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 12.09.2023)
12. Campbell A., Convers Ph., Miller W., Stokes D. The American Voter. – N.Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1960. – 576 p.
13. Caren Neal. Political Process Theory // Blackwell Encyclopedia of Sociology. Docplayer. 15.02.2007. – URL: <https://docplayer.net/7007914-Political-process-theory.html> (accessed: 15.09.2023).
14. Leichter H. A comparative approach to policy analysis. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 1979. – 326 p.
15. March J.G., Olsen J.P. The new institutionalism: Organizational factors in political life // American political science review. – Vol. 78. – 1984. – No. 3. – P. 734–749.
16. Mazmanian D., Sabatier P. A multivariate model of public policy-making // American journal of political science. – Vol. 24. – 1980. – No. 3. – P. 439–468.
17. McAdam D., McCarthy J.D., Zald N. Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. – Cambridge University Press, 2012. – 426 p.
18. O'Donnell G.A. Delegative Democracy // Journal of Democracy. – Vol. 5. – 1994. – № 1 (January). – P. 55–69.
19. Sabatier P. Public policy: Toward better theories of the policy process. Comparative politics, policy, and international relations / Crotty W. (ed.). – Evanston: Northwestern univ. press, 1991. – P. 265–292.

Силакова Татьяна Павловна,

магистрант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Tatyana P. Silakova,

Master's student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: Tata8880@yandex.ru

РОЛЬ БРИКС В СОВРЕМЕННЫХ МИРОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

THE ROLE OF BRICS IN MODERN WORLD POLITICAL PROCESSES

Аннотация: в течение долгого времени G7 доминировала в глобальном экономическом управлении. Однако в последнее время эта ситуация стала меняться, поскольку страны БРИКС переживают экономический рост. В связи со всё более заметным ростом своих экономик и возросшей активностью в дипломатической сфере страны БРИКС оказывают всё большее влияние на международный процесс принятия решений. Принимающий новые страны форум настроен на построение новой архитектуры межгосударственных отношений. В целом поэтапный подход, ориентированный на сотрудничество, поможет БРИКС преобразовать нынешний мировой порядок мирным и конструктивным образом. Группа БРИКС основана на общих интересах, среди которых помимо нацеленности на выстраивание взаимовыгодных отношений на равных и честных условиях прослеживается тенденция усталости от политического и экономического нажима коллективного Запада под эгидой США.

Ключевые слова: БРИКС, многополярный мир, дедолларизация, глобальный Юг, национальная валюта, коллективный Запад, экономика, саммиты.

Abstract: for a long time, the G7 has dominated global economic governance. However, this situation has begun to change, as the BRICS countries are experiencing economic growth. Due to the more noticeable growth of the economies and increased activity in the diplomatic sphere, the BRICS countries are exerting an increasing influence on the international decision-making process. The forum that welcomes new countries is set to build a new architecture of interstate relations. In general, a step-by-step approach focused on cooperation will help BRICS transform the current world order in a peaceful and constructive way. The BRICS Group is based on common interests, among which, in addition to focusing on building mutually beneficial relations on equal and honest terms, there is a tendency to fatigue from the political and economic pressure of the collective West under the auspices of the United States.

Key words: BRICS, multipolar world, de-dollarization, the Global South, national currency, collective West, economy, summits.

Введение

Большую роль в меняющемся мировом развитии стала играть группа БРИКС. Неформальное межгосударственное объединение, созданное в июне 2006 года в рамках Петербургского экономического форума, с 2009 года проводит ежегодные встречи на высшем уровне. На саммитах неоднократно определялись значимые области сотрудничества и диалога между странами, направленные на углубление их взаимодействия, определение задач по содействию международным экономическим и институциональным изменениям для поддержания более равноправного глобального развития.

Растущее значение БРИКС отражает способность его членов объединяться для решения насущных проблем современности. Страны с развивающейся экономикой по-прежнему сталкиваются с такими проблемами, как сохраняющееся неравенство, крайняя нищета, отсутствие доступа к образованию, здравоохранению и жилью. Благодаря сотрудничеству в рамках БРИКС государства — члены объединения готовы помочь развивающимся странам преодолеть эти проблемы. В настоящее время на долю БРИКС приходится 31,5% мирового ВВП, в то время как показатели группы G7 постепенно снижаются — сейчас на долю G7 приходится 30,7%. В связи с этим экономическое влияние БРИКС может возрасти в краткосрочной перспективе, в том числе из-за растущего числа стран, проявляющих интерес к присоединению к группе. Лидеры 23 стран официально выразили желание присоединиться к БРИКС, а такие страны, как Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия, Аргентина, Эфиопия и Египет, могут стать полноправными членами объединения уже с января 2024 года.

Можно отметить, что каждый саммит БРИКС — это встреча с определенной повесткой дня, с общими интересами, которые проявляются в политической, экономической, финансовой, культурно-гуманитарной, туристической сферах. Тем не менее важно признать, что существует еще множество проблем и вызовов, которые предстоит решить совместными усилиями. Саммиты БРИКС в этом смысле можно рассматривать как инструмент, способствующий появлению новых торговых и инвестиционных возможностей как для действующих членов БРИКС, так и для новых стран, готовых вступить в организацию в начале 2024 года.

Страны БРИКС осуществляют практику сотрудничества и возможной стабилизации международной обстановки путем разработки программ взаимопомощи и поддержки стран глобального Юга. Это международное партнерство и взаимодействие стран БРИКС, известное как «мягкая балансировка» (*soft-balancing*), направленное на осуществление постепенных и мирных реформ, которые позволят создать более справедливую и эффективную систему, ориентированную не на противодействие западным странам, а на более эффективное и равноправное взаимодействие с ними [9]. В то же время А. Жебит, доктор исторических наук, профессор Федерального университета Рио-де-Жанейро, отмечает, что саммиты БРИКС в области глобального управления ориентируются на стремление к многополярному и справедливому миру [12].

Главный и, наверное, один из самых важных принципов заключается в том, что страны, входящие в БРИКС, не стремятся навязывать друг другу свои политические ценности, а строят отношения на основе взаимовыгодного сотрудничества. Рост развивающихся стран и включение новых членов в БРИКС, несомненно, внесут изменения в мировой политической и экономической ландшафт XXI века. Процесс на выстраивание нового мирового порядка — порядка, основанного на принципах многополярности, равенства и сотрудничества — уже запущен.

Расширение БРИКС

В 2023 году большое внимание обращено на 15-й саммит группы БРИКС, объединяющий ведущие развивающиеся экономики мира, которые возглавляют движение к многополярному мировому порядку, демонстрируя потенциал для влияния на мировую экономику и бросая вызов традиционному западному господству. Рост влияния БРИКС демонстрирует возможность изменения ориентации власти с глобального Севера на глобальный Юг, что свидетельствует об упадке США, стремящихся к однополярному миру. Важно подчеркнуть, что БРИКС — это не клуб во главе с Россией, цель которого — противостоять Западу. Наоборот, здесь видится стремление не конкурировать с Западом, а занять свое место в глобальном мире. Это начало нового значительного и объемного по своим размерам процесса построения многополярного мира.

Первостепенные задачи состоят в институционализации блока, выводе его на новый официальный уровень и расширении его участников. Так, например, ОАЭ являются одним из основных торговых партнеров Китая и Индии в Персидском заливе, а также развивают всё более глубокие связи с Россией. Экономика ОАЭ является одной из самых сильных и диверсифицированных в регионе благодаря добыче нефти и газа, развитию торговли и туризма, а также в силу финансовых возможностей. Предстоящее присоединение ОАЭ к БРИКС можно считать смелым шагом против гегемонистской власти доллара.

Еще одна страна, которая показала свою готовность играть независимую роль на международной арене, — это Саудовская Аравия, один из крупнейших экспортеров нефти в мире. Со стратегической точки зрения ее включение в БРИКС рассматривается с учетом коммерческого и банковского воздействия и влияния на страны Персидского залива и поддержки, которую Саудовская Аравия могла бы оказать на Новый банк развития БРИКС. Со своей стороны, Королевство Саудовская Аравия заинтересовано в членстве в БРИКС, чтобы ускорить свою программу, известную как «Видение 2030», направленную на диверсификацию экономики, чтобы она не зависела исключительно от нефти в качестве основного источника дохода [10].

Стремясь выйти из международной изоляции и в целом укрепить положение на Ближнем Востоке, действующий Президент Ирана И. Раиси менее чем за год сумел ввести свою страну в две весомые международные площадки — ШОС и БРИКС. По мнению главы Исламской Республики Иран, вступление Тегерана в группу БРИКС придаст импульс экономическим взаимоотношениям Ирана со странами альянса [3]. К тому же восстановление политического диалога между Тегераном и Эр-Риядом стало одним из самых выдающихся дипломатических достижений Пекина. Само присутствие двух стран, Саудовской Аравии и Ирана, в составе БРИКС говорит о значимости данного блока в качестве площадки для сотрудничества стран, для поиска новых рынков, что, несомненно, сближает даже самых давних врагов.

Каждая страна, готовая вступить в БРИКС, рассматривает его прежде всего с точки зрения своих национальных интересов, своих возможностей внести существенный вклад в развитие

многополярного мира, а главное — для укрепления своего положения в глобальном мире. Так, вступление Аргентины в БРИКС основано на способности поставлять такие продукты питания, как соя и зерновые, наряду со стратегическими ресурсами, такими как природный газ, сланцевый газ, разные полезные ископаемые и, прежде всего, всё более ценный литий. Кроме того, Аргентина обладает достаточным научным капиталом, в частности со специализацией в области биотехнологий и прикладных логистических технологий. Но стоит учитывать и тот факт, что во многом стремление Буэнос-Айреса вступить в БРИКС продиктовано острым экономическим кризисом и высокой инфляцией. Аргентина нуждается в альтернативных источниках финансирования, которые БРИКС мог бы ей предоставить [7].

На 15-м саммите БРИКС было заявлено о необходимости инвестирования в сельское хозяйство, инфраструктуру и энергетические переходы, а также была подчеркнута ведущая роль, которую в этом могут сыграть члены БРИКС [5]. В этих странах существуют сильные исследовательские системы, ориентированные на решение многих проблем, с которыми сталкиваются развивающиеся страны, например таких, как обеспечение устойчивого питания для растущего населения. Было обращено внимание и на коммуникационные технологии, которые получают всё большее распространение, становясь многообещающими инструментами для решения проблем, с которыми сталкиваются мелкие фермеры, в частности в отношении информации о ценах, прогнозов погоды, вакцин и финансовых услуг. Признавая тот факт, что страны БРИКС находятся на разных уровнях цифрового развития, была определена готовность следовать по пути разрешения данной проблемы. Что не менее важно, члены БРИКС договорились наращивать туристические потоки, усилить сотрудничество и обмены в спортивной и культурной сферах [1].

Таким образом, многие страны заинтересованы в сотрудничестве с БРИКС. Сторонники вступления в БРИКС, а также его действующие участники стремятся построить более справедливую, инклюзивную и открытую международную архитектуру, в основе которой лежит устойчивое развитие, а также найти совместные универсальные ответы на новые вызовы и угрозы. Группа БРИКС при этом является не только выражением многополяр-

ности, но и многочисленных и разнообразных способов решения международных проблем. Число стран, желающих вступить в БРИКС, неизменно растет. Это говорит о нежелании стран быть ведомыми, подчиняться коллективному Западу под эгидой США и стремлении выстраивать партнерские отношения. Главной целью выступает построение многополярного мира, основанного на равенстве, взаимном уважении, главенствующей роли ООН.

Экономическое и финансовое сотрудничество

В экономике страны БРИКС демонстрируют растущее влияние и в перспективе способность создать собственную систему платежей. По словам президента торговой фирмы «Dezan Shira & Associates»¹ Криса Девоншир-Эллиса, такое стремление связано с общим убеждением, что Соединенные Штаты стали ненадежными и авторитарными в своей внешней политике [8]. Многие развивающиеся страны высказывают свое беспокойство по поводу установления порядка, основанного на правилах, а также относительно глобальной экономики, которая, по-видимому, служит только Соединенным Штатам и их ближайшим союзникам за счет всех остальных.

БРИКС стремится не конкурировать с Западом, а занять свое место в глобальном мире. Группа стран, входящих в БРИКС, продвигает модель развития с политикой искоренения голода и нищеты в глобальном масштабе к 2030 году, основанную на сотрудничестве «Юг — Юг» и укреплении связей между странами с взаимодополняющей экономикой и схожими экономическими, политическими и социальными целями. Повестка дня группы охватывает широкий круг вопросов, направленных на многостороннее сотрудничество, включая вопросы безопасности, климата, восстановление после пандемии COVID-19, обмен технологиями, устойчивое развитие, обмены мнениями по другим важным вопросам [1].

БРИКС представляет собой глобальную ось всё более широких масштабов. Политическое и экономическое влияние группы будет ощущаться сильнее в ближайшие десятилетия по мере консолидации новой многополярной геополитики, способной уравновесить, казалось бы, всемогущую власть, представленную

¹ Паназиатская многопрофильная фирма, зарегистрированная в Гонконге в 1992 году.

сегодня США. По заявлению президента Нового банка развития БРИКС Дилмы Руссефф, необходимо действовать совместно со странами-членами, стремиться к формированию партнерских отношений с национальными, многосторонними и региональными банками, а также с другими финансовыми институтами и учреждениями Организации Объединенных Наций и продвигать концепцию совместного развития, которая составляет суть Нового банка развития [4].

Страны БРИКС стремятся создать «геополитический Юг», который сможет стать альтернативой либеральным концепциям в области международной безопасности и экономики. В этом смысле финансовый проект БРИКС, прежде всего инициированный Россией и Китаем, направлен на достижение дедолларизации в качестве суверенной меры и защиты национальных экономик от гегемонии США и их постоянной политики экономической блокады, в последнее время особо остро проявившейся в наложении санкций. По заявлению доктора экономических наук, профессора МГИМО Ирины Ярыгиной, инвестиционное сотрудничество и другие направления призваны укрепить сбалансированный и инклюзивный экономический рост, а также повысить уровень международной конкурентоспособности экономик БРИКС [6]. Такие принципы привлекательны для развивающихся стран.

Поскольку Вашингтон активно использует доллар США в качестве политического инструмента, страны БРИКС объявили в 2023 году, что они будут рассматривать возможность создания своей собственной валюты. Государства — члены этой организации в течение многих лет пытались отмежеваться от доллара, и этот процесс ускорился в связи с российской военной операцией на Украине, а также из-за санкций против Москвы и замораживания Западом активов российского Центрального банка на сумму более 300 млрд долл. Еще одним фактором, стимулирующим поиск альтернатив американской валюте, является повышение процентных ставок. Это увеличение привело к росту стоимости доллара и всех товаров, которые поставляются из-за рубежа и оплачиваются в этой валюте, что нанесло ущерб большинству развивающихся рынков [11]. Учитывая тот факт, что страны находятся в разных географических зонах, создать такую валюту будет довольно сложно. Также необходимо учитывать асимметрию

экономической мощи. Торговые отношения должны совершаться без нанесения ущерба национальным валютам, поэтому создание единой цифровой валюты представляется наиболее подходящим вариантом, что позволит осуществлять платежи между государствами — членами организации без необходимости конвертировать их валюты в доллары.

Страны БРИКС, обеспечивая 26 % мирового ВВП и объединяя 40 % населения Земли, имеют достаточно много различий. Организация объединяет страны, которые являются геополитическими соперниками, такие как Индия и Китай, теперь будет включать Иран и Саудовскую Аравию, которые лишь недавно восстановили дипломатические связи. Причем любое расширение должно быть постепенным для сохранения регионального баланса. Однако еще раз стоит подчеркнуть, что существующие разногласия остаются «за дверью». БРИКС — это площадка не для обсуждения разногласий, напротив, для обсуждения устойчивого развития и процветания, укрепления своего геополитического и финансового положения в мире. Так, несмотря на множество концептуализаций, существуют общие элементы, позволяющие понимать глобальное управление как совокупность процессов и организаций с разными обязанностями, которые помогают нормализовать и разрешать сложные проблемы и различия интересов, возникающие между странами современного глобального мира.

Заключение

Таким образом, повестка дня в области глобального управления была полна асимметрий, вызванных глубокими и повторяющимися экономическими кризисами, а также навязыванием либеральных ценностей и идей. Реализация же этих ценностей была определена источниками экономической, финансовой и политической власти, воплощенными в экономических и финансовых мегаполисах, поддерживаемых политической и военной мощью Соединенных Штатов и Европейским союзом, что привело к господству и принуждению над другими странами, созданию отношений «центр — периферия». В этом контексте участие Южной периферии в построении творческого и справедливого глобального управления сдерживалось властью гегемонистского Севера.

Однако усталость от империалистического нажима США и их сателлитов и стремление к повышению своего представительства на международной арене привели к возрастающей роли и глобального Юга, и БРИКС в целом в международном, экономическом и финансовом ландшафте.

Несмотря на неоднородность и различия, между членами БРИКС существует единство в отношении реформ международного порядка. Группа по праву приобрела глобальное значение и в стремлении развитых стран к большему представительству на международной арене, и в демократизации международных политических пространств, и в создании совместных инициатив, и в расширении сотрудничества и взаимодействия между партнерами, и в стремлении установить более тесные отношения с заинтересованными в построении многополярного мира странами.

Саммиты БРИКС в области глобального управления были ориентированы и продолжают ориентироваться на стремление к многополярному и справедливому миру, выступая за равенство, сотрудничество, главенствующую роль ООН. Группа БРИКС будет играть всё более заметную и важную роль в мировых делах, тем более что этот союз является настоящим примером многосторонности, инклюзивности и недискриминации [2].

Россия, принимая в 2024 году эстафету председательства в группе БРИКС, будет, как и другие ее члены и многие страны мира, заинтересована в расширении данной организации. Это усилит потенциал БРИКС, позволит выстраивать равные и справедливые взаимоотношения, тем самым подтверждая, что БРИКС имеет огромный потенциал и долгосрочную перспективу.

Литература

1. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности / МИД России. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 25.08.2023).
2. Лавров: БРИКС будет играть всё более важную роль в мировых делах // Новости Донбасса. – URL: <https://novosti-donbassa.ru/271375?ysclid=lmkels58di494144400> (дата обращения: 31.08.2023).
3. По кирпичу: Иран и Аргентина подали заявки на вступление в БРИКС // Известия. – URL: <https://iz.ru/1356676/kseniia-loginova/po-kirpichu-iran-i-argentina-podali-zaiavki-na-vstuplenie-v-briks?ysclid=lm2765gwjv65976519> (дата обращения: 29.08.2023).
4. Президент НБР заявила, что банк БРИКС должен расширять сферы деятельности // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/17875135?ysclid=lmkd89qer4211932147> (дата обращения: 29.08.2023).

5. Разрешение конфликтов и экономическое сотрудничество // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/18575467> (дата обращения: 30.08.2023).
6. Стратегия экономического партнерства БРИКС // РИА «Новости» Медиабанк. – URL: <https://riamediabank.ru/media/6199946.html> (дата обращения: 26.08.2023).
7. At Brics summit, Argentina's bid for membership is up for discussion and subject to debate // South China Morning Post. – URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3231964/brics-summit-argentina-bid-membership-discussion-and-subject-debate> (accessed: 30.08.2023).
8. BRICS, del sueño chino-ruso a la pesadilla de EEUU // SPUTNIK. – URL: <https://sputniknews.lat/20230610/brics-del-sueno-chino-ruso-a-la-pesadilla-de-eeuu-1140411724.html> (accessed: 25.08.2023).
9. Haibin N. Los BRICS en la gobernanza global: ¿una fuerza progresista? / Haibin Niu. – N.Y.: Friedrich Ebert Stiftung, 2012. – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/09592.pdf> (accessed: 30.08.2023).
10. La ampliación de los BRICS y un nuevo horizonte global // Página 12. – URL: <https://www.pagina12.com.ar/581919-la-ampliacion-de-los-brics-y-un-nuevo-horizonte-global> (accessed: 25.08.2023).
11. South Africa Urges Careful Debate on Option of Introducing BRICS Common Currency // Bloomberg. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-10/south-africa-urges-careful-debate-on-option-of-introducing-brics-common-currency> (accessed: 26.08.2023).
12. Zhebit A. BRICS: cooperación y desafíos al orden mundial // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/342666814_BRICS_COOPERACION_Y_DESAFIOS_AL_ORDEN_MUNDIAL_BRICS_UNA_PERSPECTIVA_DE_LA_GOBERNANCIA_GLOBAL_1 (accessed: 31.08.2023).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Иванков Кирилл Владимирович,

аспирант,
Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь.

Kirill V. Ivankov,

PhD student (Political Science),
Taurida Academy,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.
E-mail: admiralmyers@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГРУПП НА СУБЪЕКТНОСТЬ УКРАИНЫ

INFLUENCE OF FINANCIAL AND INDUSTRIAL GROUPS ON THE SUBJECTIVITY OF UKRAINE

Аннотация: статья посвящена результатам исследования воздействия финансово-промышленных групп на внешнеполитический процесс на Украине как одного из факторов влияния на внешнеполитическую субъектность этого государства. Актуальность темы исследования определена значительным влиянием финансового капитала на политическую систему Украины в период до начала специальной военной операции, а также его ролью как средства лоббирования интересов иностранных государств и международных организаций. В условиях столкновения интересов России и государств так называемого коллективного Запада указанные обстоятельства необходимо учитывать при выработке внешнеполитического курса России, в особенности это касается политики в отношении новых независимых государств. В ходе исследования были использованы положения парадигм политического реализма и неореализма, неоинституциональный, корпоративистский и неокорпоративистский подходы, теория групп интересов. Кроме того, изучение специфики деятельности и интересов финансово-промышленных групп Украины осуществлялось сквозь призму теорий рентаориентированного поведения и «захвата государства». Источниковая база исследования включает в себя нормативные документы, официальные заявления глав государств, научные монографии и публикации, материалы аналитических докладов, социологические данные, публикации в средствах массовой информации. В ходе исследования были определены предпосылки возникновения и сущность финансово-промышленных групп, рассмотрены политические аспекты их деятельности. Установлены основные методы и результаты воздействия финансово-промышленных групп на внешнеполитический процесс на Украине.

Ключевые слова: финансово-промышленные группы, внешняя политика Украины, политическая элита Украины, кризис, внешнее воздействие на внешнеполитический процесс.

Abstract: the article provides the results of a study of the impact caused by financial and industrial groups on the foreign policy of Ukraine as one of the factors of influence on the foreign policy subjectivity of the state. The relevance of the theme is determined by significant influence of financial capital on the political system of Ukraine in the period before the start of the Special Military Operation, as well as its role as agent of lobbying the interests of foreign states and international organizations. In context of a clash of the interests between the Russian Federation and the states of so-called "collective West", these circumstances must be taken into account during the development and implementation of foreign policy of Russia. It is extremely important in the case of policy towards the newly independent states. In the research under consideration the provisions of the political realism and neo-realism paradigms, as well as the corporatism, neo-corporatism approaches and the theory of interest group have applied. In addition, the research of the interests and key features of financial and industrial groups' of Ukraine activity has conducted through the prism of theories of rent seeking and state capture. The source base of the research includes legislation, official statements of heads of states, scientific monographs and articles, materials of analytical reports, sociological data, and publications in mass-media. In the course of the research, the essence of financial and industrial groups, as well as the prerequisites for their emergence has been determined, and the political aspects of their activities have been considered. The main methods and results of the influence of financial and industrial groups on the foreign policy process of Ukraine have been specified.

Key words: financial and industrial groups, foreign policy of Ukraine, political elite of Ukraine, crisis, external influence on the foreign policy process.

Введение

Объявление российской стороной о начале специальной военной операции на территории Украины 24 февраля 2022 года стало отправной точкой ряда международных политических процессов. Противоречия между Российской Федерацией и государствами — членами Организации Североатлантического договора, поэтапно нараставшие после крушения Советского Союза, значительно обострились. В конфликт на Украине оказались вовлечены многие государства Запада, оказывающие украинской стороне военно-техническую, экономическую и политическую поддержку. Начались масштабные трансформации системы международных отношений, а также сопутствующие им кризисы.

Данные обстоятельства, а также риск значительной эскалации конфликта, способной стать началом глобального вооруженного противостояния с возможностью применения всех средств ведения войны, в том числе и оружия массового поражения, требуют изучения предпосылок сложившейся глобальной кризисной ситуации. Это необходимо в контексте выработки эффективной политики России в целях разрешения конфликта на Украине и отстаивания национальных интересов страны в регионе, обладаю-

щем особым значением с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Кроме того, понимание непосредственных причин, становления и развития текущего кризиса крайне важно в рамках выработки государственной политики с учетом во многом неразрешимого на данном этапе конфликта между Россией и государствами так называемого коллективного Запада.

В этом отношении следует отметить, что необходимость вмешательства российской стороны в конфликт на юго-востоке Украины и начала специальной военной операции определялась рядом обстоятельств:

— невозможностью разрешения противоречий в российско-украинских отношениях, возникших после государственного переворота на Украине в 2014 году и воссоединения Крыма и Севастополя с Россией;

— значительным внешним воздействием на политические процессы на Украине, в особенности на ее внешнюю политику, со стороны иностранных государств, в частности Соединенных Штатов Америки и их сателлитов;

— размещением на территории страны военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора, поставками Вооруженным силам Украины широкой номенклатуры вооружений и военной техники;

— милитаризацией украинского общества, насаждением идеологии украинского национализма и русофобии, а также образа России и русских как экзистенциального врага;

— трансформацией украинского государства в средство борьбы против России, как идеологической, так и в форме ведения открытой войны.

Следует подчеркнуть, что указанные трансформации, разрушительные для украинского государства и общества и наносящие ущерб его национальным интересам, стали возможны в результате значительного снижения внешнеполитической субъектности Украины, что позволило геополитическим противникам России начать работу по превращению ее в оружие против России. Это обстоятельство определяет актуальность заявленной темы исследования.

В данной связи несомненный научный интерес представляют роли отдельных субъектов политического процесса Украины,

определивших утрату самостоятельности государства на международной арене. К ним относятся в том числе финансово-промышленные группы (ФПГ) — специфические участники политического процесса и особые группы интересов и давления, контролирующие ключевые сегменты экономики страны, а также оказывающие значительное влияние на ее внешнюю и внутреннюю политику. Значимость темы увеличивается в связи с тем, что в условиях усиливающегося противостояния между Российской Федерацией и государствами Запада сохраняется риск воздействия геополитических противников России на политико-экономические группы в других новых независимых государствах. Это создает угрозу воспроизводства социально-экономических и политических трансформаций, аналогичных имевшим место на Украине, а также изменения внешней политики этих государств в интересах противников России. Соответственно, понимание мотивов и особенностей действия финансово-промышленных групп как участников политического процесса, способных стать проводником интересов иностранных государств, позволит повысить эффективность внешней политики России.

Цель исследования — определить роль финансово-промышленных групп Украины в контексте утраты ее внешнеполитической субъектности. Для выполнения указанной цели предполагается решение следующих задач:

- 1) определить сущность финансово-промышленных групп Украины;
- 2) выявить методы воздействия финансово-промышленных групп на внешнеполитический процесс на Украине;
- 3) установить результаты влияния финансово-промышленных групп на внешнеполитический процесс на Украине.

Объектом исследования выступает внешнеполитический процесс на Украине, предметом — воздействие, оказываемое финансово-промышленными группами на внешнеполитический процесс на Украине.

В ходе исследования использовались положения парадигм политического реализма и неореализма, что позволило анализировать фактор национальных интересов Украины, Российской Федерации и государств Запада в контексте двусторонних и многосторонних отношений, а также вопросы обеспечения на-

циональной безопасности сторон. Финансово-промышленные группы как участник внешнеполитического процесса Украины исследовались сквозь призму положений неинституционального подхода [51]. Корпоративистский и некорпоративистский подходы, а также теория групп интересов позволили изучить функционирование финансово-промышленных групп как части политической и социальной систем Украины [19; 45]. В контексте изучения интересов и детерминант деятельности финансово-промышленных групп применялись положения теорий рентоориентированного поведения (Rent seeking) и «захвата государства» (State capture) [6; 23; 50; 53; 54]. Политическая элита Украины была исследована с точки зрения статусно-функционального, или альтиметрического, подхода, позволившего рассматривать в качестве представителей политической элиты тех лиц, которые занимают ключевые должности в системе государственного управления, вне зависимости от их личностных и профессиональных качеств [4].

В ходе работы были использованы также историко-сравнительный метод, анализ нормативных документов, вторичный анализ социологических данных, автобиографический метод. Применены общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение и аналогия.

Источниковую базу исследования составили нормативные документы, официальные послания и заявления глав государств (в частности, Российской Федерации, Украины и США), аналитические доклады, монографии, публикации в научных изданиях, публикации в СМИ, материалы диссертационных исследований.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 24 августа 1991 года — момента обретения Украиной независимости — по 2022 год.

Результаты исследования

Заявленная тема исследования требует анализа особенностей Украины как нового независимого государства, определивших специфику эволюции ее внешней политики и детерминировавших политику иностранных государств по отношению к ней. Украинское государство с момента обретения своей независимости в 1991 году столкнулось с рядом внешнеполитических

и внутривнутриполитических вызовов. Возникла необходимость построения новой и эффективной политической системы, поиска вектора внешнеполитического и внешнеэкономического курса, выстраивания дипломатических отношений, которые отвечали бы национальным интересам как с новыми независимыми государствами, так и с государствами коллективного Запада. Требовались незамедлительные меры по выстраиванию экономической системы страны в условиях дезинтеграции союзной экономики бывшего СССР. Перед государством и обществом встал ряд вызовов этнополитического, социального, культурного и ценностного характера. Вместе с тем политическая элита Украины оказалась не готова к выработке эффективной внешней и внутренней политики, не обладала достаточным опытом организации политических процессов, направила политику государства на обеспечение собственных потребностей и извлечение максимально возможной ренты [22; 44].

Украина столкнулась с острой проблемой определения государственных границ и национальной территории. В период своего существования в качестве союзной республики в составе СССР они были значительно расширены. Искусственный характер государственных границ Украины после распада Советского Союза, культурно-исторические особенности ее регионов позволили американскому исследователю С. Хантингтону характеризовать ее как «расколотую страну с двумя различными культурами» [43, с. 255]. При этом линия разлома между ними формировалась на протяжении нескольких веков и проходит по центру страны, отделяя ее восточную и западную части. Это привело к тому, что игра политических сил на противоречиях внутри украинского общества, осуществляемая в ходе политической борьбы, в особенности в период избирательных кампаний, поэтапно приводила к обострению конфликтов внутри него и создавала предпосылки для социального взрыва. Кроме того, указанное положение значительно усложняло любые попытки системных преобразований и реформ в украинской экономике и политической системе [29, с. 26]. Вместе с тем своеобразная «изоляция» отдельных регионов страны, например Южной Бессарабии, Закарпатья и Крымского полуострова, которые были охарактеризованы крымским ученым А. Р. Никифоровым как «полиэтнические мешки», обусло-

вила значительный потенциал территориальной фрагментации Украины [30, с. 319].

Вместе с тем особенности географического положения Украины, ее обширные территории, многочисленные трудовые ресурсы и экономический потенциал определили ее роль в геополитических и геостратегических концепциях иностранных государств. Так, для Российской Федерации это государство обладало особым значением с точки зрения защиты национальных интересов и обеспечения безопасности. Территория Украины являлась одним из ключевых векторов транзита углеводородов и промышленной продукции на территорию европейских государств. Факторами, способствовавшими сотрудничеству двух государств на начальном этапе независимого существования, являлись их тесные и дружественные отношения, развитые культурные и экономические связи, а также длительная общая история. Крымский полуостров после крушения Советского Союза являлся чрезвычайно важным для российской стороны как место базирования Черноморского флота, а также как одна из ключевых стратегических точек, позволявших осуществлять активную внешнюю политику в Черноморском регионе. Более того, контроль над этим регионом, в котором проживало большинство русского населения и который исторически и культурно связан с Россией, был необходим в контексте преодоления политического и экономического кризиса, восстановления государственной мощи России [17, с. 55].

Вместе с тем территории Украины играли важную роль в политике противников России. Окончание холодной войны привело к так называемому однополярному моменту в международных отношениях — положению, при котором Соединенные Штаты Америки осуществили попытку формирования нового глобального мирового порядка в своих интересах. Вместе с тем американская политическая элита понимала, что возможности для осуществления проекции своего влияния крайне ограничены во времени, поскольку возникновение новых центров силы, способных уравновесить международную систему, было неизбежным [49]. Крушение СССР и возможность экономической экспансии на территории бывших союзных республик способствовали борьбе с экономическим кризисом. Однако возникно-

вание новых экономических конкурентов, в частности быстрый экономический рост Китайской Народной Республики, создавало предпосылки для утраты рынков сбыта и экономического кризиса в будущем. Кроме того, в интересах американской стороны было не допустить реализации политических и экономических интеграционных проектов на постсоветском пространстве, следовательно, и формирования в регионе новых военно-политических и экономических конкурентов.

Данные обстоятельства вызвали дискуссии в экспертном сообществе США о перспективных направлениях внешней политики, а также о возможных путях выстраивания стратегии американо-российских отношений [36]. Одним из возможных вариантов американской стратегии на постсоветском пространстве выдвигалась концепция «геополитического плюрализма», сформулированная бывшим помощником Президента США по национальной безопасности, консультантом Центра стратегических и международных исследований З. Бжезинским. Концепция подразумевала подавление России, лишение ее статуса великой державы, противодействие ее попыткам осуществлять активную внешнюю политику. Кроме того, реализация геополитического плюрализма подразумевала формирование на постсоветском пространстве альтернативных российскому интеграционных проектов, которые в перспективе могли бы стать и прямо антироссийскими [2]. В этом отношении особую роль в реализации политики американской стороны на постсоветском пространстве, как с точки зрения геополитического плюрализма, так и других теорий геополитических противников России, играла именно Украина [8; 41].

В контексте исследования эволюции внешней политики Украины, а также возможностей оказания на нее внешнего воздействия со стороны иностранных государств особое значение приобретают специфические субъекты политических процессов в данной стране — финансово-промышленные группы. В научной литературе отмечается, что под финансово-промышленными группами следует понимать организационно-правовую форму интеграции и концентрации финансового и промышленного капитала с последующей трансформацией в крупные многоотраслевые хозяйственные системы с единой экономической стратегией, в которых торговая, промышленная и банковская

деятельности упорядочиваются и синхронизируются [28; 35]. Их также возможно рассматривать как совокупность юридических лиц, действующих в той или иной форме организации «в целях технологической или экономической интеграции для реализации инвестиционных и иных проектов и программ, направленных на повышение конкурентоспособности и расширение рынков сбыта товаров и услуг, повышение эффективности производства, создание новых рабочих мест» [27, с. 314; 34, с. 10].

Правовой режим деятельности ФПГ на Украине прорабатывался с середины 90-х годов XX века. Вместе с тем необходимо отметить, что проекты соответствующих законов подвергались многократным доработкам. На Указ Президента Украины от 27 января 1995 г. № 85/95 «О финансово-промышленных группах в Украине», установивший данную организационную форму предпринимательской деятельности и утверждавший соответствующее Положение, в марте 1995 года Верховной Радой Украины было наложено вето [32; 40]. 21 ноября 1995 года постановлением Верховной Рады Украины № 438/95-ВР был введен в действие Закон Украины «О промышленно-финансовых группах в Украине» [33]. Он определял порядок создания, реорганизации и ликвидации, а также финансово-экономические условия деятельности данных групп. Промышленно-финансовые группы (ПФГ) рассматривались в данном Законе как «объединение, в состав которого могут входить промышленные предприятия, сельскохозяйственные предприятия, банки, научные и проектные учреждения, другие учреждения и организации всех форм собственности, имеющие целью получение прибыли, и созданное по решению Правительства Украины на определенный срок с целью реализации государственных программ развития приоритетных отраслей промышленности и структурной перестройки экономики Украины, включая программы в соответствии с международными договорами, а также производство конечной продукции» [14]. Законом определялся также статус главного предприятия промышленно-финансовой группы, ее участников, конечной и промежуточной продукции, а также иные существенные аспекты деятельности этих объединений. Важно подчеркнуть, что указанный документ подразумевал подотчетность ПФГ Правительству Украины.

Финансово-промышленные группы Украины как особые участники политического процесса впервые были комплексно исследованы сотрудниками Центра мира, конверсии и внешней политики Украины О. Лисничуком и А. Сушко. В рамках анализа социально-экономических и политических трансформаций после развала Советского Союза ими был рассмотрен феномен украинских политико-экономических групп, представляющих собой сложный симбиоз политических, экономических, административных, финансовых, организационных, информационных, социальных, культурных и личных составляющих, фактически концентрированное проявление групповых интересов бизнеса и политики. Исследователи подчеркивали, что данные группы не только занимают ведущую нишу в экономической системе страны, но и выполняют квазипредставительскую общественно-политическую функцию, играют значительную роль в процессе политико-партийного представительства, формируют системные очертания политических процессов на Украине. В результате классификации указанных групп по ряду критериев исследователи выделили отраслевые и региональные политико-экономические группы, а также финансово-промышленные группы. В этом отношении под ФПГ ими понимался особый тип политико-экономических групп, формирующийся в результате получения крупными бизнес-группировками контроля над отдельными сегментами промышленности с помощью системы политико-административного патронажа. Главным элементом структуры указанных групп выступает финансовый капитал, сконцентрированный в эксклюзивно контролируемой банковской структуре [25, с. 7—8]. Финансовый капитал формируется в условиях синтеза и кооперации банков и промышленности и выступает одним из элементов создания монополий [7, с. 265; 9; 24].

Формирование финансово-промышленных групп на Украине происходило прежде всего в промышленно развитых регионах. Потому, например, одни из наиболее влиятельных ФПГ формировались на востоке страны (в литературе и публицистике данные группы, определяемые по территориальному признаку, называли Донецкой и Днепропетровской). Старший научный сотрудник Института истории Украины В. Головка рассматривает формирование крупного промышленного капитала на Украине сквозь

призму четырех этапов: с 1991 по 1998 год (накопление первичного капитала в условиях фрагментации производственных комплексов советского типа); с 1999 по 2004 год (создание промышленных конгломератов); с 2005 по 2009 год (формирование специализированных отраслевых компаний); с 2009 по 2013 год (монополизация и расширение присутствия иностранного капитала) [10, с. 10]. В данной связи необходимо отметить, что в течение 1990-х годов на Украине сформировались крупнейшие финансово-промышленные группы, которые в дальнейшем стали оказывать значительное влияние на политические процессы в стране: корпорация «Индустриальный союз Донбасса» Р. Ахметова и С. Таруты; группа «System Capital Management» Р. Ахметова (выделена из состава «Индустриального союза Донбасса» в 2000 году); корпорация «Единые энергетические системы Украины» Ю. Тимошенко; группа «Приват» И. Коломойского; группа «Финансы и кредит» К. Жеваго; группа «Интерпайп» В. Пинчука; группа «Смарт-групп» В. Новинского; так называемый киевский клан И. Суркиса и В. Медведчука; корпорация «Рошен» П. Порошенко [12; 20].

Формирование ФПГ на Украине происходило в условиях масштабного разгосударствления собственности, адаптации прежних государственных структур к новым условиям и их трансформации в новые формы, а также деятельности так называемых красных директоров (бывших руководителей предприятий и управленческой элиты), которые устанавливали личный контроль над предприятиями, находившимися в собственности государства. Средствами накопления капитала для новообразованных ФПГ выступали номенклатурная и ваучерная приватизация государственной собственности, масштабные финансовые спекуляции в условиях высокой инфляции, а также махинации с транзитом энергоносителей по территории страны [16; 21].

По мере расширения и эволюции ФПГ перед их руководством возникли задачи обеспечения защиты бизнеса, изыскания методов борьбы с конкурентами, а также получения государственной поддержки. В этом отношении руководство ФПГ оказалось заинтересовано в получении политической власти. В период президентства Л. Кучмы (1994—2005 гг.) осуществилось формирование системы организованных ФПГ, взявших под контроль отдельные

сегменты промышленности государства, а также распространивших свое влияние во всех органах государственной власти. В литературе указанная система характеризуется как доминирование президентской власти, которая фактически заменяла исполнительную власть, конкурировала с законодательной ветвью власти и оказывала влияние на власть судебную [12, с. 41]. ФПГ распространяли свое влияние на законодательную власть путем финансирования избирательных кампаний в мажоритарных округах либо с помощью создания или «покупки» политических партий. В число политических партий, лоббировавших интересы крупного бизнеса, входили «Громада», Народно-демократическая партия Украины, Социал-демократическая партия Украины (объединенная), «Трудовая Украина», Партия зеленых, «Регионы Украины», Аграрная партия, Демократический союз, «Яблуко» [37].

В этом отношении государственная власть на Украине постепенно попадала в зависимость от крупных ФПГ и была вынуждена балансировать между ними, регулируя доступ к механизмам приватизации крупных промышленных предприятий, а также к элементам энергетической инфраструктуры. Контроль ФПГ над отдельными депутатами и политическими силами позволил не только лоббировать интересы групп в вопросах внутривнутриполитической и экономической деятельности, но и оказывать воздействие на внешнеполитический процесс. Синтез политической элиты и финансово-промышленных групп привел к формированию кланового капитализма, укоренению системной политической коррупции, деформации политической культуры. Это обусловило значительное снижение эффективности деятельности субъектов политического процесса, невозможность преодоления экономического и социального кризиса, а также создало предпосылки для социального взрыва.

Финансово-промышленные группы, действуя как экономические и политические субъекты, стремились к извлечению максимальной выгоды, которая часто заключалась в изъятии ренты. Данная особенность в литературе получила название «рентоориентированного поведения», или «Rent seeking» [50; 54]. При осуществлении политической деятельности она имеет крайне деструктивный характер для социальной системы. На Украине указанная деятельность связана с реализацией коррупционных

схем, лоббированием интересов крупного бизнеса в парламенте в целях получения государственной финансовой поддержки, финансовыми злоупотреблениями, махинациями во время государственных закупок, уклонением от уплаты налогов. Последнее чаще всего было связано с использованием торговых компаний, которые регистрировались в так называемых оффшорах — государствах или особых регионах, — в которых для компаний-нерезидентов определялся особый режим регистрации и деятельности, обеспечивалась возможность управления компаниями с помощью местных номинальных владельцев [5]. Ещё одной характерной особенностью деятельности ФПГ стало применение широкого спектра неформальных методов воздействия на принятие управленческих решений.

Олигархизация политической и экономической системы Украины стала причиной доминирования в политическом процессе частной корпоративной власти, укоренения системной политической коррупции, которая позволяет олигархическим кругам манипулировать политическими процессами и, более того, формировать правила игры для реализации собственных интересов. В литературе такое положение характеризуется как «захват государства» (state capture) [48; 53, с. 46].

К 2016 году большинство политических партий, действовавших на Украине, были созданы не на основании идеологии или интересов социальных групп, а были призваны отстаивать интересы крупного бизнеса. Таким образом, политические партии (или политические силы) стали своеобразным дополнением крупных бизнес-групп, чьими главными задачами стали продвижение в органы власти необходимых кандидатов и лоббирование их интересов [1; 18].

Приведенные обстоятельства явились предпосылками для оказания на политическую систему Украины значительного внешнего воздействия. Государство было неспособно выработать эффективный внешнеполитический курс, преодолеть кризис, а потому нуждалось в значительной финансовой и экономической поддержке. Это позволяло акторам внешнего воздействия, например международным финансовым организациям (Всемирный банк, Международный валютный фонд), диктовать украинской стороне условия проведения экономиче-

ских и политических реформ. Наиболее яркими примерами такого воздействия могут служить принятие Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины об условиях обращения земель сельскохозяйственного назначения», урегулировавшего вопросы продажи земли, а также принятие изменений в Закон «О банковской деятельности» [13; 15]. Указанные нормативные документы по требованию представителей Международного валютного фонда было необходимо принять в контексте предоставления украинской стороне новой программы кредитования, без которой были бы невозможны выплаты по государственному внешнему долгу.

Намерения Украины участвовать в евроатлантических интеграционных проектах, даже в период реализации так называемой многовекторной внешней политики, предоставили возможность государствам Запада оказывать влияние на ее политику, в том числе с помощью воздействия на отдельных представителей ФПГ.

Важными агентами иностранного влияния на украинскую внешнюю политику являлись международные неправительственные организации (НПО). Такие НПО, как «Freedom House» и «Национальный фонд демократии», являются проводниками экспансионистской политики западных государств, обеспечивают внедрение в общественное сознание соответствующих идеологем и культурно-ценностных установок [26, с. 141].

С рубежа 2004—2005 годов на Украине действовало более 50 иностранных некоммерческих организаций (НКО), некоторые из которых тесно сотрудничали с финансово-промышленными группами Украины. Наиболее активными проводниками интересов западных государств осуществлялось особое влияние на развитие общественно-политической ситуации в стране, а также на трансформации в системе образования.

В число указанных НКО входили:

- 1) Институт Альберта Эйнштейна (основан американским исследователем и общественным деятелем Д. Шарпом, известным своими теориями «ненасильственной борьбы»);
- 2) Институт поддержки демократии в Восточной Европе;
- 3) Международная кризисная группа;
- 4) Восточно-европейский демократический центр;
- 5) Центр прикладных ненасильственных действий и стратегий.

Основными организациями, финансировавшими прозападные внешнеполитические инициативы Украины, являлись:

- 1) Национальный фонд поддержки демократии;
- 2) Международный республиканский институт;
- 3) Национальный демократический институт по международным вопросам;
- 4) Агентство США по международному развитию;
- 5) Фонд «Открытое общество» Дж. Сороса;
- 6) Всемирный банк;
- 7) Фонд Евразия; и другие.

Особо интенсивным влияние НКО и международных организаций становилось в период избирательных кампаний и острых политических кризисов. Так, во время политического кризиса 2004—2005 годов (так называемой оранжевой революции) политическая оппозиция пользовалась значительной зарубежной поддержкой. Задолго до формирования блока «Наша Украина», в 2002 году, некоммерческие организации «Международный республиканский институт» и «Национальный демократический институт по международным вопросам» осуществляли тесную работу с лицами, которые впоследствии заняли ключевые посты в структуре указанной политической силы. Обе упомянутые организации содействовали установлению контактов между В. Ющенко и политическим руководством США. В 2003 году Национальный демократический институт по международным вопросам организовал поездку В. Ющенко и ряда его сотрудников в Вашингтон. В рамках указанного мероприятия кандидат на президентский пост Украины встретился с членами Конгресса и сотрудниками администрации Президента США. Бывший государственный секретарь США М. Олбрайт в феврале 2004 года совершила поездку на Украину, в ходе которой провела встречу с В. Ющенко, руководством и членами блока «Наша Украина». Во время событий «оранжевой революции» ряд международных некоммерческих организаций также оказывали свою поддержку украинской оппозиции [52].

В дальнейшем воздействие государств Запада на политические процессы на Украине в переломные моменты ее истории сохранилось. Так, например, помощник госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Виктория Нуланд в интервью

телеканалу CNN заявила, что Вашингтон выделил 5 млрд долл. США «на поддержку стремления народа Украины к более сильному, демократическому правительству» [11]. Отдельного рассмотрения заслуживает инициатива «Реанимационный пакет реформ», которая была развернута на Украине после событий государственного переворота 2013—2014 годов. В число указанных «реформ» вошли мероприятия, которые должны были не только окончательно разорвать связи между населением России и Украины, но и превратить украинское государство в ее антипод, так называемую анти-Россию.

Представители ФПГ Украины принимали также непосредственное участие в проектах, призванных реализовать курс страны на евроатлантическую интеграцию. Европейский вектор внешней политики рассматривался представителями крупного бизнеса как гарантия четких процедур урегулирования экономических противоречий и институциональные гарантии защиты капитала. Вместе с тем интеграция в состав Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана могла гипотетически означать риск экспансии крупного российского капитала (однако позволяла сохранить высокотехнологичные отрасли экономики страны). В период тяжелейшего социально-политического кризиса и государственного переворота рубежа 2013—2014 годов украинское государство оказалось в значительной зависимости от внешних займов и необходимости экономической помощи. В этих условиях многие ФПГ поддержали западный вектор внешнеполитической ориентации страны [3]. Это событие открыло путь к прямому внешнему воздействию на политику страны со стороны государств Запада, насаждению в стране марионеточного руководства.

После событий 2014 года ФПГ Украины продолжили воздействовать на внешнеполитический курс страны. Так, в 2014 году Президент Украины П. Порошенко (основатель и руководитель группы «Укрпроминвест», корпорации «Рошен») выступил с планом подготовки страны к подаче заявки на членство в Европейском союзе «Стратегия-2020». В нем предполагалось осуществление пакета реформ: антикоррупционная реформа, обновление власти и бюрократического аппарата; судебная реформа; реформа правоохранительных органов; децентрализация и реформа государственного управления; налоговая рефор-

ма; дерегуляция и развитие предпринимательства; реформа системы безопасности и обороны [38]. В январе 2015 года указом Президента Украины была утверждена Стратегия устойчивого развития «Украина-2020» [39].

В это же время продолжал свою работу форум «Ялтинская европейская стратегия» (YES) — ежегодная международная конференция украинских и иностранных политиков и предпринимателей [47]. Она была инициирована в 2004 году другим представителем крупных украинских ФПГ — В. Пинчуком, основателем группы «EastOne Group». В рамках конференции проводились регулярные исследования общественного мнения, как на Украине, так и за рубежом. Кроме того, реализовывался ряд дополнительных проектов, как например, «Украинский ланч в Мюнхене» в дни Мюнхенской конференции по безопасности, Форум региональных государственных служащих, Форум молодых лидеров [42; 46]. После государственного переворота 2014 года данный форум выступал также площадкой, позволявшей представителям элиты государств Запада оказывать воздействие на политические процессы в стране.

Насаждение внешнего управления на Украине и трансформация ее внешней и внутренней политики в интересах западных государств, прежде всего США, привели к ряду последствий: разрушению политических и экономических отношений с Российской Федерацией, насаждению в обществе идеологии украинского национализма и русофобии, героизации военных преступников и пособников нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны, расколу в украинском обществе, проведению политики дискриминации по национальному и языковому признаку, началу вооруженного гражданского противостояния на юго-востоке страны. Кроме того, американской стороной и ее союзниками из числа государств — членов НАТО стала оказываться военно-техническая поддержка Вооруженным силам Украины. Указанными методами была начата работа по трансформации украинского государства в инструмент внешней политики США на постсоветском пространстве, а также в средство противодействия России.

Подписание украинской стороной Соглашения об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским союзом, Европейским сообществом по атомной энергии и их государства-

ми-членами, с другой стороны, повлекло экономический кризис, создало основу для неравноправия сторон. Фактически документ определил механизм становления Украины как рынка сбыта европейских товаров, углубил ее зависимость от программ кредитной поддержки и привел к фактической потере внешнеэкономической субъектности.

Президентские и парламентские выборы, состоявшиеся в 2019 году, определили новый этап эволюции внешней политики Украины. В состав высшего военно-политического руководства этой страны вошли люди, зависимые от иностранного влияния. Одним из наиболее значимых агентов воздействия на данном этапе выступил фонд «Возрождение» Дж. Сороса. В научной литературе отмечается, что указанный фонд оказывал давление на деятельность ряда средств массовой информации, лоббистских и экспертных групп, депутатского корпуса. В число значимых успешных проектов, реализованных данным фондом, входят принятие изменений в законодательство о рынке земли в интересах Международного валютного фонда, а также мероприятия по получению автокефалии Православной церковью Украины [31]. Важной особенностью данного периода стало снижение роли ФПГ во внешнеполитическом и внутривнутриполитическом процессах на Украине. С началом специальной военной операции в феврале 2022 года их влияние было пресечено. Вместе с тем указанная дата стала отправной точкой ликвидации внешнеполитической субъектности Украины в целом.

Заключение

Синтез финансово-промышленных групп и политической элиты Украины и последовавшее за этим выстраивание системы кланового олигархического капитализма стали одними из ключевых деструктивных и дестабилизирующих факторов в политическом процессе страны. Указанные обстоятельства обусловили низкую эффективность политической деятельности руководства государства и системный политический, экономический и социальный кризис, зависимость страны от акторов внешнего воздействия.

Это, в свою очередь, обеспечило поэтапное снижение внешнеполитической субъектности Украины. Неспособность политической элиты выработать эффективный внешнеполитический

курс, ее подчиненность корпоративным интересам, а также игра на противоречиях в украинском обществе, социальная апатия и переход общества в состояние социальной аномии привели к дезинтеграции социальной системы и территориальной фрагментации государства в 2014 году.

События государственного переворота 2013—2014 годов, воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией, а также провозглашение независимости Донецкой и Луганской народных республик не только стали точкой бифуркации в российско-украинских отношениях, но и явились прямым вызовом влиянию США на международной арене. По этой причине государствами Запада с 2014 года последовательно проводилась политика по трансформации украинского государства в средство ведения борьбы против России, чему способствовало значительное влияние на представителей ФПГ, занимающих должности в институтах государственной власти либо способных лоббировать принятие тех или иных законодательных инициатив. Влияние на внешнюю политику Украины привело к срыву попыток урегулирования конфликта на юго-востоке Украины. Многие внешнеполитические инициативы украинской стороны стали преследовать цель оказания давления на российскую сторону.

В результате внешнего воздействия вносились многочисленные изменения и поправки в украинское законодательство, ряд руководящих должностей и постов в наблюдательных советах занимали представители иностранных государств. Серьезные изменения произошли в культурной и образовательной политике страны. Массово насаждалась идеология украинского национализма и русофобии.

Вместе с тем производились изменения в управлении и снабжении Вооруженных сил Украины, проводилась их унификация с вооруженными силами государств — членов Организации Североатлантического договора. В дополнение к милитаризации государства началась и милитаризация общества, его превращение в прообраз военного лагеря, цель которого — противодействовать России (одним из наиболее ярких примеров такой политики выступили лозунги об армии, языке и религии как основах украинской идентичности).

Президентские и парламентские выборы, состоявшиеся в 2019 году, стали началом окончательной ликвидации внешнеполитической субъектности Украины. Ключевые посты в системе государственного управления были заняты людьми, чья деятельность во многом была подконтрольна иностранным государствам и международным организациям (в публицистике эти люди получили название «соросята»). Вместе с тем с указанного рубежа началось снижение влияния финансово-промышленных групп Украины на политические процессы в стране. Таким образом завершалась трансформация Украины в инструмент политики западных держав на постсоветском пространстве. С началом специальной военной операции на территории Украины 24 февраля 2022 года это государство стало основным инструментом ведения войны Запада против России.

Литература

1. Бевз Т. Бізнес-партійні корпорації і українська політична практика // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. – 2016. – Вип. 5–6. – С. 294–312.
2. Бжезинский З. Преждевременное партнерство // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 58–68.
3. Брехаря С.Г. Український бізнес між суспільною відповідальністю та економічною раціональністю // Суспільні інтереси в Україні: груповий вимір, зміст, шляхи узгодження. Аналітична доповідь / за ред. О.М. Майбороди. – Київ: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2016. – 192 с.
4. Бухарин С.Н., Малков С.Ю. Эволюция элиты (материалы исследования). – М.: Академический проект : Гаудеамус, 2014. – 281 с.
5. Быстрова Ю.В. Оффшоры – налоговый рай // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 227–230.
6. Воробьев А.Н. Левиафан поневоле: захват государства как следствие режимных деформаций: препринт. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 28 с.
7. Гильфердинг Р. Финансовый капитал / пер. с нем. И. Степанова. – М.: Государственное издательство, 1922. – 460 с.
8. Гливаковский А.К. Самостийная Украина: истоки предательства. – СПб.: Изд-во НРПР «Хорс», 1992. – 70 с.
9. Гобсон Дж. Империализм / пер. с англ. В.Б. Беленко. – Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1927. – 301 с.
10. Головки В.В. Олигархи из города роз. Становление и развитие крупного капитала Донбасса (1991–2014 гг.). – Киев: Ин-т истории Украины НАН Украины, 2012. – 74 с.
11. Госдеп: США вложили \$5 млрд в «поддержку демократии» на Украине // РИА Новости. 22.04.2014. – URL: <https://ria.ru/20140422/1004886020.html> (дата обращения: 29.03.2022).
12. Дегтярева О.В. Коммуникативные стратегии медиахолдингов Украины в легитимации власти и лоббировании интересов финансово-промышленных групп: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2016. – 300 с.
13. Закон України від 7 грудня 2000 року № 2121-III «Про банки і банківську діяльність» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2001. – № 5–6. – Ст. 30. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2121-14#Text> (дата обращения: 17.06.2023).
14. Закон України від 21 листопада 1995 року № 437/95-ВР «Про промислово-фінансові групи в Україні» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1996. – № 23.

- Ст. 88. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/437/95-%D0%B2%D1%80#Text> (дата обращения: 15.06.2023).
15. Закон України від 31 березня 2020 року № 552-IX «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо умов обігу земель сільськогосподарського призначення» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2020. – № 20. – Ст. 142. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/552-20#Text> (дата обращения: 17.06.2023).
  16. Касьянов Г.В. Украина 1991–2007: очерки новейшей истории. – Киев: Наш час, 2008. – 480 с.
  17. Киселёв С.Н. Размышления о Крыме и геополитике. – Симферополь: Крымский архив, 1994. – 64 с.
  18. Коротков Д.С. Політичні партії України як засіб впливу олігархічної еліти на політичний процес у державі // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Питання політології. – 2009. – № 839 (14). – С. 111–117.
  19. Костин А.Э. К вопросу о применимости теории корпоративизма Ф. Шмиттера в современном российском политическом пространстве // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2 (110). – С. 145–151.
  20. Кривогуз М.И. Финансово-промышленные группы Востока Украины и состояние промышленности Донецкой и Луганской областей // Россия и новые государства Евразии. – 2020. – № III (XLVIII). – С. 39–52.
  21. Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. – Т. 11. – 2002. – № 4. – С. 3–60.
  22. Кучма Л.Д. После майдана: Записки президента. 2005–2006. – Киев: Довира; Москва: Время, 2007. – 688 с.
  23. Левин М.И. Рентоориентированное поведение в системах со сложной структурой. – М.: Изд-во РАНХиГС, 2016. – 37 с.
  24. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 27. – 643 с.
  25. Лісничук О.В., Сушко О.В. Чи є політико-економічні групи перешкодою для політичного розвитку України? – Київ: Фонд ім. Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні, Білорусі та Молдові, 2005. – 76 с.
  26. Лушников Д.А. Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 137–148.
  27. Михайлов Н.И. Правовая организация финансово-промышленных групп в России: состояние и перспективы. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 392 с.
  28. Нікітіна Т.А. Фінансово-промислові групи – як організаційна форма концентрації та централізації національного і транснаціонального капіталу // Теоретичні та прикладні питання економіки: зб. наук. праць. – Київ: КНУ. – 2008. – Вип. 16. – С. 231–237.
  29. Никифоров А.Р., Киселёв С.Н. Идея для Украины: альтернатива федерализма // Крымская идея: сб. ст. / авт.-сост. С.Н. Киселёв. – Симферополь: ООО «Антиква», 2019. – 208 с.
  30. Никифоров А.Р. Проблема определения национальной территории Украины: геополитический подход // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – Т. 26 (65). – 2013. – № 4. – С. 316–322.
  31. Овсянникова О.А. Внешнеполитический курс Украины: реалии и перспективы // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskiy-kurs-ukrainy-realii-i-perspektivy> (дата обращения: 29.06.2023).
  32. Постанова Верховної Ради України від 2 березня 1995 року № 85/95-ВР «Про невідповідність Указу Президента України від 27 січня 1995 року № 85/95 «Про фінансово-промислові групи в Україні» чинним законам України» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1995. – № 11. – Ст. 74. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/85/95-%D0%B2%D1%80/sp:max100#Text> (дата обращения: 15.06.2023).
  33. Постанова Верховної Ради України від 21 листопада 1995 року № 438/95-ВР «Про введення в дію Закону України «Про промислово-фінансові групи в Україні»» // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1996. – № 23. – Ст. 89. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/438/95-%D0%B2%D1%80/sp:max100#Text> (дата обращения: 15.06.2023).
  34. Сигида Ю.С. Финансово-промышленные группы во внутренней и внешней политике Республики Корея (1953–2012 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2016. – 23 с.
  35. Смитиенко Б.М. Финансово-промышленные группы: зарубежный опыт и проблемы формирования и функционирования в России // Финансы: теория и практика. – 1997. – № 1. – С. 52–57.
  36. Соломатина В.М. Коэн С. Американская политика и будущее России [Kohen S. American policy and Russia's future] // Nation. – Princeton, 1993. – Vol. 256, № 13. – P. 468–476 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. – 1996. – № 1. – С. 156–158. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/96-01-010-koen-s-amerikanskaya-politika-i-buduschee-rossii-konen-s-american-policy-and-russias-future-nation-princeton-1993-vol-256-n-13-p-468-476/viewer> (дата обращения: 03.11.2023).
  37. Стецькив Т. Какую Украину мы получили // Зеркало недели. – URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/kakuyu_ukrainu_my_poluchili.html (дата обращения: 13.02.2016).
  38. «Стратегія-2020» Порошенко злишком оптимістична, – вважають політологи // РІА Новості. 25.09.2014. – URL: <https://ria.ru/20140925/1025585285.html> (дата обращения: 25.06.2022).
  39. Указ Президента України від 12 січня 2015 року № 5/2015 «Про Стратегію сталого розвитку “Україна – 2020”» // Верховна Рада України. Законодавство України. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5/2015#Text> (дата обращения: 18.06.2023).
  40. Указ Президента України від 25 січня 1995 року № 85/95 «Про фінансово-промислові групи в Україні» // Верховна Рада України. Законодавство України. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/85/95/sp:max100#Text> (дата обращения: 15.06.2023).
  41. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола: сб. / вступ. ст. и коммент. М.Б. Смолина. – М.: Москва, 1998. – 432 с.
  42. Український ланч у Мюнхені / Фонд Віктора Пинчука. – URL: <https://pinchukfund.org.ua/projects/17706/> (дата обращения: 26.06.2022).
  43. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2017. – 576 с.
  44. Шайгородський Ю.Ж. Українська політична еліта: стереотипні практики і виклики сучасності // Сучасна українська політика. – 2013. – Вип. 29. – С. 311–334.
  45. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. – 1997. – № 2. – С. 14–22.
  46. Ялтинська європейська стратегія. Інші проекти // Ялтинська європейська стратегія. – URL: <https://yes-ukraine.org.ua/projects> (дата обращения: 26.06.2022).
  47. Ялтинская европейская стратегия / Фонд Виктора Пинчука. – URL: <https://pinchukfund.org/ru/projects/21/> (дата обращения: 25.06.2022).
  48. Kjaer A.M. State capture // Encyclopedia Britannica, 27 Dec. 2018. – URL: <https://www.britannica.com/topic/state-capture> (accessed: 19.06.2020).
  49. Krauthammer C. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. – Vol. 70. – 1990/1991. – No. 1. America and the World 1990/91. – P. 23–33.
  50. Krueger A.O. The Political Economy of the Rent-seeking Society // The American economic review. – 1974. – Vol. 64. – P. 293–301.
  51. March J.G. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // The American Political Science Review. – Vol. 78. – Sep. 1984. – No. 3. – P. 734–749.
  52. McFaul M. Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution // International Security. – October, 2007. – P. 45–83. – URL: https://www.researchgate.net/publication/249564159_Ukraine_Imports_Democracy_External_Influences_on_the_Orange_Revolution (accessed: 18.06.2020).
  53. Sitorus L.E. State Capture: is it a Crime? How the World Perceived it? // INDONESIA Law Review. – August, 2011. – P. 45–68. – URL: https://www.researchgate.net/publication/280843044_State_Capture_Is_It_a_Crime_How_the_World_Perceived_It (accessed: 18.06.2020).
  54. Tullock G. The Welfare Costs of Monopolies, Tariffs and Theft // Western Economic Journal. – 1967. – No. 5. – P. 224–232.

Дмитриева Марина Олеговна,

кандидат политических наук,
Дальневосточный федеральный университет (ДФУ), Владивосток.

Marina O. Dmitrieva,

PhD (Political Sciences),
Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok.
E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Саидов Бехруз Самадович,

аспирант,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Behruz S. Saidov,

postgraduate student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: saidov.mts.tj@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА К ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

EVOLUTION OF THE EUROPEAN UNION'S APPROACH TO CENTRAL ASIA

Аннотация: в статье рассматривается эволюция внешнеполитического курса Европейского союза в отношении Центрально-Азиатского региона. На основе анализа документов, регламентирующих стратегию ЕС в регионе, высказываний политических деятелей и воплощаемых проектов авторы пришли к выводу, что Центральная Азия не является приоритетным направлением политики Союза, однако противостояние России с западным блоком делает регион инструментом давления на Москву, что заставляет Брюссель пересмотреть свое видение и подходы к Центральной Азии. Следовательно, цель данной статьи видится в выявлении новых подходов во внешней политике ЕС в Центрально-Азиатском регионе на современном этапе. Ставятся задачи изучения прежнего курса Европейского союза в регионе, выявления причин смены этого курса и прогнозирования его развития.

Ключевые слова: ЕС, Центральная Азия, стратегия, внешнеполитический курс, проекты.

Abstract: the article examines the evolution of the foreign policy of the European Union towards the countries of Central Asia. Based on the analysis of the documents regulating the EU strategy in the region, the statements of politicians and ongoing projects, the authors came to the conclusion that Central Asia is not a priority for the Union's policy, but the processes of internal political transformation in the countries of Central Asia, as well as the significant resource and transit potential of the region attract the attention of various world players, which forces Brussels to reconsider its visions and approaches to the region. Therefore, the purpose

of this article is to identify new approaches in the EU foreign policy in the Central Asian region at the present stage. The tasks are to study the former course of the European Union in the region, to identify the reasons for the change in this course and to predict its development.

Key words: EU, Central Asia, strategy, foreign policy course, projects.

Введение

В экспертной среде и медиапространстве события, происходящие в Центральной Азии, часто продолжают описывать категориями XIX века. «Только когда все умрут, закончится Большая игра» — эти слова Р. Киплинга вдохновляли на сочинение конспирологических теорий и простое объяснение всех процессов. Однако уже давно в Центральной Азии сложилась новая реальность, новая система взаимоотношений государств между собой и внерегиональными акторами, которая не может быть изучена при помощи старых представлений. Тем не менее стоит признать, что активность внерегиональных акторов в Центральной Азии может быть представлена как Большая игра 2.0 с новыми правилами и игроками.

Важно и то, что сами республики региона приветствуют интерес со стороны внешних субъектов, реализуя тем самым свою знаменитую политику многовекторности.

Европейский союз не рассматривает Центральную Азию как приоритетное направление своего внешнеполитического курса, но растущая важность региона на международной арене заставляет Брюссель пересмотреть свои подходы. Противостояние России со странами Запада создает новые условия для развития этого подхода.

Цель данной статьи видится в выявлении новых подходов во внешней политике ЕС в Центрально-Азиатском регионе на современном этапе. Следовательно, ставятся задачи изучения прежнего курса Европейского союза в регионе, выявления причин смены этого курса и прогнозирования его развития.

В российской историографии по данной теме комплексных исследований довольно мало. Стоит выделить информационно-аналитическую монографию под редакцией В. Парамонова «Влияние Европейского Союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз» [11]. В указанной работе в основном авторы сосредоточивают внимание на отдельных аспектах взаимодействия: энергетическом [21], экономическом [7], гуманитарном

[18] аспектах, использовании «мягкой силы» [17]. Довольно много работ появилось после провозглашения в 2019 году новой Стратегии ЕС по Центральной Азии «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для укрепления партнерства» [8].

Формирование стратегии ЕС в Центральной Азии

После распада СССР Европейский союз начал постепенно наращивать присутствие в Центральной Азии. Сначала это происходило через предоставление помощи развитию и проецирование стандартов управления в экономике и государственном управлении. Помимо этого с самого начала взаимодействия Брюссель большое внимание уделял внедрению европейских ценностей — правам человека, либерализму и демократии [12].

Страны Центральной Азии достаточно продолжительное время не представляли особого интереса для Европейского союза. Как отмечал Нил Макфарлейн, «у Центральной Азии мало лоббистов, а на соответствующую стратегию мало спроса» [5]. Внешнеполитический курс ЕС в отношении региона сводился к двустороннему взаимодействию с отдельными республиками и по большей части заключался в предоставлении экономической и гуманитарной помощи новым государствам. Зависимость Союза от внешних энергетических ресурсов и потребность в повышении уровня своей энергетической безопасности привели к тому, что свое внимание Евросоюз всё больше стал концентрировать на регионе, что привело к некоторому пересмотру инструментов взаимодействия с Центральной Азией. К ним можно отнести соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которые были заключены практически со всеми республиками Центральной Азии (кроме Туркменистана). СПС закрепили верховенство закона, либеральных ценностей и принципов рыночной экономики и были призваны поддержать страны региона на пути к демократии.

Этот первый рубеж внешней политики ЕС пришелся на середину 1990-х годов. Тогда начали реализовываться проекты по оказанию помощи развитию (например, «TACIS» (Technical Assistance for Commonwealth of Independent States — Техническое содействие Содружеству Независимых Государств, которое работало по схеме «помощь в обмен на реформы»), транс-

портно-логистические проекты (например, «Transport Corridor Europe — Caucasus — Asia»), проекты по поставкам энерго-ресурсов (например, «Interstate Oil and Gas Transportation to Europe»). Поскольку природные ресурсы Центрально-Азиатского региона занимают важное место в стратегии Европейского союза, он посредством проектов и грантов продвигает свои интересы в данном регионе [13].

Начало операции «Несокрушимая свобода» в 2001 году ознаменовало новый этап в отношениях Европейского союза и стран Центральной Азии. До этого Евросоюз больше внимания уделял взаимодействию в политической сфере, продвигая либеральные и демократические ценности в регионе. Теперь же Брюссель в равной степени стали волновать вопросы безопасности, что вылилось в реализацию проектов, укрепляющих сотрудничество по этому треку. Среди них стоит выделить особый механизм сотрудничества между Европейским союзом и Центральной Азией — это Диалог высокого уровня по вопросам политики и безопасности с участием представителей руководства внешнеполитических ведомств участвующих сторон. Этот механизм работал до прихода «Талибана» к власти, но, похоже, в настоящее время потерял свою актуальность. Однако набирает силу другой формат, посвященный обсуждению вопросов развития ситуации в Афганистане и совместных действий по реагированию на нее. Как отмечает А. Чеботарев, наблюдается «увеличение уровня взаимодействия специального посланника ЕС по Афганистану Томаса Никлассона с официальными лицами стран Центральной Азии. Прежде всего, он и его местные коллеги, работающие в афганском направлении, провели две встречи — 23 февраля и 31 мая 2022 года в Ташкенте и Алматы соответственно. Итогами этих встреч стали совместные заявления по ситуации в Афганистане [24]. Этот этап ознаменовался также появлением военной инфраструктуры европейских стран в Центральной Азии. Были созданы авиабазы в Узбекистане и Кыргызстане.

Тогда стартовали большие проекты ЕС по обеспечению безопасности в регионе. Например, программа «Border management programme in Central Asian» (БОМСА) (Программа управления границами в Центральной Азии) направлена на повышение безопасности, борьбу с незаконным оборотом наркотиков и содей-

ствие торговле в Центральной Азии. С момента своего создания Программа была связана с рядом целей ЕС, изложенных в его стратегических документах. На ранних этапах Программы ее ресурсы были направлены на создание современной инфраструктуры управления границами, оснащенной новейшим оборудованием. Со временем горизонты БОМСА расширились, и действия Программы были направлены не только на пограничников, но и на другие органы, работающие в области таможни, миграции, контроля над наркотиками, сельского хозяйства, здравоохранения и т. д.

Была реализована Программа по предотвращению распространения наркотиков в Центральной Азии (ЦА) — «Central Asia Drug Action Programme» (CADAP). Это инициатива Европейского союза по содействию разработке эффективной политики сокращения спроса на наркотики в странах Центральной Азии. Данные программы являются наиболее значимыми проектами по оказанию технической помощи региону [9]. На реализацию программ БОМСА и CADAP Евросоюз выделил 40,1 млн евро и 20,7 млн евро соответственно [2].

Доктринально внешнеполитический курс Европейского союза в отношении стран ЦА начался в 2007 году, когда ЕС принял документ «ЕС и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства» [30], который охватывал все сферы взаимодействия, включая привычное сотрудничество по обеспечению прав человека и верховенства закона, экономическое взаимодействие, безопасность, а также новые направления, к которым можно отнести экологическое сотрудничество и развитие транспортно-логистической сферы. Особое внимание было уделено развитию путей поставок энергоресурсов из стран ЦА в Европу.

Не все заявленные цели Стратегии были реализованы, но «успешным стало создание официальных рамок для диалога и сотрудничества. Это, в частности, ежегодные встречи ЕС и стран Центральной Азии на уровне министров, ставшие платформой для регулярной координации сотрудничества и уточнения его параметров, и постоянный диалог “ЕС — Центральная Азия” по вопросам прав человека — форум, для постановки и обсуждения вопросов, касающихся прав человека в регионе» [1]. Большим просчетом политики Европейского союза в отноше-

нии стран ЦА было то, что он воспринимал Центральную Азию как единый регион, не учитывая особенностей каждой республики, которые и сами не были готовы создавать общие структуры, предпочитая двустороннее взаимодействие.

О. Спайзер считает, что ЕС сознательно занимал позицию актора второго уровня, который выступает в качестве «консультанта» и проецирует представление о себе как о честном посреднике без геополитической повестки дня. Влияние ЕС ограничивается узкими областями в сфере безопасности, которые тем не менее важны для региональной безопасности. ЕС не является великой державой в регионе и не желает ею становиться. Однако у него есть сравнительные преимущества в том, что он воспринимается как безобидный и занимает области, которыми пренебрегают другие участники, такие как управление и водная безопасность [29].

В 2019 году была принята Стратегия «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для сильного партнерства» [31]. Отличия новой Стратегии — в том, что Брюссель стал больше внимания уделять межстрановому взаимодействию в регионе и соотносить свой внешнеполитический курс с курсами других внерегиональных акторов [1].

Н. Мендкович считает, что «можно говорить о попытке перехода к “неконфронтационной стратегии” в отношении с региональными игроками и выносу за скобки центрально-азиатских отношений “украинского” и иных спорных вопросов» [8]. Таким образом, ЕС решил поступиться некоторыми своими принципами, чтобы добиться успеха в определенных направлениях, прежде всего в экономике и логистике. Свидетельством этого является выступление специального представителя Европейского союза в странах Центральной Азии Питера Буриана на международной конференции «Астана — город мира», где он отметил: «ЕС четко заявляет, что мы не хотим участвовать в различных геополитических играх региона. Мы хотим конструктивно сотрудничать, вносить вклад в устойчивое развитие, процветание и безопасность этого региона» [14].

В этот период позиция Европы по отношению к региону строилась главным образом на ее коммерческих интересах. Брюссель особо не стремился к завоеванию геополитической позиции. Приоритетными направлениями остались продвижение демократических ценностей и стремление получить доступ к энерго-

ресурсам с последующей их доставкой по маршруту «Каспийское море — Черное море — ЕС». В результате интересы Евросоюза по большей части стали концентрироваться на Казахстане и Туркменистане как странах, обладающих большими запасами углеводородов [23].

Новые подходы во внешней политике ЕС в Центрально-Азиатском регионе на современном этапе

Можно сказать, 2022 год стал новым рубежом в отношениях Европейского союза и стран Центральной Азии. Противостояние России со странами Запада проецируется и на ЦА. Регион, расположенный между Российской Федерацией и КНР — главными соперниками западной коалиции, — становится важнейшим пространством, за влияние на которое разворачивается противостояние.

Посол ЕС в Узбекистане Шарлотта Адриан сообщила, что «все направления сотрудничества Европейского союза с Центральной Азией нацелены на то, чтобы диверсифицировать экономики стран региона и облегчить косвенную зависимость от Российской Федерации» [4]. Ранее Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель заявил: «Партнеры из Центральной Азии, как и Европа, хотят получить стратегическую автономность, ЕС уважает их желание отвергать зависимость от какого бы то ни было международного партнера, независимо от истории или географии» [15].

В конце октября 2022 года в Астане прошел первый саммит с участием президентов стран региона и Европейского совета. Согласно Совместному заявлению для прессы стороны «приветствовали институционализацию взаимоотношений между Центральной Азией и ЕС в рамках действующих платформ высокого уровня, а также подчеркнули важность активного вовлечения гражданского общества в развитие межрегионального сотрудничества» [19].

В ноябре 2022 года в Самарканде прошла Конференция по взаимосвязанности «Европейский союз — Центральная Азия. Глобальный шлюз». Были рассмотрены три основные темы: цифровая связь, транспортная связь и энергетическая связь между Центральной Азией и Европейским союзом [16]. Видимо, именно эти направления станут главными в новом подходе ЕС к региону.

Особое внимание уделяется развитию альтернативных транспортных путей. Приоритетным маршрутом является Транскаспийский (Срединный) коридор, который по плану должен идти через территорию Казахстана до Каспийского моря и далее через государства Закавказья. Инициатива «Global Gateway» (Глобальный шлюз) была предложена в 2021 году. Это европейская стратегия по развитию интеллектуальных, чистых и безопасных связей в цифровом, энергетическом и транспортном секторах, а также по укреплению систем здравоохранения, образования и проведению исследований по всему миру при особом внимании на европейские ценности [3]. Общий бюджет инициативы — 300 млрд евро на шесть лет. Существует скептическое мнение по поводу реализации этого проекта в мире и ЦА в частности, но направление действия заставляет обратить на него внимание. Авторы доклада для клуба «Валдай» отмечают, что «инициатива формулировалась в 2021 году, сейчас же, в условиях энергетического кризиса в Европе и при росте инфляции, часть суммы может быть направлена на решение внутриевропейских проблем» [25].

А. Кадомцев отмечает, что «Евросоюз стал откровенно усиливать давление на лидеров центрально-азиатских государств с целью добиться от них прямого осуждения действий России на Украине. В арсенале ЕС, прежде всего, финансовые и торговые преференции, которые он готов предлагать государствам ЦА в обмен на снижение взаимодействия с Россией» [6].

За 2022—2023 годы число визитов представителей ЕС в страны Центральной Азии увеличилось, что может свидетельствовать о возрастании значимости региона для Брюсселя самого по себе и желании «оторвать» ЦА от тесного сотрудничества с Москвой и Пекином.

Активность ЕС вписывается также в его давние амбиции по созданию подлинно европейской геополитической державы, способной конкурировать с другими крупными евразийскими центрами. Это сигнализирует о сдвиге в мышлении блока от рассмотрения Центральной Азии через призму его европейской политики соседства к более геополитическому и, следовательно, прагматичному подходу. Прагматизм ЕС предполагает зарабатывание денег и открытие источников природных ресурсов для промышленности, а также диверсификацию поставщиков энер-

гии теперь, когда российские поставки оказались ненадежными. Азербайджан, безусловно, важен, но Туркменистан, один из самых богатых по запасам газа, имеет еще большее значение. Активное участие ЕС может возобновить переговоры по давно зашедшему в тупик Транскаспийскому газопроводу. Это происходит на фоне визитов официальных лиц ЕС в Грузию и Азербайджан и усилий по содействию расширению Среднего коридора, лучшей географической альтернативы маршруту через Россию [27].

Заключение

Таким образом, Европейский союз является значимым партнером стран Центральной Азии. Сами республики дорожат сотрудничеством с ЕС и с его странами-членами в отдельности. Они являются одним из векторов многосторонней дипломатии, альтернативой влияния России и Китая в ЦА. Однако ЕС не готов брать на себя ответственность за возможные кризисные ситуации в регионе и прилагать усилия к их устранению. Примером этому могут быть события в Казахстане в январе 2022 года и в Узбекистане в июле 2022 года. Причинами тому служат недостаточная осведомленность о внутрирегиональных делах и игнорирование местного контекста [28].

На протяжении взаимодействия сторон цели и задачи, а также возможности ЕС в Центральной Азии претерпели ряд изменений, что нашло отражение как в регламентирующих документах, так и в реализуемых проектах. В настоящее время мы наблюдаем новый этап в политике Брюсселя в ЦА. Если в Стратегии 2019 года говорилось пусть не о сотрудничестве с Россией и Китаем в регионе, но о бесконфликтном сосуществовании, то сейчас ограничение влияния Москвы и Пекина становится одной из главных целей внешнеполитического курса. Из-за географической отдаленности и неприоритетности центральноазиатского вектора влияние Европейского союза в Центральной Азии остается невысоким. Делая акцент на финансовые механизмы, инвестиции и социальные проекты, ЕС не оставляет без внимания транспортно-логистические и энергетические проекты.

Стоит сказать и о самих республиках Центральной Азии. В сложившейся непростой для них обстановке они вынуждены балансировать между враждующими центрами силы. Сейчас для них

главная задача — не быть вовлеченными в этот конфликт. Боясь попасть под вторичные санкции, страны региона стараются использовать все возможности дипломатической гибкости при общении с зарубежными партнерами. Вместе с этим не ослабевает интерес к расширению сотрудничества с Европейским союзом в логике уравнивания влияния России и Китая в регионе.

В свою очередь, ЕС принял решение на углубление сотрудничества со странами Центральной Азии, несмотря на их отказ осудить действия России в отношении Украины. Стоит ожидать, что Брюссель в ближайшей перспективе продолжит предлагать альтернативные экономические и логистические проекты республикам ЦА, подогревая антиколониальный дискурс в обществе.

Литература

1. Джуряев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии. К успешной реализации новой стратегии. – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf> (дата обращения: 08.10.2023).
2. Диалог по обновленной Стратегии ЕС в Центральной Азии // Deutsche Allgemeine Zeitung. 13.07.2018. – URL: <https://daz.asia/ru/dialog-po-obnovlennoj-strategii-es-v-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 08.10.2023).
3. Еремينا Н. Евросоюз пытается запустить альтернативу китайскому «Поясу и пути» // Евразия Эксперт. 12.01.2022. – URL: <https://eurasia.expert/evrosoyuz-pytaetsya-zapustit-alternativu-royasu-i-puti/> (дата обращения: 08.10.2023).
4. ЕС намерен помочь облегчить зависимость Центральной Азии от России // Газета.uz. 19.12.2022. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/12/19/eu/> (дата обращения: 08.10.2023).
5. Интересы великих держав в Центральной Азии. Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел / под ред. Р. Легволда. – Кембридж (МА): МИТ-Пресс, 2003. – С. 169–197.
6. Кадомцев А. Новые планы ЕС в Центральной Азии // Международная жизнь. 30.11.2022. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/38034> (дата обращения: 08.10.2023).
7. Каштыкова Э., Жатко М., Баринкова Н. Текущее состояние и перспективы внешней торговли между ЕС и Центральной Азией в период геоэкономических изменений // Вестник международных организаций. – Т. 16. – 2021. – № 1. – URL: <https://www.hse.ru/mag/vmo/2021-16-1/459408404.html> (дата обращения: 08.10.2023).
8. Менкедович Н. Новая стратегия ЕС в Центральной Азии / Российский совет по международным делам. 24.01.2020. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/novaya-strategiya-es-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 08.10.2023).
9. Носов М.Г. ЕС и Центральная Азия // Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под ред. А.А. Громько, М.Г. Носова; Ин-т Европы Рос. акад. наук. – М., 2015. – 588 с.
10. Официальное начало 10-й фазы Программы Европейского Союза по управлению границами // The European External Action Service. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/официальное-начало-10-й-фазы-программы-европейского-союза-по-управлению-границами_ru (дата обращения: 08.10.2023).
11. Пармонов В.В., Строков А.В., Абдуганиева З.А. Влияние Европейского Союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз // Центральная Евразия. – URL: <http://www.ceasia.ru/bk/708-euimpact.html> (дата обращения: 08.10.2023).

12. *Парамонов В., Строков А.* Внешняя политика Европейского Союза в Центральной Азии: общие направления, основные «проекты» и этапы // ИАЦ МГУ. 15.06.2011. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/vneshnyaya-politika-evropeyskogo-soyuzav-tsentralnoy-azii-obshchie-napravleniya-osnovnye-proekty-i-/> (дата обращения: 08.10.2023).
13. *Петерсен А.* Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / А. Петерсен при участии Катинки Барыш; Центр европейских реформ, Моск. центр Карнеги. – М., 2012. – 90 с.
14. *ПитерБуриан:* ЕС не хочет участвовать в геополитических играх в Центральной Азии // KUN.UZ. 05.06.2018. – URL: <https://kun.uz/ru/83941251?q=%2Fru%2F83941251> (дата обращения: 08.10.2023).
15. «Поддерживаем право стран Центральной Азии иметь свободу в выборе партнеров»: Жозеп Боррель // Газета.uz. 18.11.2022. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/11/18/connectivity/> (дата обращения: 08.10.2023).
16. Послесловие к Конференции по взаимосвязанности «Европейский союз – Центральная Азия» // Ритм Евразии. 20.11.2022. – URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2022-11-20--posleslovie-k-konferencii-po-vzaimosvjazannosti-evropejskij-sojuz-centralnaja-azija-63142> (дата обращения: 08.10.2023).
17. *Прохоренко И.Л.* Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы «мягкой силы» // Анализ и прогноз. – 2019. – № 4. – С. 68–80.
18. *Рустамова Л.Р.* Гуманитарная деятельность ЕС в центральноазиатских странах постсоветского пространства: вызовы и возможности для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – Т. 18. – 2018. – № 2. – С. 304–314.
19. Совместное заявление для прессы Глав государств Центральной Азии и Президента Европейского Совета // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 27.10.2022. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/sovместnoe-zayavlenie-dlya-pressy-glav-gosudarstv-centralnoy-azii-i-prezidenta-evropeyskogo-soveta-279233> (дата обращения: 08.10.2023).
20. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии на 2007–2013 гг.: предварительные итоги: монография / под общ. ред. А.Е. Чеботарева; Центр актуальных исследований «Альтернатива», Центр германских исследований КазНУ им. аль-Фараби, Фонд им. Фридриха Эберта в Казахстане. – Алматы, 2013. – 184 с.
21. *Строков А., Парамонов В.* К оценке перспектив энергетической политики Евро-союза в Центральной Азии: основные сценарии и рекомендации // ИАЦ МГУ. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/k-otsenke-perspektiv-energeticheskoy-politiki-evrosoyuza-v-tsentralnoy-azii-osnovnye-stsenarii-i-rek/#> (дата обращения: 08.10.2023).
22. УНП ООН и государства Центральной Азии обсудили ход реализации Программы для государств Центральной Азии на 2015–2019 годы и планы на будущее // UNODC. 16.05.2019. – URL: <https://www.unodc.org/centralasia/en/news/unodc-and-the-central-asian-states-discussed-the-progress-of-the-programme-for-central-asia-2015-2019-and-future-plans-ru.html> (дата обращения: 08.10.2023).
23. *Чеботарев А.Е.* Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии: новые контуры и возможные перспективы: аналитический доклад. – Астана, 2016. – 60 с.
24. *Чеботарев А.* Текущие тренды в рамках отношений Европейского Союза и стран Центральной Азии // Turan press. – URL: <https://turanspress.kz/politika-i-vlast/5485-tekuschie-trendy-v-ramkah-otnoshenii-evropeiskogo-soyuzav-stran-centralnoi-az.html> (дата обращения: 08.10.2023).
25. *Чижова Д.Ю.* Центральная Азия и украинский кризис / Международный дискуссионный клуб «Валдай». – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/43693/> (дата обращения: 08.10.2023).
26. *Шайзада Т.* Программа ERASMUS+ в Центральной Азии: региональный контекст. – URL: https://enic-kazakhstan.edu.kz/files/1625321072/erasmus-program-in-central-asia_regional-context---shazada-t-u.pdf (дата обращения: 08.10.2023).
27. *Avdaliani E.* The EU Returns to Central Asia // Modern diplomacy. – URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/12/10/the-eu-returns-to-central-asia/> (accessed: 08.10.2023).
28. *Radjabov B.* How the EU can secure its position in Central Asia // International Politics and Society. – URL: <https://www.ips-journal.eu/topics/foreign-and-security-policy/how-the-eu-can-secure-its-position-in-central-asia-6502/> (accessed: 08.10.2023).
29. *Spaiser O.* The European Union's influence in Central Asia: geopolitical challenges and responses. – Lanham: Lexington Books, 2018. – URL: <https://www.coleurope.eu/european-unions-influence-central-asia> (accessed: 08.10.2023).
30. The European Union and Central Asia: Strategy for a New Partnership, 10113/07 / Council of the EU. – Brussels, 2007. – URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10113-2007-INIT/en/pdf> (accessed: 08.10.2023).
31. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership / European Commission. – 15 May 2019. – URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 08.10.2023).

Ломакин Артем Сергеевич,

соискатель,

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва.

Artem S. Lomakin,

applicant (Political Sciences),

Lomonosov Moscow State University, Moscow.

E-mail: lomakinartemmsu@mail.ru

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

MILITARY ISSUES OF GERMANY'S POLICY IN THE CONTEXT OF THE EUROPEAN SECURITY CRISIS

Аннотация: изучение военной политики Германии представляет собой приоритетное направление для отечественного академико-политологического сообщества и затрагивает вопросы всеобъемлющей трансформации международного порядка, баланса сил, а также эскалации кризиса европейской безопасности, непосредственной участницей которого является ФРГ. Важность подобных исследований приобретает особую значимость в контексте формирующейся новой военно-политической реальности в Европе. Для изучения общей расстановки политико-военных сил в Европейском регионе необходимо подробное изучение реконфигурации расходов на военные нужды, военного производства, планирования и военно-технической кооперации стран — членов НАТО. Данные исследования позволяют спрогнозировать перспективный облик военного строительства стран коллективного Запада и определить вектор их развития на средне- и долгосрочную перспективу. В связи с этим анализ состояния военно-промышленных связей и кооперации ФРГ представляет собой особый интерес. Германия как один из экономических и политических лидеров Европы взяла курс на наращивание кооперации с НАТО и ЕС, а также с Украиной. Главной задачей данной статьи является изучение изменений, которые оказали воздействие на германский оборонно-промышленный комплекс и характер военно-технической кооперации после начала СВО. Методами данного исследования являются ивент-анализ, сравнительный анализ и контент-анализ. Исследование военной политики ФРГ в условиях активной эскалации кризиса европейской безопасности показало высокую заинтересованность официального Берлина в реализации поставленных задач в сфере безопасности и обороны перед НАТО и ЕС. Германия продолжает вносить существенный вклад в реализацию экспорта вооружений и военной техники, а также сохраняет высокий уровень расходов на бундесвер. Кроме того, увеличивается качественный и количественный рост поставок вооружений на Украину.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, ФРГ, НАТО, ЕС, военное строительство, кризис европейской безопасности.

Abstract: studying Germany's military policy is the priority issue for Russia's domestic academic-political community and touches upon the issues of comprehensive transformation of the international order, the balance of power, as well as the escalation of the European security

crisis, of which the FRG is a direct participant. The importance of such studies becomes especially significant in the context of the emerging military-political reality in Europe. A detailed study of the reconfiguration of military expenditures, military production, and military-technical cooperation of NATO member states is necessary to examine the overall balance of political and military forces in the European region. These studies make it possible to forecast the future shape of military construction in the countries of the collective West and determine the vector of their medium- and long-term development. In this regard, the analysis of the state of military-industrial ties and cooperation of the Federal Republic of Germany is of particular interest. One of the economic and political leaders of Europe, Germany has taken a course to increase its cooperation with NATO and the EU, as well as with Ukraine. The main objective of this paper is to examine the changes that have affected the German defense industry and the nature of military-technical cooperation since the beginning of the SMO. The methods of this study are event analysis, comparative analysis and content analysis. The study of Germany's military policy in the context of an active escalation of the European security crisis has shown a high interest of official Berlin in the implementation of the security and defence tasks set before NATO and the EU. Germany continues to make a significant contribution to the realization of the export of military hardware, as well as maintains a high level of spending on the Bundeswehr. In addition, the qualitative and quantitative growth of arms deliveries to Ukraine is increasing.

Key words: military-industrial complex, FRG, NATO, EU, military buildup, European security crisis.

Введение

Стремительные изменения в архитектуре европейской безопасности последнего времени демонстрируют тенденцию роста напряженности между коллективным Западом и Российской Федерацией. Анализ процессов, которые происходят в военном строительстве стран Организации Североатлантического договора, и особенно в Федеративной Республике Германия, является важным аспектом при формировании отечественных подходов по вопросам обеспечения национальной безопасности. Кризис контроля над конвенциональными вооружениями, ведение вооруженного конфликта высокой интенсивности и рост вероятности применения ядерного оружия — все эти факторы оказывают дестабилизирующее воздействие на систему международных отношений, что влечет за собой трансформацию глобального мирового порядка. Изменения этого порядка еще только предстоит осознать и систематизировать, однако уже сейчас можно выделить общие тенденции развития силовых компонентов на уровне оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Важным аспектом в исследованиях стран НАТО является реализация военно-политического курса альянса по отношению к силам передового развертывания¹ в Восточной Европе, в которых Германия принимает самое активное участие [6, с. 101]. В нынешних ус-

¹ Forward Presence Force (FPF).

ловиях германское военно-политическое руководство стремится сохранить лидерские позиции в НАТО и Европейском союзе, а также гарантировать безопасность своим союзникам в случае эскалации конфликта с Российской Федерацией.

Теоретико-методологической базой данного исследования служит теория строительства вооруженных сил, которая является аполитичной и позволяет объективно проанализировать, какие задачи ставит перед собой руководство Германии. Сегодня официальный Берлин уделяет значительное внимание модернизации национальных вооруженных сил, прежде всего для нужд НАТО в восточной зоне ответственности [1, с. 211].

В самое последнее время НАТО готовится к расширению своего количественного и качественного присутствия в Восточной Европе, исходя из соображений собственной безопасности [39]. Именно на этом фоне была обнародована информация о размещении укрупненной группировки бундесвера в размере до 4 тыс. солдат и офицеров в Литве (рамочное государство — ФРГ) [25]. Другим не менее важным аспектом является решимость Берлина в сфере строительства предприятий ОПК в странах Восточной Европы [41] и на Украине [47]. В условиях роста напряженности германские военнослужащие всё активнее привлекаются к военной деятельности за пределами национальных границ на долгосрочной основе [32].

Ключевыми вопросами данного исследования является определение текущего вектора развития военной политики Германии в условиях кризиса европейской безопасности. Важным с точки зрения эволюции военной политики Берлина является анализ решений ежегодного саммита НАТО, который прошел в июле 2023 года в столице Литвы Вильнюсе. Особое место в исследовании занимает попытка определения степени вовлеченности Германии в вооруженный конфликт на Украине путем анализа качественных и количественных показателей.

Военная политика ФРГ в условиях конфликта на Украине

На фоне эскалации украинского конфликта заявление федерального канцлера ФРГ О. Шольца относительно неприемлемости его замораживания указывает на готовность германского политического руководства [37] поддерживать коллективную

позицию Запада по вопросам сдерживания и противодействия Российской Федерации [21]. Важно обозначить и тот факт, что военная политика ФРГ относительно событий на Украине в значительной степени отличается от политики США, Великобритании и Франции. Так, Берлин не выступает инициатором поставок более тяжелых вооружений и военной техники (ВиВТ), которые могут расширить географию конфликта. Кроме того, сегодня ФРГ придерживается выжидательной позиции, опираясь на достижения непосредственных сторон конфликта в ходе боевых действий, и уже на основе получаемых данных формирует новые пакеты военных поставок Украине.

К моменту начала специальной военной операции (СВО) Германия уже вела активные реформы, призванные модернизировать и оптимизировать национальные вооруженные силы (бундесвер). Инициированные еще в 2011 году, запланированные до 2030 года, военные реформы были рассчитаны на значительную оптимизацию строительства вооруженных сил (ВС), а также на создание новых принципов комплектования подразделений на основе мобильности и внедрения новейших систем ведения боевых действий, коммуникации и разведки [3, с. 70]. Уровень интенсивности и масштаб боевых действий на Украине спровоцировал изменения в развитии национального военного строительства и военно-технической кооперации [9, с. 72], что, безусловно, нашло свое отражение и в модернизации германских ВС [4, с. 23]. В связи с этим представляется, что нынешняя структура развития совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также потоков импорта и экспорта ВиВТ в краткосрочной перспективе может претерпеть значительные изменения. Подобными изменениями могут выступать увеличение участия ФРГ в разработке и создании новейших систем вооружений, а также увеличение экспорта ВиВТ не только в страны Европы, но в другие регионы мира [36, с. 8]. Однако даже в условиях перемен официальный Берлин традиционно продолжает вносить существенный вклад в поддержание ЕС и НАТО (табл. 1).

Таблица 1

Вклад ведущих европейских государств в ЕС и в НАТО*

№	Государство	Вклад в ЕС (в %)	Вклад в ЕС (в евро)	Вклад в НАТО (в %)	Вклад в национальную оборону (в долл.)
1	ФРГ	24	4 трлн	16	63.3 млрд
2	Франция	17	2,8 трлн	10,3	57.1 млрд
3	Италия	12	2 трлн	8,7	32.7 млрд
4	Испания	8	1,4 трлн	5,9	14.6 млрд
5	Нидерланды	6	991 млрд	3,4	14.7 млрд
6	Польша	4	716 млрд	2,9	15.4 млрд
7	Швеция	4	604 млрд	—**	—**
8	Бельгия	4	590 млрд	2,08 %	6.4 млрд
9	Австрия	3	468 млрд	—	—
10	Дания	2	387 млрд	1,3 %	5.6 млрд

Примечания: * данные по состоянию на 01.01.2023;

** по состоянию на август 2023 года Швеция не состоит в НАТО.

Составлено по: [31].

Рассуждая о нынешних позициях ФРГ в военно-политической сфере, прежде всего следует обратить внимание на положение ВС ФРГ в международных рейтингах военной мощи. Согласно данным рейтинга глобальной огневой мощи (Global Firepower, GFP), ФРГ занимает 25-е место среди ведущих стран [17], а по показателям военных расходов (табл. 2) [49] — 7-е место, согласно рейтингу SIPRI за 2022 год. В связи с этим важно оценить нынешнюю роль германского военно-технического сотрудничества с союзниками, партнерами и заказчиками германских ВиВТ. На фоне рекордного для германской военной промышленности пакета поставок ВиВТ на Украину (2,7 млрд евро) [28] при общем объеме поставок военной помощи в 5,4 млрд евро на 2023 год (после 2 млрд евро в 2022 г.), а также ассигнований на последующие годы в размере около 10,5 млрд евро [34] ФРГ взяла на себя обязательства по подготовке солдат и офицеров Вооруженных сил Украины (ВСУ) на военных базах по всей стране [53].

Таблица 2

Государства-лидеры в области расходов на военные нужды за 2022 год

Место в мире	Государство	Объем расходов (в млрд долл.)
1	США	877
2	КНР	282
3	РФ	86,4
4	Индия	81,4
5	Королевство Саудовская Аравия	75
6	Великобритания	68,5
7	ФРГ	55,8
8	Франция	53,6
9	Республика Корея	46,4
10	Япония	46

Составлено по: SIPRI Military Expenditure Database, апрель 2023 г. [51].

Сегодня Германия стремится выполнить и свои обязательства перед заказчиками вооружений. В связи с этим важно обозначить место Германии среди стран-лидеров по экспорту ВиВТ. Согласно данным отчетов федерального правительства [10] и исследований SIPRI [59, с. 2], в период с 2018 по 2022 год ФРГ заняла 5-е место в мире по объемам поставок ВиВТ (табл. 3). При этом ФРГ сохраняет активное присутствие в вопросах совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ с союзниками и партнерами [58]. К примеру, в начале мая 2023 года Великобритания и ФРГ подписали договор о сотрудничестве в области разработки перспективного боеприпаса для 120 мм орудий «Леопард 2 А» и «Челленджер» [55].

Таблица 3

Ведущие государства — экспортеры вооружений и военной техники за 2018—2022 годы

Место в мире	Государство	Доля государства в мировом экспорте ВиВТ (%)
1	США	40
2	РФ	16
3	Франция	11
4	КНР	5,2
5	ФРГ	4,2

Составлено по: [59, с. 2].

Таким образом, опираясь на упомянутые выше показатели инвестиций в НАТО и ЕС в целях обеспечения оборонного коалиционного и национального потенциалов, а также активного участия в поставках ВиВТ не только в рамках экспортных поставок, но и поставок на Украину, Германия преследует цель обеспечить себе положение надежного поставщика вооружений, а также демонстрирует гибкость и повышенную готовность поддерживать своих партнеров и союзников. Так, ФРГ обеспечила дополнительную оперативную поставку 300 разведывательных дронов Vector, а также двух систем ПРО IRIS-T SLM [32] на нужды ВСУ [56]. Данный пример точечных поставок на нужды украинской армии, которая испытывает острую нехватку подобного типа вооружений, демонстрирует высокую степень реагирования на точечные запросы официального Киева в условиях ограниченных объемов данных поставок [33, с. 3].

Уникальным с точки зрения сложившейся военно-политической реальности в Европе и актуальным для исследований является достигнутое соглашение между германской компанией ОПК «Rheinmetall» и «Укроборонпром» о создании совместного военно-промышленного предприятия по ремонту и сборке германской техники. Согласно соглашению [38; 43] Германия берет на себя обязательство обеспечить работы по восстановлению военной техники и вооружений, переданных Берлином Киеву с момента начала поставок. Вторым направлением совместно-

го оборонного предприятия является выпуск военной продукции на нужды ВСУ. Идентичный центр находится на этапе строительства в румынском г. Сату-Маре [7].

Примечательно, что о первых потерях ВСУ с применением германских тяжелых систем вооружений высказались именно представители германского ОПК. Так, 10 июня 2023 года директор крупнейшего оборонного концерна «Rheinmetall» А. Паппергер сообщил о том, что ВСУ понесли первые потери танка Leopard 2 A4 [46]. Только после этого с официальным заявлением выступили представители Министерства обороны. Подобная очередность заявлений не является случайной. Данный пример в очередной раз доказывает всё большую вовлеченность германского ОПК в военно-политическую повестку дня [11, с. 5]. Кроме того, А. Паппергер ответил на вопрос о возможных последствиях по уничтожению строящегося германского оборонного предприятия на территории западной Украины со стороны Российской Федерации. В случае воздушной угрозы предприятие ОПК будет дополнительно защищено системами противовоздушной обороны (ПВО) производства Rheinmetall [48; 50]. Помимо этого генеральный директор Rheinmetall заявил о том, что обучение украинского технического персонала для работы на новом оборонном предприятии по ремонту танков Leopard может начаться уже к концу августа 2023 года [45].

Столь высокое внимание к проблемам украинского оборонного комплекса было детально рассмотрено контактной группой по обороне Украины, которая способствовала максимально быстрому решению вопросов скоординированных поставок ВиВТ на нужды ВСУ.

Кроме того, в условиях нынешней военной обстановки в Европе обозначилась тенденция несоответствия поставляемых ВиВТ в армии стран Европы с темпами обновления национальных вооруженных сил. Поставки вооружений на Украину в определенной степени стали отягощением для европейских стран-поставщиков, что, в свою очередь, спровоцировало общую нехватку боевых систем, особенно высокоточных систем.

В связи с этим важность наращивания германского сотрудничества с союзниками по НАТО и «новых игроков» сохраняется на высоком уровне [27]. На фоне покупки ПРО Финляндией, всту-

пившей в НАТО, складывается картина, согласно которой страны Северной Европы взяли курс на наращивание сил для сдерживания России в Балтийском море. Кроме того, политическое руководство Финляндии и других 16 европейских государств присоединились к проекту системы противовоздушной обороны под эгидой ФРГ [57, с. 3], в рамках которой предполагается наращивать коллективную оборону европейских государств за счет таких систем ПВО, как германская IRIS-T SLM, американская Patriot и израильская IAI Arrow [19]. Подобные действия ФРГ вызвали определенную озабоченность у Франции, которая, в свою очередь, уже 19 июня в рамках европейской конференции по ПРО предложила вариант коллективной обороны, альтернативный германскому, однако министр обороны ФРГ Б. Писториус отказался от участия в данной конференции [4, с. 23] из-за подготовки к деловой поездке в США [54].

Контактная группа по обороне Украины: признание проблем
 Контактная группа по обороне Украины (Ukraine Defense Contact Group), получившая неофициальное название «формат Рамштайн» (по месту проведения первой встречи стран — членов данной контактной группы (военная база ФРГ)), представляет собой переговорный формат по налаживанию поставок военной помощи. По результатам встреч принимались решения о номенклатуре и объемах поставок ВиВТ на Украину (табл. 4).

Таблица 4

Встречи контактной группы по обороне Украины

№	Дата встречи	Формат/место проведения	Основные результаты встречи
1	26 апреля 2022 г.	Авиабаза Рамштайн	<ul style="list-style-type: none"> Создание коалиции по поставкам ВиВТ на Украину; начало первых поставок ВиВТ из Германии (50 шт. зенитных самоходных установок (ЗСУ) Gepard), Канады, Франции, Великобритании
2	23 мая 2022 г.	Онлайн	<ul style="list-style-type: none"> Присоединение к коалиции Австрии, Боснии и Герцеговины, Ирландии, Колумбии и Косово; создание единого пакета поставок ВиВТ из более чем 20 государств

Окончание таблицы 4

3	15 июня 2022 г.	Штаб-квартира НАТО	<ul style="list-style-type: none"> Присоединение к коалиции Грузии и Молдавии; согласование пакета поставок артиллерии и снарядов (США и ФРГ обязались поставить системы MLRS)
4	20 июля 2022 г.	Онлайн	<ul style="list-style-type: none"> Обсуждение и формирование поставок ВиВТ ракетно-морского назначения
5	8 сентября 2022 г.	Авиабаза Рамштайн	<ul style="list-style-type: none"> Принятие пакета «зимней» нелетальной помощи для ВСУ; ФРГ и Дания взяли на себя обязательство направить финансовую помощь по обучению солдат-саперов ВСУ
6	12 октября 2022 г.	Штаб-квартира НАТО	<ul style="list-style-type: none"> Принятие пакета поставок ПВО, одобрение поставки систем NASAMS (США), установки Crotale (Франция), 16 шт. CAU Zuzana, а также артиллеристских систем PzH 2000 и РСЗО MARS II (ФРГ); отправка новой партии боеприпасов
7	16 ноября 2022 г.	Онлайн	<ul style="list-style-type: none"> Обозначены поставки MIM-23 Hawk (Испания), систем ПВО (Швеция и Польша), а также боеприпасов, зимней униформы, средств связи
8	20 января 2023 г.	Авиабаза Рамштайн	<ul style="list-style-type: none"> Страны коалиции одобрили пакет поставок бронемашин: БМП (Bradley и Stryker, колесные танки AMX-10RC), Humvee, техника для преодоления противотанковых укреплений; Великобритания первой из стран коалиции согласилась направить в Украину ОБТ Challenger 2; ряд пакетов военной помощи был засекречен
9	14 февраля 2023 г.	Штаб-квартира НАТО	<ul style="list-style-type: none"> Одобрены новые поставки боеприпасов; министр обороны Германии анонсировал контракт Rheinmetall на производство боеприпасов для отправленных в Украину ЗСУ Gepard (бундесвер прекратил эксплуатацию Gepard в 2010 г.)

Составлено по: [24; 29].

Именно формат Рамштайн продемонстрировал наличие острого «боеприпасного голода», который и стал причиной пересмотра ряда положений военного строительства стран НАТО, в том числе и ФРГ. Результатом достигнутых соглашений является заключение большого числа контрактов с оборонными предприятиями на производство и поставку боеприпасов на нужды бундесвера. Сумма контракта, который рассчитан до 2029 года, составляет 1,3 млрд евро. В свою очередь, Rheinmetall должен будет обеспечить крупную поставку артиллерийских снарядов разных калибров. Заключение контракта, по мнению представителей оборонного ведомства Германии, будет способствовать решению сразу двух задач: решению вопроса с недостатком боеприпасов в самом бундесвере, а также выполнению обязательств перед Украиной. Другим не менее важным соглашением в сфере военно-технической кооперации стало заключение 10 июля 2023 года многолетнего рамочного соглашения между Rheinmetall с министерствами обороны ФРГ и Нидерландов. Согласно тексту соглашения оборонное предприятие должно поставить до 3058 легких многоцелевых аэротранспортабельных автомобилей Caracal [42]: 2054 машины предназначены для бундесвера, а 1004 — для армии Нидерландов. С германской стороны закупка была осуществлена за счет специального фонда бундесвера.

Что касается морской компоненты ВС ФРГ, то в данной сфере также наблюдаются изменения. Судостроительная компания «Naval Vessels Lürssen» (NVL) 8 июля 2023 года подписала контракт с федеральным германским оборонным закупочным ведомством (Bundesamt für Ausrüstung, Informationstechnik und Nutzung der Bundeswehr, BAAINBw) на реализацию для германского Военно-морского флота трех новейших разведывательных кораблей проекта 424 (FDB424 — Flottendienstboote Klasse 424). Заключение данного соглашения может свидетельствовать об определении новых приоритетов военно-политического руководства страны в сфере патрулирования и разведки акватории Балтийского моря в условиях роста противостояния с Российской Федерацией.

Однако решению проблемы снабжения ВиВТ и налаживанию кооперации в условиях военного конфликта на Украине способ-

ствовали в том числе решения очередного саммита альянса в г. Вильнюсе.

Саммит НАТО в Вильнюсе: позиция ФРГ

Еще до начала саммита НАТО в германском истеблишменте выработалась позиция по поводу членства Украины в НАТО. Официальный Берлин выступил за перенос вопроса о возможном членстве Украины в альянсе на неопределенный срок [18]. Кроме того, уже на этапе согласования итогового заявления саммита Германия совместно с США отказалась от определенных положений, которые затрагивали проблему членства Украины в НАТО [20]. С одной стороны, снятие данного вопроса с повестки в значительной степени позволило не допустить эскалации конфликта, а с другой — решение этого вопроса было отложено на неопределенный срок.

В день открытия саммита, 11 июля 2023 года, глава Минобороны ФРГ подтвердил, что Германия не будет поставлять крылатые ракеты Taurus Киеву [40]. Подобный шаг официального Берлина может объясняться тем, что Германия не желает выступать в качестве «застрельщика» в вопросе поставок данных ракет, дожидаясь аналогичного решения от США по поставкам ВСУ ракет класса «земля — земля» ATACMS.

На фоне споров о целесообразности передачи «F-16» и готовности украинских военных летчиков приступить к учениям [16] возможная передача ракет Taurus способствовала бы дальнейшей эскалации конфликта. Примечательно, что германское военно-политическое руководство отказалось от участия в так называемой истребительной коалиции, инициированной украинским президентом В.А. Зеленским [15]. Вместе с тем на полях саммита НАТО О. Шольц заявил, что федеральное правительство направит Украине партию ВиВТ стоимостью почти 700 млн евро [30].

С новым, «летним», пакетом военной помощи ВСУ получают еще 40 боевых машин пехоты Marder, 25 танков Leopard 1A5, пять ремонтно-эвакуационных машин и две системы ПВО Patriot, а также 20 тыс. артиллерийских боеприпасов [35]. ФРГ стала одной из первых стран Запада, направившей Украине ПВО Patriot еще весной 2023 года. Факт передачи данных систем спровоцировал

активные дебаты в германском обществе. Противники данных поставок указывали на сокращение систем ПВО, которые были рассчитаны на защиту германского воздушного пространства, но вместо этого были направлены в качестве военных поставок Украине. Сторонники поставок указывали на первоочередную потребность помочь Украине, несмотря на проблему недостаточной защищенности страны. Согласно мнению подполковника бундесвера М. Кёнига, с передачей трех систем Patriot ФРГ в значительной степени снижает собственную готовность сил противовоздушной обороны [60].

Согласно итоговому заявлению июльского саммита стран — членов НАТО был одобрен план коллективной обороны [12], принятый на случай военной агрессии со стороны Российской Федерации.

Данный план включает в себя следующие положения.

1. Размещение 300 тыс. солдат и офицеров в высокой степени готовности.
2. Главнокомандующий объединенными силами НАТО в Европе в случае возникновения угрозы военного столкновения сможет принимать ряд решений без дополнительных консультаций с политическим руководством альянса.
3. Германия берет на себя обязательства по дополнительной защите Литвы, Великобритания — Эстонии, а Канада — Латвии.
4. Усиление защиты критически важной инфраструктуры (трубопроводов и других объектов инфраструктуры).
5. Укрепление подразделений с приданными тяжелыми вооружениями (ПВО и наращивание запасов дальнобойных ракет и артиллерийских снарядов).
6. Подтверждение приверженности к повышению расходов на оборону до уровня в минимум 2% от своего внутреннего валового продукта.

Кроме того, предусматривается важная роль Германии в оборонных планах НАТО: страна должна стать важнейшим логистическим узлом для подразделений альянса, обсуждается также возможность открытия второго штаба сухопутных сил НАТО в немецком городе Висбадене [13].

В самое последнее время были анонсированы совместные учения НАТО в Балтийском море [14]: подобные учения являются логическим продолжением политики сдерживания Российской Федерации, а также продолжением не менее масштабных учений в том же регионе, которые прошли ранее, в июне (Baltops 23) [8] и в июле (Air Defender) [23] того же года. Примечательно, что командным центром учений выступит подготовленная для подобных нужд инфраструктура НАТО в германском портовом городе Киле. Столь повышенная активность стран — членов НАТО в регионе демонстрирует желание оказать не только военно-политическое, но и психологическое давление на военно-политическое руководство Российской Федерации. Перспектива по наращиванию американского военного присутствия в ответ на возможную угрозу со стороны Российской Федерации может привести к увеличению численности сил США (рис. 1).

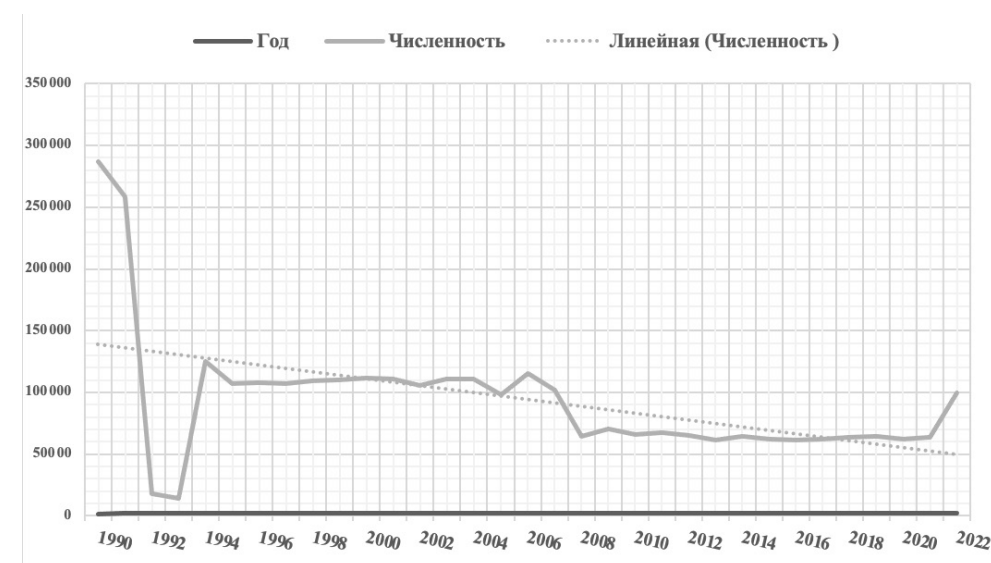

Рис. 1. Изменение численности военного контингента США в Европе (1990—2022)

Важным с точки зрения налаживания кооперации ФРГ с США стало открытие в начале августа 2023 года предприятия ОПК Rheinmetall по производству деталей фюзеляжа истребителей-бомбардировщиков F-35 [44]. Площадь предприятия составляет 60 тыс. м², а производственные мощности рассчита-

ны на достижение показателя производства в 400 самолетов к 2026 году, при этом остальные детали для самолета будут поставлены Northrop Grumman и Lockheed Martin.

Кроме того, еще одним доказательством укрепления взаимодействия ФРГ с союзниками по НАТО в ответ на боевые действия является упрочение ориентации Берлина на закупки ВиВТ из США. Германия совместно со Швецией достигли соглашения по покупке 1219 американских ракет класса «воздух — воздух» AIM-120C-8 на сумму 3,5 млрд долл. [22]; в случае если покупка состоится, то Германия получит 969 ракет подобного класса и сопутствующее оборудование на сумму 2,9 млрд долл. Швеции же поставят до 250 снарядов на сумму 605 млн долл. Средства от немецкой стороны будут выделены из специального фонда бундесвера. По мнению представителей американской администрации, подобный шаг способствует укреплению безопасности и США, и стран-партнеров в Европе в нынешних условиях. Помимо закупок ракет «воздух — воздух», ФРГ приняла решение закупить американские истребители F-35 на сумму более 10 млрд евро [26]. Подобные закупки ВиВТ указывают на ориентированность на сохранение тесных союзнических отношений с США, несмотря на то что в первую очередь средства специального фонда на поддержку бундесвера будут выделяться на модернизацию армии собственными силами.

Заключение

По результатам данного исследования можно сделать вывод, что позиция Германии по вопросам военной кооперации со странами — союзниками по НАТО и с Украиной представляет собой сегодня серьезный комплекс вопросов, без решения которых сложно обеспечить общую реализацию курса коллективного Запада по сохранению трансатлантических ценностей в условиях активной трансформации мирового порядка [5, с. 110]. Исследование политико-военного взаимодействия ФРГ с союзниками и партнерами показывает высокую заинтересованность официального Берлина в реализации поставленных задач в сфере безопасности и обороны.

Германия продолжает вносить существенный вклад в реализацию экспорта ВиВТ, а также сохраняет высокий уровень рас-

ходов на нужды обороны НАТО и ЕС. Кроме того, увеличивается качественный и количественный рост поставок вооружений на Украину. В части поставок тех видов вооружений (ракеты «Taigus»), которые имеют критическое значение для боевых действий, официальный Берлин ориентирован на принятие аналогичного решения в Вашингтоне и не выступает инициатором передачи данных типов ВиВТ.

Военная политика ФРГ сосредоточена вокруг вооруженного конфликта на Украине, что в значительной степени подтверждается усилиями политического руководства страны по адаптации национальной военной политики к условиям новой действительности и обострению кризиса европейской безопасности: налаживается военное взаимодействие со странами Прибалтики, особенно Латвией, и странами Скандинавии. Ведутся консультации с США по вопросам размещения американских военнослужащих на территории Германии. Вместе с тем ФРГ продолжает сохранять систематический подход в поставках ВиВТ на Украину, наращивая их качественный и количественный объем. Работа по оказанию всесторонней военной помощи реализуется через контактную группу по Украине, которая также имеет системный характер.

Взаимная высылка дипломатов и сокращение дипломатического присутствия между Российской Федерацией и ФРГ в значительной степени накладывает негативный отпечаток на двусторонние отношения двух государств и увеличивает дистанцирование Москвы и Берлина. С изданием первой в истории Германии Стратегии национальной безопасности 14 июня 2023 года, в которой Российская Федерация обозначена как главная угроза национальной безопасности ФРГ, создается еще большая напряженность и угроза окончательного замораживания двусторонних отношений. Согласно основным положениям Стратегии роль Германии как лидера ЕС и европейской группировки НАТО должна сохраняться в условиях кризиса европейской безопасности, который обозначен как главная угроза национальной безопасности ФРГ [39]. Позиция российского политического руководства по отношению к Стратегии национальной безопасности Германии была озвучена министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым [2]. Согласно заявлению министра, внутривнутриполитическая обстановка страны и отсутствие консенсуса по широ-

кому спектру вопросов внутри правящей коалиции ФРГ стали причиной, из-за которой политическая элита не может следовать интересам германского народа.

Литература

1. *Квашнин А. В., Останков В. И.* Успешное решение проблем строительства Вооруженных Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности//Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: сб. науч. ст./ред. Ю. Н. Балевский. – М., 2004. – С. 210–226.
2. Лавров прокомментировал решение Германии признать Россию главной угрозой//ria.ru. – URL: <https://ria.ru/20230618/germaniya-1878987457.html> (дата обращения: 29.07.2023).
3. *Ломакин А. С.* Всеобъемлющая концепция модернизации Бундесвера//Мировая экономика и международные отношения. – Т. 67. – 2023. – № 5. – С. 69–79. – URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-5-69-79>.
4. Стефанович Д. В., Ермаков А. С. Разворот через сплошную//Россия в глобальной политике. – Т. 21. – 2023. – № 3. – С. 22–41.
5. *Трунов Ф. О.* Фактор выборов в межгосударственных отношениях: политический диалог Германия – Польша (2013–2022)//Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 2. – С. 109–136.
6. *Трунов Ф. О.* Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г. //Россия и мир в XXI веке. – 2022. – № 4. – С. 100–122.
7. Armsmaker Rheinmetall sets up maintenance hub in Romania for Ukraine weapons//reuters.com. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/armsmaker-rheinmetall-sets-up-maintenance-hub-romania-ukraine-weapons-2023-04-02/> (accessed: 09.06.2023).
8. BALTOPS 23: Fazit und wichtigste Teilübungen//bundeswehr.de. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/baltops-23-fazit-5639390> (accessed: 29.07.2023).
9. *Bergmann M., Svendsen O.* Transforming European Defense a New Focus on Integration. – Washington, D.C: The Center for Strategic and International Studies, 2023. – 72 p.
10. Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2021//bmwk.de. – URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Aussenwirtschaft/ruestungsexportbericht-2021.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (accessed: 28.07.2023).
11. *Crome E.* Zeitenwende? Der Ukraine-Krieg und die deutsche Außenpolitik//Texte vom Potsdamer Außenpolitischen Dialog 2022. – 2022. – Nr. 1. – S. 1–100.
12. Das passiert, wenn Putin uns angreift//bild.de. – URL: https://www.bild.de/bild-plus/politik/ausland/politik-ausland/nato-beschliesst-neuen-plan-das-passiert-wenn-putin-uns-angreift-84664622.bild.html?t_ref=https%3A%2F%2Fm.bild.de%2Fbild-plus%2Fpolitik%2Fausland%2Fpolitik-ausland%2Fnato-beschliesst-neuen-plan-das-passiert-wenn-putin-uns-angreift-84664622.bildMobile.html (accessed: 29.07.2023).
13. Deterrence and defence//nato.int. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_133127.htm (accessed: 29.07.2023).
14. Deutsche Marine bereitet mit US Navy Großmanöver auf der Ostsee vor//rnd.de. – URL: <https://www.rnd.de/politik/nato-marine-bereitet-mit-us-navy-grosses-seemanoever-auf-der-ostsee-vor-IEHHGKJNNFBZN3PE5A2EXFDPI.html> (accessed: 27.07.2023).
15. Deutschland und Großbritannien wollen Ukraine keine Kampfjets liefern//zeit.de. – URL: <https://clck.ru/34iPv4> (accessed: 15.06.2023).
16. Erste ukrainische Piloten warten auf Ausreise zur Ausbildung an F-16-Kampfjets//deutschlandfunk.de. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/erste-ukrainische-piloten-warten-auf-ausreise-zur-ausbildung-an-f-16-kampfjets-100.html> (accessed: 29.07.2023).
17. European Union Military Strength (2023)//globalfirepower.com. – URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing-european-union.php> (accessed: 16.06.2023).
18. Fearful Germany preparing to block Ukraine's Nato membership bid//telegraph.co.uk. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2023/07/08/ukraine-nato-bid-block-germany-fears-putin/> (accessed: 29.07.2023).
19. Finland opens to joining Europe's Sky Shield defense//aa.com.tr. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/finland-open-to-joining-europe-s-sky-shield-defense/2946051> (accessed: 29.07.2023).
20. Gemeinsam mit den USA: Deutschland wird Nato-Beitritt der Ukraine offenbar blockieren//tagesspiegel.de. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/internationales/gemeinsam-mit-den-usa-deutschland-wird-nato-beitritt-der-ukraine-offenbar-blockieren-10119601.html> (accessed: 29.07.2023).
21. German defense minister says stopping arms supplies to Ukraine would mean 'end of Ukraine'//tass.com. – URL: <https://tass.com/world/1605889> (accessed: 29.07.2023).
22. Germany and Sweden to buy over 1,200 air to air missiles//ukdefencejournal.org.uk. – URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/germany-and-sweden-to-buy-over-1200-air-to-air-missiles/> (accessed: 25.07.2023).
23. Germany hosts biggest ever air exercise of NATO forces//nato.int. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_215611.htm (accessed: 29.07.2023).
24. Germany to set up hub in Slovakia to repair arms for Ukraine//reuters.com. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/germany-establish-maintenance-hub-slovakia-repair-arms-sent-kyiv-2022-11-15/> (accessed: 27.07.2023).
25. Germany offers to station 4,000 troops in Lithuania to strengthen NATO's eastern flank//apnews.com. – URL: <https://apnews.com/article/germany-nato-lithuania-russia-ukraine-war-7003aaac9c9092d97048604c45f7f0f8> (accessed: 25.07.2023).
26. Germany Sets Aside \$10.5 Billion to Buy F-35 Fighter Jets//bloomberg.com. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-12-04/germany-sets-aside-10-5-billion-to-buy-f-35-fighter-jets#xj4y7vzkg> (accessed: 27.07.2023).
27. Germany unveils 2.7 bln euro military package to Ukraine, biggest yet//reuters.com. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/germany-prepares-biggest-military-equipment-delivery-yet-ukraine-der-spiegel-2023-05-13/> (accessed: 15.06.2023).
28. Großauftrag: Bundeswehr bestellt 120mm-Panzermunition bei Rheinmetall – Rahmenvertrag auf Volumen in Höhe von 4 Mrd EUR ausgeweitet//rheinmetall.com. – URL: <https://www.rheinmetall.com/de/media/news-watch/news/2023/07/2023-07-13-rheinmetall-erhaelt-grossauftrag-der-bundeswehr-ueber-panzermunition> (accessed: 29.07.2023).
29. Im Wert von 700 Millionen Euro: Deutschland liefert weitere Waffen an Ukraine//zdf.de. – URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/deutschland-waffenlieferung-ukraine-krieg-russland-104.html> (accessed: 29.07.2023).
30. International Monetary Fund (2022); Funding NATO//nato.int. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_67655.htm (accessed: 26.06.2023).
31. Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with German Defence Minister Boris Pistorius and the President of Lithuania Gitanas Nausėda at Exercise Griffin Storm 2023//nato.int. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_216303.htm (accessed: 25.07.2023).
32. Kiew erhält zweites deutsches Flugabwehrsystem Iris-T//spiegel.de. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/kiew-erhaelt-zweites-deutsches-flugabwehrsystem-iris-t-a-10f02e4c-cf5c-49b7-8059-c55c7a24b2d2> (accessed: 18.06.2023).
33. *Klein M., Major C.* Dauerhafte Sicherheit für die Ukraine Von Ad-hoc-Unterstützung zu langfristigen Sicherheitsgarantien als Nato-Mitglied//SWP-Aktuell. – 2023. – No. 2023/A 44. – P. 2–20.
34. Liste der militärischen Unterstützungsleistungen//bundesregierung.de. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/schwerpunkte/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (accessed: 28.07.2023).
35. Liste der militärischen Unterstützungsleistungen//bundesregierung.de. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/schwerpunkte/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (accessed: 29.07.2023).
36. *Meister S.* A Paradigm Shift: EU-Russia Relations After the War in Ukraine//dgap.org. – URL: <https://dgap.org/en/research/publications/paradigm-shift-eu-russia-relations-after-war-ukraine> (accessed: 28.07.2023).

37. National Security Strategy "Robust. Resilient. Sustainable. Integrated Security for Germany". 14.06.2023. – URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (accessed: 30.07.2023).
38. NATO Spending by Country//wisevoter.com. – URL: <https://wisevoter.com/country-rankings/nato-spending-by-country/>(accessed: 26.06.2023).
39. NATO 2022 Strategic concept//nato.int. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (accessed: 30.07.2023).
40. NATO's military presence in the east of the Alliance//nato.int. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm?selectedLocale=en (accessed: 23.07.2023).
41. Pistorius bekräftigt Nein zur Lieferung von Marschflugkörpern an Kiew//handelsblatt.com. – URL: <https://www.handelsblatt.com/dpa/pistorius-bekraeftigt-nein-zur-lieferung-von-marschflugkoerpern-an-kiew/29252648.html> (accessed: 25.07.2023).
42. Rahmenvertrag über bis zu 3.058 Stück Luftlandefahrzeuge Caracal//rheinmetall.com. – URL: <https://www.rheinmetall.com/de/media/news-watch/news/2023/07/2023-07-10-rheinmetall-grossauftrag-fuer-luftlandeplattform-caracal> (accessed: 29.07.2023).
43. Repair centre for Leopard tanks in Poland goes into operation//deutschland.de. – URL: <https://www.deutschland.de/en/news/repair-centre-for-leopard-tanks-in-poland-goes-into-operation> (accessed: 27.07.2023);
44. Rheinmetall to Open Maintenance Hub in Romania for Ukraine Weapons//theindefensepost.com. – URL: <https://www.thedefensepost.com/2023/04/03/rheinmetall-maintenance-hub-ukraine-weapons/>(accessed: 27.07.2023).
45. Rheinmetall and Ukroboronprom forge ties//rheinmetall.com. – URL: <https://www.rheinmetall.com/en/media/news-watch/news/2023/mai/2023-05-13-rheinmetall-ukroboronprom-joint-venture-ukraine> (accessed: 15.06.2023).
46. Rheinmetall plant hochmoderne Fabrik zur Herstellung von F-35-Rumpfmittelteilen in Weeze//rheinmetall.com. – URL: <https://www.rheinmetall.com/de/media/news-watch/news/2023/07/2023-07-04-rheinmetall-f35-rumpfteilerstellung-standortwahl> (accessed: 01.08.2023).
47. Rheinmetall plant Reparaturen von Leopard-Panzern innerhalb der Ukraine//spiegel.de. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-rheinmetall-plant-reparaturen-von-leopard-panzern-im-land-a-6c8c48bb-5405-42ef-b3bb-eb786d2c2970> (accessed: 29.07.2023).
48. Rheinmetall will build and repair tanks in Ukraine, says CEO//edition.cnn.com. – URL: <https://edition.cnn.com/2023/07/10/business/rheinmetall-german-tank-factory-ukraine/index.html> (accessed: 27.07.2023).
49. Rheinmetall-Chef: Kein Land in Europa ist gut auf einen Überfall vorbereitet//rnd.de. – URL: <https://www.rnd.de/wirtschaft/rheinmetall-chef-kein-land-in-europa-ist-gut-auf-einen-ueberfall-vorbereitet-4T3P6JJEEJBAXHAVG4VOY6GFWY.html> (accessed: 14.06.2023).
50. Russen kündigen Fabrik-Attacke an/Deutscher Panzer-Chef pfeift auf Putin-Drohung//bild.de. – URL: <https://www.bild.de/politik/ausland/politik-ausland/russen-wollen-seine-fabrik-bombardieren-deutscher-panzer-chef-pfeift-auf-putin-d-84756842.bild.html> (accessed: 25.07.2023).
51. The top 15 military spenders, 2022//sipri.org. – URL: <https://www.sipri.org/visualizations/2023/top-15-military-spenders-2022> (accessed: 28.07.2023).
52. The US military presence in Europe has been declining for 30 years – the current crisis in Ukraine may reverse that trend//theconversation.com. – URL: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for-30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595> (accessed: 26.06.2023).
53. U.S. Troops Train Ukrainians in Germany//defense.gov. – URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3015610/us-troops-train-ukrainians-in-germany/>(accessed: 29.07.2023).
54. U.S., German Defense Officials Pledge Continued Support for Ukraine//defense.gov. – URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3443045/us-german-defense-officials-pledge-continued-support-for-ukraine/>(accessed: 29.07.2023).
55. UK and Germany team up to develop advanced tank ammunition//ukdefencejournal.org.uk. – URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/uk-and-germany-team-up-to-develop-advanced-tank-ammunition/>(accessed: 30.07.2023).
56. Verteidigungsministerium der Ukraine bestellt weitere 300 Vector Drohnen aus Deutschland//wehrtechnik.info. – URL: <https://wehrtechnik.info/index.php/2023/06/01/verteidigungsministerium-der-ukraine-bestellt-weitere-300-vector-drohnen-aus-deutschland/>(accessed: 18.06.2023).
57. Wachs L. Russlands Raketen und die European Sky Shield Initiative Die deutschen Pläne zur Luftverteidigung im Kontext der Bedrohungslage//SWP-Aktuell. – 2023. – No. 2023/A 40. – P. 1–14.
58. We have reached a defining moment in our support for Ukraine//eda.europa.eu. – URL: <https://eda.europa.eu/webzine/issue24/cover-story/we-have-reached-a-defining-moment-in-our-support-for-ukraine> (accessed: 30.07.2023).
59. Wezeman P. D., Gadon J., Wezeman S. T. Trends in International Arms Transfers, 2022// SIPRI Publications/Stockholm International Peace Research Institute. – 2023. – P. 1–12.
60. Wie die Ukraine-Hilfe die Bundeswehr in Probleme stürzt//morgenpost.de. – URL: <https://www.morgenpost.de/politik/article238188989/ukraine-krieg-waffenlieferungen-bundeswehr-flugabwehr.html> (accessed: 29.07.2023).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Семенов Александр Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой восточных языков,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexander V. Semenov,

PhD (History), Associate Professor,
Head of the Department of Oriental Languages,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: legatus@bk.ru

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ В XVII–XIX ВВ.: ОСОБЕННОСТИ ДВУСТОРОННИХ ДОГОВОРОВ

INTERNATIONAL RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE XVII–XIX CENTURIES: PECULARITIES OF BILATERAL TREATIES

Аннотация: в статье рассматриваются особенности межгосударственных договоров России и Китая с XVII по XIX век. В связи со становлением Вестфальской системы международных отношений двухсторонние договоры между царской Россией и Цинским Китаем в целом соответствовали принятой в то время договорно-правовой традиции. Специфика дипломатических договоров показана посредством эволюции дипломатических понятий «мир» и «дружба», которые в настоящее время стали базовыми категориями международных отношений. Проанализированы тексты договоров на русском, латинском и китайском языках с точки зрения употребления данных категорий. Выявлены место, роль и цель использования терминов «мир» и «дружба» в договорах двух стран. В статье показаны разные подходы царской России и Цинского Китая к международному мироустройству и актуализации данных категорий в дипломатической практике. Приводится объяснение работы механизма наполнения объема и содержания категорий «мир» и «дружба» в зависимости от изменения баланса сил России и Китая в ходе исторического взаимодействия в XVII–XIX веках.

Ключевые слова: история международных отношений, история российско-китайских отношений, международный договор, дипломатические категории «мир» и «дружба», царская Россия, Династия Цин.

Abstract: the article examines the peculiarities of international treaties between Russia and China since the XVII to the XIX century. In connection with the establishment of the Westphalian international system, bilateral treaties between Tsarist Russia and Qing China generally corresponded to the legal tradition accepted at that time. The specificity of diplomatic treaties is shown through the evolution of the diplomatic concepts of “peace” and “friendship”, which have now become the basic categories of international relations. The texts of agreements in Russian, Latin and Chinese are analyzed from the point of view of the use of these categories. The place, role and purpose of using the terms “peace” and “friendship” in the treaties of the two countries are revealed. The article shows the different approaches of Tsar Russia and Qing China to the international world order and the actualization of these categories in diplomatic practice. An explanation is given of the mechanism of filling the volume and content of the categories “peace” and “friendship”, depending on the change in the balance of power between Russia and China in the course of historical interaction in the XVII — XIX centuries.

Key words: history of international relations, history of Russian-Chinese relations, international treaty, diplomatic categories “peace” and “friendship”, Tsarist Russia, Qing Dynasty.

Введение

Россия и Китай — крупные государства Евразийского континента, история взаимодействия которых насчитывает без малого 400 лет. За этот период на территориях обеих стран сменилось несколько исторических эпох и государственных образований.

Первые контакты между ними берут начало в XVII веке. В то время в Европе стала складываться Вестфальская система международных отношений, предполагавшая суверенитет национальных государств и применение регуляторов международного права. Основой Вестфальской системы и источником международного права стали международные договоры¹.

Несмотря на некоторое несовершенство международно-правовых документов XVII—XIX веков, международные договоры, заключенные между царской Россией и Цинским Китаем, являются «официально закрепленными соглашениями между двумя или более государствами о взаимных правах и обязанностях в политических, экономических или иных отношениях» [7], то есть соответствуют их современному определению.

Международные договоры между царской Россией и империей Цин были первыми официальными соглашениями, подписанными между государствами, которые относились к разным цивилизациям и имели богатый опыт собственной дипломатической

¹ Россия была одним из гарантов Вестфальского мира и строила свою внешнюю политику в соответствии с нормами и договоренностями, принятыми в Мюнстере и Оснабрюке. Поворот в сторону Западной Европы завершился [21].

практики¹. Несмотря на сложные условия проведения переговоров и недостатки в плане симметричности переводов, стороны придерживались общих принципов при составлении международного договора: наличие полномочных представителей, согласование позиций сторон, письменная фиксация результатов в форме дипломатического документа, аутентичность текстов, составленных на двух или нескольких языках, и ратификация договора для придания ему юридической силы.

В данной статье межгосударственные договоры между царской Россией и Цинским Китаем рассматриваются с точки зрения использования понятий «мир» и «дружба», которые широко применялись среди государств, входивших в Вестфальскую систему международных отношений². Это позволяет понять, как международное право распространялось за пределы Европы и охватывало государства разных цивилизаций и с разными концепциями мироустройства.

Понятия «мир» и «дружба» в международной договорной практике

Мир и дружба являются непреходящими ценностями человечества. Мир — это состояние спокойствия, согласия, отсутствие вражды и войны. Дружба — это взаимное доверие, взаимопонимание, общие интересы и общая деятельность. Эти два понятия имеют два измерения: межличностное (как морально-этические категории) и межгосударственное (как дипломатические категории).

«Мир» и «дружба», являясь дипломатическими понятиями, имеют фундаментальное значение для теории международных отношений. В Уставе ООН сформулированы цели и принципы организации, среди которых базовыми категориями являются мир и дружба [24].

Существовали ли в России и Китае понятия «мир» и «дружба» и было ли их понимание равнозначным для сторон переговоров и совместимым с их современным определением?

¹ Тема межгосударственных договоров России и Китая нашла свое отражение в публикациях сборников документов о русско-китайских отношениях в 50—70-е гг. XX в. — начало XXI в. [7; 17—19; 28; 33—35; 37; 38; 42—45], а исторический фон данной темы создавали работы советских и российских историков [2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 12; 13; 40]

² Интерес к дипломатическим категориям «мир» и «дружба», особенно к термину «дружба», возник после 2000-х годов, главным образом среди западных ученых [25—27; 31; 32]. Из российских историков эту тему серьезно разрабатывал Е. Роцин и др. [29; 30].

В политическом дискурсе царской России XVII века присутствовали как понятия «мир» и производное от него «мирный», так и понятие «дружба» — «дружественные отношения».

В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля «мир» определяется как отсутствие ссоры, вражды, войны; согласие и единодушие. Одним из проявлений мира, по В. Далю, является дружба, приязнь [23].

Понятие «мир» на Древней Руси часто использовалось в смысле завершения войны и утверждения своего статуса. Первый мирный договор был заключен Киевской Русью с Византийской империей в 866 году после успешной осады Царьграда. Русские князья поддерживали мирные отношения с соседними европейскими странами. Олег (882—912) во внешних сношениях действовал согласно своему девизу: «Мир имея ко всем странам». Владимир (980—1015) поддерживал мирные отношения с князьями Венгрии и Чехии [22].

Поскольку отношения между государствами в то время имели вассальный характер, то установление мира означало согласие на выплату дани победителю. Второй формой мирных отношений было образование союза двух или нескольких государств против третьей силы [22].

В тот исторический период Русское государство использовало также понятие «дружба» в международных сношениях. Следует заметить, что дружба как форма установления связей за рубежом — с иноземцами, а внутри страны — с русскими князьями выиграла конкуренцию с другими, ранее использованными понятиями — «любовь», «приязнь», «приятство» [30, с. 126].

У термина «любовь» — корень «любо». Данный термин, отражающий положительное отношение к окружающим вещам, обычно использовался русскими князьями как в переписке, так и при заключении договоров. «Любовь» как дипломатическая категория была заимствована у греков во время первых контактов Киевской Руси и Византии в X веке. Вероятно, русские князья использовали перевод многозначного греческого слова *φιλία* (филия) — любовь, дружба, расположение, притяжение. Греки употребляли его в значении «дружба» для определения неравноправных отношений Византии с варварскими племенами. Русские князья использовали другое значение —

«любовь». Более того, в связи с принятием Русью христианства любовь имела как моральный, так и религиозный контекст [30, с. 127].

Термин «прия́знь» и его производные, такие как «приятель», «приятельство», пришли в Московское государство из Великого княжества Литовского и были в употреблении наряду с понятиями «любовь» и «дружба» в течение XV—XVII веков [30, с. 135].

Обращение к дружбе характерно для отношений Новгорода с ганзейскими городами Германии и заключения между ними торговых договоров.

Объединение Руси и формирование Московского государства, духовное обновление и принятие концепции «Москва — Третий Рим», венчание на царствование «великих князей московских», использование титула «царь», равного только германскому императору и турецкому султану, — всё это повлияло на дипломатическую практику Русского государства. Постепенно исчезла пышная риторика в переписке между монархами. Статус Русского государства, его международная субъектность стали общепризнанными. Мирные соглашения, заключавшиеся после окончания войн, нередко были договорами мира и дружбы. Союзные договоры опирались на равноправную основу и включали в себя понятие «дружба».

Китайская традиция дипломатической практики основывалась на концепции «Поднебесная — варвары». Внешние отношения рассматривались как прибытие делегаций с сопредельных территорий с подарками — данью китайскому императору. Все посольства обязаны были вести себя в соответствии со специальным ритуалом, подтверждающим вассальную зависимость от Поднебесной.

Мировой порядок строился иерархически с реальным или символическим подчинением Срединному государству. Равноправные отношения Китая и сопредельных стран обычно не рассматривались. Более того, когда вследствие военных поражений от кочевых племен Китаю приходилось подписывать мирный, равноправный договор, то такое положение дел противоречило традиционному миропониманию и считалось временной вынужденной мерой до приведения Поднебесной

в устойчивое состояние, которое было до неудачи в военных сражениях¹ [5; 12].

В связи с особенностями мироустройства дипломатический дискурс Китая отличался от европейского. Многие базовые дипломатические термины, а соответственно, и дипломатические функции стали появляться после контактов императорского Китая со странами Запада, в том числе и с царской Россией.

Современное понятие «дипломатия» 外交 (вайцзяо)² появилось только после Опиумных войн с середины XIX века. В древности использовался термин «外事» (вайши) — внешние дела в отличие от «内事» (нэйши) — внутренних дел. Все сношения с сопредельными народами были внешними делами. В 1901 году, в конце правления династии Цин, стали применять слово «外务» (вайу), которое переводится как внешняя служба, а Министерство иностранных дел стали называть 外务部 (вайубу). Современное название Министерство иностранных дел «外交部» (вайцзяобу) получило в 1912 году, во время установления Китайской Республики (1911) [36, с. 2—3].

Важным условием и итогом дипломатических переговоров является заключение договора. Как считают китайские историки, понятие «договор» 条约 (тяюэ) стало официально использоваться в значении «международный договор» после Первой опиумной войны 1840—1842 года при заключении соглашения с Англией. До этого времени данный термин применяли для документов в рамках внутреннего законодательства. Понятие 条约 (тяюэ) «договор» появилось в эпоху династии Тан (618—907). В период правления династии Цин и ее участившихся контактов с иностранными государствами термин 条约 (тяюэ) стал означать «международный договор», а 规章 (гуйчжан) — договор для установления правоотношений внутри страны [40].

В китайских версиях русско-китайских договоров XVII—XIX веков уже применялся термин «条约» «договор», то есть можно

¹ Гончаров С. Н. пишет о двух тенденциях традиционной китайской дипломатии: «мироустройственной» — вертикальной и «равноправной» — горизонтальной, — которые имели корни в древности: эпохи Чжоу (XI—III вв. до н. э.) сосуществовали на протяжении всей истории императорского Китая, и их проявление зависело от баланса сил Поднебесной и ее соседей [5].

² В тексте статьи все иероглифы даны в сокращенном варианте, принятом в КНР. В разделе «Литература» источники приводятся в традиционном написании, как это встречается в оригинале.

предположить, что трансформация данного термина из внутреннего во внешний произошла уже в XVII в.

В Древнем Китае были известны понятия «мир» и «дружба». В эпоху Чжаньго (Воюющих царств) (475—221 гг. до н. э.) часто практиковалось создание двух-, трех- и многосторонних союзов «会盟» (хуэймэн), а начиная с династии Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.), с сильными противниками устанавливались мирные, добрососедские отношения с помощью «誓约» (шиюэ) — «клятвенных договоров» и союзов «和亲» (хэцин) — мира в форме родства.

Дружба в китайской традиции подчинялась конфуцианским морально-этическим нормам человеческих отношений. В Поднебесной существовала иерархия отношений между правителем и придворными, отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой, друзьями¹. Из пяти взаимоотношений только между друзьями должно было присутствовать взаимное уважение, доверие и равенство. Равноправные отношения друзей занимали в социальной структуре Китая последнее место. Фактически данная схема проектировалась и на структуру отношений Китая с сопредельными странами.

Таким образом, к своим первым контактам Россия и Китай подошли с разным отношением к мироустройству, разным дипломатическим опытом и разным отношением к месту мира и дружбы в межгосударственных отношениях.

Мир и дружба в межгосударственных договорах царской России и империи Цин

Взаимодействие царской России и Китая началось в XVII веке, в период династии Мин (1368—1644), однако свой интенсивный характер оно приобрело уже во время правления маньчжурской династии Цин (1644—1911) [20, с. 20—23].

Это был исторический период, когда Россия осваивала просторы Сибири и Дальнего Востока, а Цинский Китай расширял свои территории в Монголии, Синьцзяне и Тибете. По традиционному мироустройству племена Забайкалья, Восточной Сибири и Дальнего Востока считались дальними варварами, племена Монголии — ближними варварами, а их территории рассматривались как символические территории Цинов. В соответствии

¹ На китайском языке эти взаимоотношения оформлялись как 君臣、父子、兄弟、夫妇、朋友五种伦理关系 (цзюнь чэнь, фу цзы, сюн ди, фу фу, пэн ю у чжун луньли гуаньси).

с концепцией миропорядка Поднебесной это были ближний и дальний стратегические пояса, которые обеспечивали безопасность империи.

Столкновение двух мощных государств того времени — царской России и Цинского Китая — было неизбежно.

XVII век

Албазинский конфликт¹ 1685 года, причиной которого было стремление маньчжурского императора Канси (1654—1722) вытеснить русских из Приамурья, закончился подписанием Нерчинского договора 1689 года.

Данный договор стал первым официальным документом, подписанным Цинским Китаем с царской Россией как государством, использовавшим европейскую дипломатическую практику.

Официальное название документа на русском языке — «Договор между Российским и Китайским Государствами, учиненный на съезде при Китайской границе в Нерчинске» [16].

Его полное название на китайском языке звучит следующим образом — 《中俄尼布楚议界条约 (Чжун Э Нибучу ицзе тяюэ) («Нерчинский договор о границе между Китаем и Россией»)» [44].

В данном договоре стороны отразили переход от военного конфликта к мирному взаимодействию. Понятия «мир» и «дружба» в этом процессе и самом документе занимали важное место.

На переговорах Русское государство представлял дипломат и государственный деятель Ф. Головин, империю Цин — дядя императора Канси, князь Сонготу. Основным языком переговоров стала латынь. С китайской стороны переводчиками были католические миссионеры Жан Франсуа Жербийон (Франция) и Томаш Перейра (Португалия), с русской стороны — толмач Андрей Белобоцкий. В результате за основу согласованного текста договора был взят латинский язык, с которого были сделаны переводы на русский, маньчжурский и монгольский языки. С маньчжурского языка текст был переведен на китайский язык. Несмотря на то что основные согласованные позиции сторон были отражены во всех текстах перевода, однако имелись пропуски, несоответствия в количестве статей и в целом тексты договора на маньчжурском, русском и китайском трудно назвать симметричными.

¹ Некоторые историки называют этот конфликт войной [20, с. 26—27].

Стороны договорились, что на основании договора будет сделана каменная стела с высеченным на ней текстом договора на латинском, китайском и русском языках как пограничный столб между двумя государствами. Текст стелы также имел отличия от оригинала.

Структура текста соответствовала европейским дипломатическим правилам. Договор состоял из названия, преамбулы, основной части, состоящей из шести глав, и заключительной части.

В преамбуле договора на латыни говорится о цели документа в следующих выражениях: «*tum denique ad pacem perpetuam stabiliendam aeternumque foedus percutiendum*» (установить вечный мир и заключить бессрочный договор) [28]. В русском варианте договора, а также в китайском переводе с русского эта фраза отсутствует. Ее нет и в тексте, предназначенном для пограничной стелы.

Данная часть преамбулы означает, что целями переговоров были достижение мира и территориальное разграничение сторон. Говорится также о заключении бессрочного договора, но не уточняется, какого именно договора. Ответ можно найти в статье II, в которой приводится фраза «*aeterna pax iurata fuerit*» (был заключен вечный мир). В статье V говорится: «*Propter nunc contractam amicitiam atque aeternum foedus stabilitum*» (Вследствие заключенной теперь дружбы и установленного бессрочного договора). Иными словами, речь идет о договоре мира и дружбы [28].

В статье VI, которая фактически является заключительной частью, стороны подвели итоги переговоров, заявили о прекращении конфликтов между государствами и объявили «*pacemque stabilita, et aeterno amicitiae foedere percusso*» (об установлении мира и заключении бессрочного договора о дружбе) [28].

В переводе договора на русский язык используются словосочетания «до сего мирного постановления», «после сего постановленного миру» (статья IV), «до сего постановленного миру» (статья VI), то есть речь идет об установленном мире. Изложение статьи V согласуется с латинским вариантом, и в ней говорится: «...для нынешние начатые дружбы...», — об установлении дружбы между сторонами [16].

Китайская версия в переводе с маньчжурского языка также не содержит в преамбуле целеполаганий. В китайском тексте

в трех статьях договора используется словосочетание «和好» (хэхао), которое состоит из двух слов 和 (хэ): 和平 — (хэпин) «мир» и 好 (хао) — хороший, согласие, любить, дружить: 友好 (юхао) — «дружба». В связи с этим перевод выражения «和好» (хэхао) как мир и согласие в общем контексте оригинала нужно понимать как мир и согласие — дружба [44].

В китайском переводе бином «和好» (хэхао) актуализируется в следующих выражениях: «两国照常和好» (лянго чжаочан хэхао) — «два государства как обычно в дружественных отношениях»; 两国既永远和好 (лянго цзи юньюань хэхао) — «поскольку между двумя государствами вечные мир и дружба»; «永远和好之处, 奉行不得运误 (юнхао чжи чу, фэнсин бу дэ юнью) — «вечный мир и дружба должны быть реализованы правильно (без ошибок)».

На пограничной стеле в тех же статьях дается несколько отличный перевод при сохранении бинома «和好» (хэхао) как константы: «仍与中国和好、毋起争端» (жэнь юй чжунго хэхао, у ци чжэндуань) — «если с Китаем находится по-прежнему в мире и дружбе, то не будут возникать споры»; «今既永相和好...» (цзинь цзи юнсян хэхао) — «сейчас и навсегда мир и дружба...»; «和好会盟之后» (хэхао хуэймэн чжи хоу) — «после заключения союза (или договора) о мире и дружбе» [44].

Понятия «мир» и «дружба» связаны с понятием «отношения», имея в виду отношения, которые были установлены между сторонами. Эта взаимосвязь в разной степени проявляется в базовом тексте договора, исполненном на латыни, и в переводах на маньчжурский, русский и китайский языки. В латинском варианте установление мира и заключение договора о дружбе разделяются на две цели переговоров, в русской версии акцент сделан на «поставленном мире», а в маньчжурской и китайской версиях мир и дружба используются как одно сложное понятие.

Нерчинский договор 1689 года является мирным договором, который включал в себя преамбулу и следующие постановления: территориальные, политические, юридические, экономические и заключительные.

Понятия «мир» и «дружба» были разъединены, но использовались в едином смысловом поле в преамбуле и заключительном постановлении. Ссылкой на «вечный мир» сопровождается ста-

тья о выдаче перебежчиков, а «договор о дружбе» связан с коммерческими контактами по специальным документам.

В русской версии по мирному соглашению решались вопросы казни воров и разбойников, а также обмена нарушителями границы; взаимная торговля освящалась понятием «дружбы».

В китайской версии понятия «мир» и «дружба» использовались в едином смысловом поле — составным биномом и употреблялись во всех постановлениях мирного договора.

XVIII век

В XVIII веке царская Россия и Цинский Китай продолжали заниматься нерешенными ранее проблемами. Концепции «мира» (как территориальное разъединение) и «дружбы» (как развитие коммерческих и гуманитарных связей) по-прежнему стояли в центре работы дипломатов двух стран.

Усилиями русского посла Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского 20 августа 1727 года был подписан Буринский трактат об определении границ между Российской и Цинской империями [16; 35]. Этот договор был исполнен на латинском, русском, маньчжурском языках. Был сделан перевод на монгольский язык. Перевод на китайский язык был выполнен гораздо позднее. Часть этого трактата вошла в третью статью Кяхтинского договора 1728 года¹.

Центральным дипломатическим документом русско-китайских отношений в XVIII веке стал Кяхтинский договор 1728 года, работа над которым продолжалась больше года, с марта 1727 года по июнь 1728 года. Основное смысловое поле договора — «мир и дружба». Правда, акценты сторон в отношении этой концепции были различны. Цинские представители ставили своей целью разграничить территории в Северной Монголии, создать стратегический буфер на севере для своей экспансии на Западе. Дипломатический представитель царской России продвигал дипломатические и торговые интересы страны и поэтому мог сделать некоторые уступки в территориальном вопросе. Стороны согласовано выступали в отношении международно-правовых вопросов.

Договор был составлен на латинском языке с переводом на русский, маньчжурский, монгольский и китайский языки.

¹ По поводу даты подписания Кяхтинского договора в истории существуют разногласия. См. работу Дацышена В. Г. [6].

В связи с затянутой процедурой согласования и утверждения текста договора некоторые статьи подвергались изменениям вплоть до появления параллельного варианта договора [16; 42].

Каким образом традиции мира и дружбы, изложенные в Нерчинском договоре 1689 года, отразились в Кяхтинском трактате 1728 года?

В базовой латинской версии прописана только тема мира. Преамбула построена несимметрично и отражает желание русского посла, облеченного полномочиями императрицы Русского государства, восстановить и укрепить мир, установленный между двумя империями в Нерчинске: (...Legatus Sava Vladislavich Illyricus Comes missus ad renovandam, magisque firmandam pacem, quae iam pridem Nyrkou [Nercinski] inter utrumque Imperium inita fuerat...) — «Посол Сава Владиславич, граф Иллирийский, был послан для возобновления и дальнейшего укрепления мира, давно заключенного в Нипкове [Нерчинске] между двумя империями» [33]. В русском переводе эта фраза передается таким образом: «По указу императрицы всероссийския и протчая, и протчая, и протчая. Посол Сава Владиславич Ильирийской граф, присланной для обновления и вящшаго утверждения мира, которой прежде сего при Нипкове (Нерчинском) между обоими империями заключен был» [16]. В китайской версии используется несколько другая формулировка: «议定两国在尼布朝所定永坚和好之道» (идин лянго цзай Нибучао со дин юн цзянь ю хао чжи дао) — (стороны) «определили путь вечного мира и крепкой дружбы, установленный двумя государствами в Нерчинске» [42].

В первой китайской версии не были отражены фразы из статьи 1: «Сей новый договор нарочно зделан, чтоб между обоими империями мир крепчайший был и вечный...» и «Ныне, следуя обновлению мира, не довлеют воспоминатися прежние дела между обоими империями...» [16]. Однако во второй параллельной версии понятия «мир» и «дружба» нашли свое отражение: в статье 1 — 敦尚和睦 (дуньшан хэ му) — «стремимся к миру и дружбе», а в статье 2 — 既经和好, 所有往事, 毋庸追论 (цзи цзин хэхао, сою ванши, у юн чжуй лунь) — «поскольку объявили мир и дружбу, то незачем обращаться к прошлым делам».

В заключительной части стороны возвращаются к своим позициям, выдвинутым в преамбуле. В русской версии под-

тверждается, что «инструмент обновления мира между обоими империями с обеих сторон разменен тако» [16]. В китайской первой версии приводится такой вариант: «两国相和益坚之事既已新定» (лянго сян хэ и цзянь чжи ши цзи и синь дин) — «дело взаимного мира и содействия укреплению¹ (дружбы) двух государств вновь уже решено» [42].

В Кяхтинском договоре 1728 года смысловые поля «мира» и «дружбы» были разъединены в латинском и русском текстах и объединены в китайском тексте.

В русском варианте был сделан акцент на мирном обновлении Нерчинского договора 1689 года. В Кяхтинском договоре — уже 11 статей, которых по количеству и по содержанию больше, чем в предыдущем договоре. Они охватывают территориальные, дипломатические, политические, экономические, международно-юридические и религиозные постановления. Отказ от формального использования понятия «дружба» не лишил договор духа дружбы и углубления дружественных отношений как в старых сферах — коммерческой, юридической, дипломатической, так и в новой — религиозной.

В китайском варианте сохранилось единое лексическое поле 和好 (хэ хао) — «мир и дружба». Однако в отличие от Нерчинского договора 1689 года в Кяхтинском трактате используется выражение «和好之道» (хэ хао чжи дао) — «путь мира и дружбы», то есть утверждается процессуальный характер концепции «мира и дружбы», принятой в предыдущем договоре.

В Кяхтинском договоре 1728 года обе стороны добились в основном целей, которые ставили, хотя и не без уступок. Понятия «мира» и «дружбы» способствовали отражению интересов и озабоченностей сторон, а также концептуализации их в договоре.

ХІХ век

Если в XVII—XVIII веках Цинская империя находилась в апогее своего могущества, могла расширять свою территорию и диктовать свои требования сопредельным государствам, то к XIX веку империя Цин начала слабеть и, испытывая обеспокоенность внутривластным положением в стране, усилила реализацию политики самоизоляции Китая.

¹ После иероглифа 坚 (цзянь — укреплять, укрепление) нет объекта, однако в связи с тем, что в преамбуле данный иероглиф согласуется с понятием «дружба», поэтому на место пустого объекта логично поставить «дружбу».

Именно в этом веке Цинский Китай стал объектом колониальной экспансии Великих держав во главе с Великобританией. Европейские страны наступали с юга. В ходе Первой и Второй опиумных войн они отвоевывали себе всё больше и больше привилегий в политической, экономической, дипломатической и других областях.

Царская Россия, воспользовавшись занятостью Цинской империи на юге и снижением ее интереса к северу страны, решала вопросы, которые ей достались от истории. В XVII—XVIII веках под давлением династии Цин был сделан ряд уступок по пограничным вопросам, теперь ситуацию можно было повернуть в выгодное для России направление.

В XIX веке концепция «мира и дружбы» получила свое развитие в последующих международных договорах, заключенных между царской Россией и Цинским Китаем.

Айгунский договор между двумя странами был подписан 16/28 мая 1858 года.

Полное название документа в русской версии — «Айгунский договор о границах и взаимной торговле». В китайской версии он имеет несколько названий: 《瑗瑗条约》 (Айхунь тяюэ) — Айгунский договор; 《瑗瑗城和约》 (Айхунь чэн хэюэ) — Айгунский мирный договор; 《咸丰条约》 (Сяньфэн тяюэ) — Договор Сяньфэна¹ [34].

Айгунский договор был заключен генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым и представителем Цинского императора генералом И Шанем. Документ был выполнен на русском, маньчжурском и монгольском языках. Был сделан перевод на китайский язык.

Уже в полном названии Айгунского договора прослеживается актуализация проблемы мира и дружбы в подходах царской России и Цинского Китая. Русская сторона выделяет вопрос границы и взаимной торговли, а Цинская сторона обращает внимание на мирный характер договора, фактически затрагивает тему границы или называет договор титулом императора.

Договор состоит из преамбулы и трех статей, среди которых статья 1 является территориальным постановлением, статья 2 —

¹ Сяньфэн, «всеобщее изобилие» (девиз правления императора династии Цин (собственное имя Ичжу) (1851—1861)).

экономическим (торговым) постановлением, а статья 3 — заключительной частью об обязательствах сторон и обмене текстами.

В преамбуле выражены желания и цели сторон, и, несмотря на идентичность текстов, некоторые формулировки записаны не симметрично, существуют важные пропуски.

В русской версии предлагается следующий вариант целей договора: «...по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных...» [16]. В китайской версии излагается таким образом: «...会同为两国彼此永远益生和好, 两国所属之人有益并防外国...» (хуэйтун вэй лянго бицы юньюань ишэн хэхао, лянго сошу чжи жэнь ю и бин фан вайго) — «...согласились во имя взаимной пользы и вечного мира и дружбы двух государств, пользы поданных двух государств и защиты против иностранных государств...» [34]. Из русского текста выпала установка на мир, характерная для предыдущих договоров, и отсутствует противодействие иностранным государствам, что при решении вопроса о границах было важным аргументом царской России против проникновения Великих держав в бассейн реки Амур.

Содержание статьи 1 связано с разграничением в нижнем течении реки Амур и статусом маньчжуров, живших на левом берегу реки, который стал российским. В китайском тексте указано, что «...俄罗斯人等和好, 不得侵犯» (элосы жэнь дэн хэхао, бу дэ цинфань) — «...русские должны (жить) с ними (манчжурами) в мире и дружбе и не нарушать (их жизнь)» [34]. В русском тексте только сказано: «...чтобы русские жители обид и притеснений им не делали» [16], — то есть русская версия не предполагает установления дружеских отношений, достаточно не вторгаться на территорию, где проживают маньчжуры.

В статье 2 в коммерческом постановлении на русском языке говорится: «Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля...» [16]. В китайской версии акценты несколько смещены: «两国所属之人互相取和...令其一同交易» (Лянго со шу чжи жэнь хусян цюйхэ... лин ци итун цзяои) — «Подданные двух государств обоюдно стремятся к миру... им предписано вести друг с другом торговлю» [34].

Русская сторона стремится к взаимной торговле во имя дружбы, а китайская сторона обязывает подданных вести торговлю ради мира.

Айгунский договор был подписан полномочными представителями обоих государств, но Цинская империя его не ратифицировала.

Для подстраховки миссии Н. Н. Муравьева, дальнейшей корректировки границы между Российским государством и Цинским Китаем, а также для продвижения коммерческих интересов в Поднебесную был направлен адмирал Е. В. Путятин. Царская Россия хотела также усилить свое влияние в Китае во время начавшейся Второй опиумной войны (1856—1860).

Маньчжурскую сторону представляли высокопоставленные сановники Гуй Лян и Хуашан.

Результатом переговоров стало подписание 1 (13) июня 1858 года Тяньцзиньского договора. Документ был составлен на маньчжурском, русском и китайском языках. Уменьшилось количество языков-посредников. Не используется единый язык-эталон для обеих сторон — латынь. Однако за основу был взят маньчжурский язык, что формально показывало превосходство Цинской империи.

Более того, внутреннее название договора — «俄夷和约» (Э и хэ юэ) — «Мирный договор с Русскими варварами» явилось свидетельством ослабления маньчжурской власти и ее желанием подчеркнуть свое доминирование в двухсторонних отношениях для аудитории внутри страны¹.

Полное название документа в русской версии звучит таким образом: «Тяньцзиньский трактат, заключенный между Россией и Китаем об условиях политических взаимоотношений, торговле, определении границ, изменении регламента и порядка финансирования Пекинской духовной миссии». Данный заголовок регламентировал приоритеты миссии Е. В. Путятина: это политическая, коммерческая, пограничная, дипломатическая и религиозная составляющие.

Тяньцзиньский договор состоял из преамбулы, 12 статей и заключительной части.

Тема мира и дружбы затронута в преамбуле и статье 1. Однако в текстах на русском и китайском языках имелись расхождения.

¹ Любопытным является тот факт, что в тех международных договорах, где уступки осуществляла Россия, она обозначалась как 与国 (юйго) — дружественная страна [40, с. 133—139], а там, где уступать приходилось Китаю, Россия называлась 夷 (и) — варваром.

В русской версии в преамбуле договора целью сторон была необходимость «определить вновь взаимные отношения между Китаем и Россией и утвердить новые постановления для пользы обоих государств» [16]. Иными словами, русскую сторону не устраивало качество отношений с Китаем и выражалось желание открыть новые стороны взаимодействия в интересах обеих сторон.

В китайской версии вышеуказанная формулировка записана следующим образом: «...明定两国和好之道及两国利益之事...» (миндин лянго хэхао чжи дао цзи лянго лии чжи ши) — «...четко определить путь мира и дружбы двух государств и вопросы пользы для двух государств...» [45]. Эта фраза лексически и семантически связана с преамбулой Кяхтинского договора, в котором глаголом выступало слово 议定 (идин) — «решить, определить после обсуждения», а в Тяньцзиньском договоре стоит глагол 明定 (миндин) — «прояснить, уточнить, сделать более ясным — и решить». Цинские сановники не хотели воспринимать данный договор как качественно новый и видели в нем уточнение Кяхтинского трактата.

В статье 1, которая являлась политическим постановлением Тяньцзиньского договора, в русской версии «подтверждаются мир и дружба, с давних времен существовавшие между его величеством императором Всероссийским и его величеством богдыханом дайцинским и их подданными» [16], а в китайской версии перевод следующий: императоры Великой Цин и царской России «今将从前和好之道复立和约» (цзинь цзян цунцзянь хэхао чжи дао фу ли хэюэ) — «сегодня снова заключаем мирный договор на основе ранее существовавших мира и дружбы» [45]. Далее по тексту говорится о правительственных гарантиях личной безопасности и неприкосновенности собственности русских в Китае и китайцев в России — в китайском тексте: «以固和好» (и гу хэхао) — «для укрепления мира и дружбы» [45]. В русском варианте эта фраза отсутствует.

В Тяньцзиньском договоре с китайской стороны акцентируется внимание на понятии «мир», мирном характере документа, который подтверждает постановления Кяхтинского договора, причем формально династия Цин ставит себя выше царской России.

Русская сторона в статью 1 выносит положение о мире и дружбе, но связанное с термином «мир» постановление о границах содержится в статье 9, то есть практически в конце требований представителей России. Миссия Е. В. Путятина отразила в договоре стремление к равноправию в дипломатической области с Китаем и в коммерческой области с Великими державами, несмотря на ущемление интересов Поднебесной.

Пекинский договор, или Пекинский дополнительный договор (北京续增条约), был подписан 2 (14) ноября 1860 года русским дипломатическим представителем России генералом Н. П. Игнатьевым и сановником высокого ранга Цинского государства великим князем Гуном. Данный договор подтверждает подписанные ранее, но не ратифицированные Айгунский договор 1858 года и Тяньцзиньский договор 1858 года.

Подписанием Пекинского договора завершилась многовековая череда мирных договоров о территориальном разграничении в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Данный договор состоит из преамбулы, 15 статей и заключительной части. Это наиболее полный в плане охвата постановлениями документ. Договор исполнен на русском и китайском языках, причем не оговаривается иностранный язык, который берется за основу. Только из русской версии становится понятно, что перевод на китайский язык осуществляли с русского текста. В китайской версии источник перевода не оговаривается.

Понятия «мир» и «дружба» занимают минимальное место и используются только в преамбуле. Русская и китайская версии отражают цели сторон, хотя тексты не совсем эквивалентны. В русском тексте относительно желаний сторон написано «для вящего скрепления взаимной дружбы между двумя империями, для развития торговых сношений и предупреждения недоразумений» [16], а в китайском — «以固两国和好、贸易相助及预防疑忌争端» (и гу лянго хэхао, маои сяньчжу цзи юйфан ицзи чжэндунь) — «для укрепления мира и дружбы, взаимной помощи в торговле и предупреждения недоразумений и споров» [43].

Китайская сторона применила ранее используемый термин «和好» (хэхао) — «мир и дружба», хотя русская сторона предпочла понятие «взаимная дружба». Скорее всего, Цинская сторона рассматривала «мир» не как окончание войны или вооруженно-

го столкновения, а как завершение пограничного размежевания. Исключение из текста договора понятий «мир» и «дружба» объясняется тем, что Пекинский договор был дополнительным, который уточнял и углублял содержание статей предыдущих договоров, в которых концептуально эти понятия фигурировали.

Решением пограничного вопроса в Средней Азии царская Россия и Цинский Китай занимались в конце 70-х — начале 80-х годов XIX века. Дипломатические усилия сторон имели своим итогом подписание двух договоров: Ливадийского договора 1879 года, который в китайской версии также называется «中俄交收伊犁条约» (Чжун Э цзяюшоу Или тяююэ) — «Китайско-русский договор о передаче Илийского края», или «崇约» (Чун юэ) — «Договор Чун Хоу» (по имени посла Цинской империи); и Санкт-Петербургского договора 1881 года, или Договора между Россией и Китаем об Илийском крае, причем китайская версия имела похожее название: «伊犁条约» (Или тяю юэ) — «Илийский договор» [16; 38; 37].

В подписании Ливадийского договора участвовали с российской стороны товарищ министра иностранных дел Н. К. Гирс и посланник при Цинской империи Е. К. Бюцов, а с маньчжурской стороны — посол богдыхана Чун Хоу. Договор был исполнен на французском, русском и китайском языках, причем за основу был взят французский. Документ состоял из преамбулы, 18 статей и заключительной части. Он включал в себя пограничное, дипломатическое и торговое постановления.

Несмотря на подписание данного договора обеими сторонами и ратификацию российской стороной, в результате разногласий по поводу уступок и компромиссов в отношении России маньчжурский двор отказался от ратификации. Посол Чун Хоу был обвинен в предательстве национальных интересов и угодил в тюрьму. Последствием такого решения Цинов могли стать военные действия. Тем не менее сторонам хватило мудрости еще раз встретиться за столом переговоров и решить возникшие проблемы.

В 1880 году в столицу царской России прибыл опытный китайский дипломат Цзэн Цициэ (1839—1890), который и подписал с полномочными представителями России Н. К. Гирсом и Е. К. Бюцовым Санкт-Петербургский договор 1881 года, или

Договор между Россией и Китаем об Илийском крае, в китайской версии: 伊犁条约 (Или тяю юэ) — «Илийский договор».

Данный договор, как и Ливадийский договор, был выполнен на французском, русском и китайском языках, и в основу был положен французский язык. По объему он был больше на две статьи, чем Ливадийский договор. Тексты в основном совпадали. Тем не менее русская сторона пошла на определенные территориальные уступки с целью выиграть в коммерческой части.

Тема мира и дружбы встречается в преамбуле обоих договоров в одинаковой редакции: в русской версии — «...желая для скрепления дружественных между ними отношений разрешить некоторые пограничные и торговые вопросы, касающиеся пользы обеих империй...» [16]; в китайской версии формулировка была практически идентичной: «愿将两国边界及通商等事于两国有益者, 商定妥协, 以固和好» (юань цзян лянго бяньцзе цзи туншан дэн ши юй лянго ю ичжэ, шандин тосе, и гу хэхао) — «желая принести пользу двум государствам по пограничным и торговым вопросам, договорились прийти к компромиссу в целях укрепления мира и дружбы» [37].

В русской версии подчеркивается прагматическая цель договора: укрепление дружественных отношений для урегулирования пограничных и коммерческих вопросов. Дружба рассматривалась как средство для достижения национальных интересов.

В китайской версии присутствует фраза, которая не нашла своего отражения в русском тексте. Речь идет о том, что стороны «договорились прийти к компромиссу». Именно компромисс позволит укрепить мир и дружбу и будет полезен при решении вопросов о границе и торговле.

Санкт-Петербургский договор 1881 года завершил более чем двухвековую дипломатическую работу по делимитации и демаркации русско-китайской границы.

Русско-китайский договор 1896 года открыл новую эпоху взаимодействия царской России и Цинского Китая. Документ был подписан в Москве, на территории России, что было впервые во взаимоотношениях двух государств. Договор был исполнен на французском и китайском языках, причем за основу был взят французский, с которого текст документа был переведен на русский язык. Несмотря на сокращение привлекаемых

иностранных языков для обеспечения переговоров и подготовки документов, трактовка заглавия договора и преамбулы, где формулируются цели участников договора, имеет некоторые отличия.

В русской версии названием документа являются следующие: «Русско-китайский секретный договор 22-го мая 1896 года», «Союзный договор между Российской Империей и Китаем 1896 года», или «Московский договор, заключенный между Россией и Китаем о союзе в отражении японской экспансии в Восточной Азии и строительстве КВЖД». Иными словами, практически во всех заголовках встречается слово «союз».

В китайской версии встречаются следующие названия: 《中俄密约》 (Чжунъэ миюэ) — «Китайско-российский секретный договор», 《御敌互相援助条约》 (Юйди хусян юаньчжу тьяоюэ) — «Договор о взаимной помощи и отпоре врагу». Тем самым понятие «союз» не упоминается [41, с. 177—178].

В преамбуле текста на французском языке о целях договора сказано следующее: «...désirant consolider la paix heureusement rétablie dans l'Extrême Orient et préserver le continent Asiatique d'une nouvelle invasion étrangère, ont décidé de conclure entre eux une alliance défensive...» («...желая упрочить благополучно восстановленный мир на Дальнем Востоке и уберечь азиатский континент от нового иноземного вторжения, решили заключить между собою оборонительный союз...») [15, с. 111—112].

В русской версии говорится: «...желая укрепить мирные отношения, так счастливо установленные на Дальнем Востоке, и предохранить Азиатский континент от нового иностранного вторжения, решили заключить между собой оборонительный союз...» [3].

Однако в китайской версии имеются разночтения с предыдущими текстами: «因欲保守东方现在和局, 不使日后别国再有侵占亚洲大地之事, 决计订立御敌互相援助条约» (Инь юй баошоу дунфан сяньцзай хэцзюй, бу ши жихоу бего цзай ю цинчжань Ячжоу дади чжи ши, цзюэцзи динли юйди хусян юаньчжу тьяо юэ) — «В целях сохранения нынешней мирной обстановки на Востоке и недопущения вторжения других стран на земли Азии в будущем мы полны решимости заключить договор о взаимопомощи против врага» [41, с. 177—178].

Несмотря на наличие в китайской политической лексике того времени слова «союз», посланник Цинского Китая Ли Хунчжан не использовал его и в китайской версии заменил на более конкретные формулировки — «взаимопомощь» и «отпор врагу». По всей вероятности, причиной такой лингвистической асимметрии было то, что, с одной стороны, китайский экземпляр был для внутреннего использования, а с другой — договор был частью сделки по передаче части территории Маньчжурии в аренду под строительство будущей Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Поэтому оборонительный союз по договору фактически представлял собой обмен «территории» на гарантии «мира» со стороны царской России.

Тем не менее сам факт заключения «Российско-Китайского секретного договора» свидетельствовал о том, что двухсторонние отношения превзошли этап мира и дружбы и вышли на более высокий уровень.

Заключение

Первые официальные контакты царской России с императорским Китаем начались в XVII веке. Россия уже была членом Вестфальской системы международных отношений с соответствующим опытом дипломатического общения со странами Западной Европы и Ближнего Востока. В Китае в это время пришла к власти маньчжурская династия Цин (1644—1911). Несмотря на некитайское происхождение, маньчжурскими императорами был воспринят традиционный китайский миропорядок и дипломатическая практика.

Российско-китайские отношения начали официально строиться с размежевания территорий, установления дипломатических контактов и продвижения торговли.

Спецификой межгосударственной договорной практики двух стран было использование одного из концептуальных механизмов Вестфальской системы, а именно понятий «мир» и «дружба».

Концепция «мира и дружбы» была создана западной дипломатией, которая опиралась на теоретические разработки Древней Греции и Рима, а также на идеи английских, французских и немецких философов.

Мир понимался как прекращение войны, состояние без вражды и споров. Дружба рассматривалась как продвижение своих интересов в сфере дипломатического влияния и коммерческой экспансии.

Начиная с XVI века такие крупные европейские страны, как Англия, Франция и др., заключили, главным образом со своими колониями, договоры о мире и дружбе. Объектом договоров были территории, ресурсы и право на свободную торговлю и судоходство. В обмен они предоставляли защиту и безопасность. Данные договоры с самого начала были неравноправными, так как право на мир и дружбу диктовалось с позиции насилия [25, с. 52—57].

Первые официальные договоры западных держав в Китае также назывались договорами о мире, дружбе и торговле и были заключены после поражения Цинского Китая в Первой и Второй опиумных войнах в середине XIX века. Все эти договоры были навязаны Китаю под угрозой военной силы.

Царская Россия и Цинская империя начали использовать дипломатические категории «мир» и «дружба» в межгосударственных договорах за два века до их применения европейцами в Китае.

Понятия «мир» и «дружба» оказались достаточно общими и гибкими для их появления в международных договорах того времени, подписанных государствами с разными взглядами на мироустройство. Эти понятия отражали разные цели и интересы сторон. В связи с этим участвующие стороны акцентировали свое внимание на разных аспектах этих понятий.

Главной проблемой русско-китайских отношений был пограничный вопрос, поэтому присутствие во всех договорах понятия «мир» означало размежевание территорий и установление границ. Несмотря на то что Айгунский и Тяньцзиньский договоры (1858) по-китайски имели второе название как «和约» (хэ юэ) — мирные договоры, они тем не менее означали не прекращение военных действий, а завершение пограничного разграничения. В Санкт-Петербургском договоре (1881) о возвращении Илийского края в русской версии обходятся только понятием «дружественные отношения», в то время как в китайской используется уже много раз апробированный термин «和好» (хэ хао) — «мир и дружба». Иными словами, демаркация границы между Цинским

Китаем и царской Россией также в договоре отражается выражением «укрепление мира».

Пограничный вопрос являлся важным для обеих сторон. Однако для Китая он был первостепенным, так как целью маньчжуров было подальше отодвинуть Россию от своей территории и тем самым создать как можно более широкий пояс стратегической безопасности. Для России в связи с большой протяженностью границы и постепенным освоением Восточной Сибири важно было закрепить уже имеющиеся под контролем земли и тормозить размежевание дальнейших территорий.

Понятие «дружба» отражало вторую важную составляющую русско-китайских отношений. Это дипломатическая, коммерческая, международно-правовая, а также гуманитарная и религиозная стороны договоров. Именно этот аспект отношений в большей степени интересовал царскую Россию, и она последовательно и настойчиво расширяла свое окно возможностей в Китае.

Поскольку в Империи Цин проводилась политика «изоляции от внешнего мира», то никакие дипломатические и коммерческие контакты ее не интересовали. Маньчжурские дипломаты всячески ограничивали деятельность иностранцев на своей территории. Их, пожалуй, заботили только правовые вопросы: депортация и наказание преступников, совершивших преступление на территории Китая и бежавших за границу.

Представители Цинского Китая понимали слово «дружба» скорее как морально-этическую категорию — находиться в мире и согласии, — чем как утилитарную и инструментальную.

Категории «мир» и «дружба» в международных договорах царской России и Цинской империи являлись постоянными компонентами на всем протяжении рассматриваемого периода. Их объем и содержание в договорах за два столетия изменялись вместе с изменением баланса сил между Россией и Китаем.

Усиление одной стороны приводило к уменьшению объема и сужению содержания категорий мира и дружбы. В XVII—XVIII веках, когда Цинская империя была на пике своего могущества, а царская Россия только приступала к освоению своих восточных рубежей, русским дипломатам приходилось идти на территориальные уступки и соглашаться с ограничениями в области дипломатии и торговли. В XIX веке Цины стали терять свою силу

под ударами западных держав и из-за народных волнений внутри страны, и весы качнулись в сторону царской России, которая отыграла свои потери и расширила свое влияние и интересы в Китае, приведя их в соответствие с объемом интересов западных стран.

Литература

1. Венская конвенция о праве международных договоров [принята 23 мая 1969 г.]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 11.07.2023).
2. *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока, Центр «Россия – Китай». – М.: Памятники исторической мысли, 1995. – 439 с.
3. *Воскресенский А.Д.* «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // И не распалась связь времен...: К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: сб. ст. / редкол.: С.Л. Тихвинский (отв. ред.) и др. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1993. – С. 257–273.
4. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений: монография. – М.: Московский общественный научный фонд : Издательский центр научных и учебных программ, 1999. – 408 с.
5. *Гончаров С.Н.* Две традиции в дипломатии императорского Китая // Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 113–142.
6. *Дацышен В.Г.* «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»: проблемы текста и датировки. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kyahntinskiy-traktat-21-oktyabrya-1727-g-problemy-teksta-i-datirovki/viewer> (дата обращения: 11.07.2023).
7. Договоры международные // Новый дипломатический словарь. – URL: <http://diplomaticdictionary.com/> (дата обращения: 11.07.2023).
8. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. – Т. 6. Династия Цин (1644–1911) / отв. ред. О.Е. Непомнин. – М.: Наука. Восточная литература, 2014. – 886 с.
9. *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
10. *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. / кол. авт.; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996. – 479 с.
11. *Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. – Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. / редкол.: Е.М. Жуков (отв. ред.). – М.: Мысль, 1973. – 324 с.
12. *Непомнин О.Е.* Политическая культура традиционного Китая. Доктрина внешней политики // Духовная культура Китая. – Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / М.Л. Титаренко и др., Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Восточная литература, 2009. – С. 161–168.
13. Новая история Китая / отв. ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. – 636 с.
14. *Полякова Е.О.* Отечественная историография русско-китайских отношений XVII в. // Документ. Архив. История. Современность. – 2010. – Вып. 11. – С. 11–26.
15. *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1842–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. – Л.: Изд. Ленинградск. Восточного ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928. – 613 с.
16. Русско-китайские договорные акты (1689–1916). – URL: <https://www.abirus.ru/content/564/623/626/14338/16620/> (дата обращения: 11.07.2023).
17. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы: в 2 т. – Т. 2. 1686–1692 / сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. – 833 с.
18. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы / кол. авт.; Ин-т Дальнего Востока РАН, Историко-документальный департамент МИД России, Федеральное агентство архивов РФ; отв. ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Памятники исторической мысли. – Т. 1. 1700–1725 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. – 1978. – 703 с.; Т. 2. 1725–1727 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова. – 1990. – 703 с.; Т. 3. 1727–1729 / сост. В.С. Мясников, А.И. Тарасова. – 2006. – 669 с.; Т. 5. 1729–1733 / сост. И.Т. Мороз, В.С. Мясников. – 2016. – 908 с.; Т. 6. 1752–1765 / сост. В.С. Мясников, Г.И. Саркисова. – 2011. – 429 с.
19. Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы. – Т. 1. 1803–1807 / сост. М.Б. Давыдова [и др.]. – М.: Памятники исторической мысли, 1995. – 1019 с.
20. *Самойлов Н.А.* От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. – М.: Весь Мир, 2013. – С. 15–119.
21. *Саямов Ю.Н.* Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. – № 3. – 2018. – С. 95–105.
22. Становление и развитие дипломатической службы России в IX–XV вв. – URL: https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoj-sluzby/-/asset_publisher/5H3VC9AbCsVl/content/stanovlenie-i-razvitie-diplomaticeskoj-sluzby-rossii-v-ix-xv-vv-?inheritRedirect=false (дата обращения: 11.07.2023).
23. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Даль. – URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=15830> (дата обращения: 11.07.2023).
24. Устав ООН (полный текст). – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 11.07.2023).
25. *Devere H., Mark S., Verbitsky J.* A history of the language of friendship in international treaties // International Politics. – Vol. 48. – 2011. – No. 1. – P. 46–70.
26. *Nordin A., Smith G.* Reintroducing friendship to international relations: relational ontologies from China to the West // International Relations of the Asia-Pacific. – Vol. 18. – 2018. – No. 3. – P. 369–396.
27. *Oelsner A., Koschut S.* A Framework for the Study of International Friendship // Friendship and International Relations / Ed. Simon Koschut and Andrea Oelsner. – L.: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 3–31.
28. Pactum Nertschiae 27 Augusti, 1689, O.S. – URL: https://la.wikisource.org/wiki/Pactum_Nertschiae (accessed: 11.07.2023).
29. *Roshchin E.* Friendship among nations: History of a concept. – Manchester. Manchester University Press, 2017. – 264 p.
30. *Roshchin E.* Supplanting Love, Accepting Friendship: A History of Russian Diplomatic Concepts // Redescriptions Political Thought Conceptual History and Feminist Theory. – 2009. – No. 13 (1). – P. 125–146.
31. *Schuet L.* Friendship and International Relations. Using a Case Study, Address Whether One Can Speak of Friendship in International Relations. – University of St. Andrews, 2015. – P. 1–6. – URL: <https://www.e-ir.info/2015/05/29/friendship-and-international-relations/> (accessed: 11.07.2023).
32. *Smith N., Fallon T.* The importance of bona fide friendships to international politics: China's quest for friendships that matter // Cambridge Review of International Affairs. – March 2022. – P. 1–22.
33. Tractatus Kyakhtae 21 octobris 1727. – URL: https://la.wikisource.org/wiki/Tractatus_Kyakhtae (accessed: 11.07.2023).
34. 璦琿條約 (Айгунский договор). – URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%92%A6%E7%90%BF%E6%A2%9D%E7%B4%84/359519> (accessed: 11.07.2023).
35. 布達斯奇界約 大清國、俄羅斯國 1727年9月1日(Буринский договор. Великая Цин. Российское государство. 1 сентября 1727 г.). – URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E5%B8%83%E9%80%A3%E6%96%AF%E5%A5%87%E7%95%8C%E7%B4%84> (accessed: 11.07.2023).
36. 外事管理实务 / 周国宝, 张慎霞编著 (Практика управления иностранными делами / под ред. Чжоу Гобао, Чжан Шэнься). – 广州: 华南理工大学出版社, 2005. 316 页.

37. 伊犁條約 清政府、俄羅斯國 1881年2月24日(Договор об Илийском крае. Правительство Цин. Российское государство. 24 февраля 1881 г.). – URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E4%BC%8A%E7%8A%81%E6%A2%9D%E7%B4%84> (accessed: 11.07.2023).
38. 里瓦几亚条约(Ливадийский договор). – URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E9%87%8C%E7%93%A6%E5%87%A0%E4%BA%9A%E6%9D%A1%E7%BA%A6> (accessed: 11.07.2023).
39. 廖敏淑 清代 中国 的外政秩序 (Ляо Миньшу. Внешнеполитический порядок Китая в эпоху династии Цин) // 栾景河 张俊义 近代中国: 文化与外交 (上) (Луан Цзинхэ, Чжан Цзюньи. Современный Китай: культура и дипломатия). 北京: 社会科学文献出版社. – 2012. – 130–153页。
40. 新书速递 | 杨一凡、李守良编《古代地方条约辑存》(15册) 出版 (О новых книгах: сборник древних местных договоров (15 томов) / под ред. Ян Ифаня и Ли Шоуляня). – URL: <https://fxy.nwu.edu.cn/info/1105/4508.htm> (accessed: 11.07.2023).
41. 姜长斌 中俄国界东段的演变 (Цзян Чанбинь. Эволюция восточного участка китайско-российской границы) 北京: 中央文献出版社. – 2007. – 489页。
42. 恰克圖界約 清朝清政府、俄羅斯國 1727年10月21日(Кяхтинский договор о границе, Цинская династия. Правительство Цин. Русское государство. 7 сентября 1727 г.). – URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%81%B0%E5%85%8B%E5%9C%96%E7%95%8C%E7%B4%84> (accessed: 11.07.2023).
43. 中俄北京條約 清政府、俄羅斯國 1860年11月14日(Пекинский договор между Китаем и Россией. Правительство Цин. Российское государство. 14 ноября 1860 г.). – URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hant/%E4%B8%AD%E4%BF%84%E5%8C%97%E4%BA%AC%E6%A2%9D%E7%B4%84> (accessed: 11.07.2023).
44. 中俄尼布楚條約 清政府、鄂羅斯國 1689年9月7日// 康熙朝實錄/卷之142 (Нерченский договор между Китаем и Россией. Правительство Цин. Русское государство. 7 сентября 1689 г. Правдивые записи династии Канси. Цзюань 142). – URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E5%BA%B7%E7%86%99%E6%9C%9D%E5%AF%A6%E9%8C%84/%E5%8D%B7%E4%B9%8B142> (accessed: 11.07.2023).
45. 中俄天津條約 又名: 俄夷和約 大清國政府、俄羅斯帝國政府 咸豐八年五月初三日 1858年6月13日 (Тяньцзиньский договор между Китаем и Россией. Другое название: Мирный договор с Русскими варварами. Правительство Великой Цин. Правительство Российской империи. 3 число 5 месяц 8 год правления Сяньфэна. 13 июня 1858 г.). – URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E4%B8%AD%E4%BF%84%E5%A4%A9%E6%B4%A5%E6%A2%9D%E7%B4%84> (accessed: 11.07.2023).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Science and Political Philosophy
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

ГЛОБАЛЬНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО РОССИИ И ЗАПАДА: К НОВОЙ РАССТАНОВКЕ СИЛ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

THE GLOBAL RIVALRY BETWEEN RUSSIA AND THE WEST: TOWARD A NEW BALANCE OF POWER IN WORLD POLITICS

Аннотация: в последние несколько лет на международной арене происходят кардинальные изменения в расстановке сил. Запад постепенно утрачивает свои доминирующие позиции в мировой политике и мировой экономике. Одновременно другие страны усиливают свое влияние на мировые процессы, расширяя между собой взаимодействие. Новые форматы сотрудничества незападных стран направлены на отстаивание своих национальных интересов. В стремлении сохранить лидирующие позиции западные страны применяют широкий инструмент воздействия на другие государства. Санкционная политика в отношении отдельных государств дополняется прямой поддержкой в виде поставок вооружений. Таким образом Запад стремится сохранить лидирующие позиции в мировой политике и мировой экономике и подчинить другие страны своим геополитическим интересам. В этих условиях перед Россией стоит задача отстаивать свои национальные интересы, в том числе за счет расширения сотрудничества с незападными государствами.

Ключевые слова: Россия, США, ЕС, Китай, БРИКС, мировая политика.

Abstract: in the last few years, the international arena has witnessed dramatic changes in the balance of power. The West is gradually losing its dominant positions in both world politics and the world economy. At the same time, other countries are increasing their influence on global processes, expanding their interaction with each other. New formats of cooperation between non-Western countries are aimed at defending their national interests. In an effort to

maintain their leading positions, Western countries use a wide range of tools to influence other states. Sanctions policy against certain states is supplemented by direct support in the form of arms supplies. With the help of this, the West seeks to maintain its leading position in world politics and the world economy and to subordinate other countries to its geopolitical interests. Under these conditions, Russia faces the task of defending its national interests, including by expanding cooperation with non-Western states.

Key words: Russia, USA, EU, China, BRICS, world politics.

Введение

В последние десятилетия отношения России и Запада переживают сложный этап. Романтический период отношений России и западных стран, начавшийся в начале 90-х годов прошлого века, сменился периодом охлаждения отношений. Уже в начале XXI века начался период постепенного нарастания противоречий между Россией и коллективным Западом. США и их союзники стали проводить курс на сохранение доминирующих позиций в мировой политике и решение экономических проблем за счет других стран мира. Как отмечает в своей книге ректор Дипломатической академии МИД России А. В. Яковенко, «западные элиты упорно пытаются сохранить свою гегемонию, которая превратилась в способ существования за счет всего остального мира» [9, с. 3].

В последние годы геополитическая ситуация в мире кардинально изменилась, а вместе с этим и отношения между Россией и Западом претерпели трансформацию. Политическая и экономическая конкуренция между странами уступила место прямому столкновению интересов, а переговоры и консультации по широкому кругу вопросов — прямому давлению и поставкам вооружений. Односторонние действия США и ЕС усилили у западных стран заинтересованность в формировании новых форм двустороннего и многостороннего взаимодействия, способных защитить их интересы перед давлением коллективного Запада. Подобные процессы возникли в начале XXI века, когда, с одной стороны, стали обостряться внутривнутриполитические и экономические проблемы в западных государствах, а с другой стороны, наблюдались попытки Запада перенести решение собственных проблем в другие страны.

Отношения России и Запада начали стремительно ухудшаться с марта 2014 года. В качестве формального предлога для начала масштабных санкций в отношении России Запад использовал вхождение Крыма в состав Российского государства. С этого

периода западные страны, прежде всего США, развернули масштабную информационно-политическую кампанию против России, рассчитывая ослабить ее экономические возможности и изменить внешнеполитический курс. Против России Запад активно использовал Украину, прежде всего ее националистический режим, который пришел к власти в ходе государственного переворота в феврале 2014 года. По словам российского Президента, «США и НАТО приступили к беззастенчивому освоению территории Украины как театра потенциальных военных действий. Регулярные совместные учения имеют явную антироссийскую направленность» [5].

Курс Запада на конфронтацию

Новый этап политики Запада в отношении России начался с февраля 2022 года, когда российской стороной было принято решение о начале проведения специальной военной операции. Ее начало было продиктовано необходимостью защиты национальных интересов России, о чем подробно рассказал в своем обращении Президент России. Запад рассчитывал использовать националистический режим на Украине в своих интересах и «руками» Киева нанести военный удар по России, спровоцировав крупномасштабный конфликт между двумя странами.

Для реализации подобного сценария западные страны продвигались последовательно, особенно после 2014 года. В последние годы США и их союзники проводили конфронтационную политику в отношении России. Подобный подход направлен не только против российской экономики. Речь идет о попытках вмешательства во внутренние дела России. При этом США и ЕС пытались сформировать коалицию государств против России, подталкивая их к проведению антироссийской политики. По оценкам В. В. Путина, «блоковый подход, назовём вещи своими именами, — это ограничение прав и свобод государств на собственное развитие, попытка загнать их в определённую клетку обязательств. Это в известной степени — и это очевидная вещь — отъём части суверенитета, а затем — и очень часто — навязывание решений в других сферах помимо сферы безопасности, и прежде всего в сфере экономики, как это сейчас происходит в отношениях между Соединёнными Штатами и Европой» [1]. При этом российский

Президент подчеркивал: «... приверженность блоковым подходам, стремление загнать мир в ситуацию постоянного противостояния “мы — они” — порочное наследие XX века. Это продукт западной политической культуры, во всяком случае, её наиболее агрессивных проявлений. Повторю, Западу всегда нужен враг — определённой части Запада, западных элит. Нужен враг, борьбой с которым можно объяснить необходимость силовых действий и экспансии» [1].

Таким образом, становилось всё более очевидным, что западные страны действуют в одностороннем порядке, игнорируют нормы международного права. Первенство в этом процессе задавали США, которые давно уже привыкли действовать в одностороннем порядке и подменять международное право своими правилами. По словам В. В. Путина, «Соединенные Штаты пытаются подменить международное право порядком, основанном на неких произвольных правилах» [7]. При этом, как подчеркнул российский Президент, «наши западные коллеги, особенно из США, не просто устанавливают произвольно такие “правила”, но и поучают при этом, кто и как должен их исполнять, кто и как должен вообще себя вести» [1].

США и их союзники последовательно проводили курс на обострение отношений с Россией. Антироссийский курс принял последовательный характер, был направлен на решение долгосрочных задач. США и ЕС последовательно и сознательно обостряли отношения с Россией, добиваясь от российского руководства изменения внешней политики. По этой причине В. В. Путин выделял «фундаментальные угрозы, с которыми сталкивается Россия, отметив, что США не считают нужным договариваться с Россией и пренебрегают российскими интересами» [6].

Новая редакция Концепции внешней политики

Обострение отношений с Западом, которое произошло после февраля 2022 года, когда Россия начала специальную военную операцию, привели к переоценке в России геополитической ситуации, а также к определению направлений будущего внешнеполитического курса. Соответственно, глобальные изменения и открытые попытки американской стороны оказать давление на российскую сторону, столкновение интересов

между Россией и Западом, оценка внешнеполитического курса США и ЕС нашли отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации, новая редакция которой была утверждена российским Президентом в конце марта 2023 года [2]. Документ не только дал четкую оценку происходящих в мире событий, сложившейся ситуации и подходов США и в целом Запада, но и определил приоритеты внешней политики России, исходя из национальных интересов.

Новая редакция Концепции внешней политики разрабатывалась достаточно длительный период времени. Это было связано с уточнением ряда принципиальных позиций, которые нашли отражение на страницах документа. Кроме того, со стороны России были сделаны попытки достичь договоренности с Западом по принципиальным вопросам и тем самым кардинально изменить характер отношений. Так, еще в конце 2021 года Россия опубликовал проекты договоров о безопасности в Европе, которые были разработаны по указанию российского Президента [4]. В частности, «российская сторона предлагала США исключить дальнейшее расширение НАТО и ее военную активность в постсоветских республиках (Восточная Европа, Украина, Закавказье, Центральная Азия) и присоединение к альянсу Украины, а также обоюднo не развeртывать ракеты малой и средней дальности в Европе и не размещать дополнительных вооружений за пределами границ военного блока на 1997 г. Кроме того, альянсу также предлагалось отказаться от юридического прописывания друг друга как противников в стратегических документах и от действий, которые стороны могут расценить как угрозу» [4]. Однако США не принял российские предложения, продолжив курс на обострение отношений с Россией. Это подчеркивает в своей книге ректор Дипломатической академии МИД России А. В. Яковенко, по оценкам которого Концепция внешней политики 2023 года готовилась на фоне «резкого обострения отношений между Россией и Западом в связи с украинским кризисом, который был искусственно спровоцирован внешними силами и привел к государственному перевороту в феврале 2014 года. С тех пор Украина подверглась массивной милитаризации и нацификации, превратившись в серьезную угрозу безопасности России» [11, с. 2].

Концепция внешней политики России 2023 года зафиксировала причины, которые привели к нарастанию конфликтного потенциала в мировой экономике. В документе подчеркивалось, что «усиливается кризис экономической глобализации. Существующие проблемы, в том числе на рынке энергоресурсов и в финансовом секторе, вызваны деградацией многих прежних моделей и инструментов развития, безответственными макроэкономическими решениями (включая бесконтрольную эмиссию и накопление необеспеченных долгов), противоправными односторонними ограничительными мерами и недобросовестной конкуренцией. Злоупотребление отдельных государств своим доминирующим положением в некоторых сферах усиливает процессы фрагментации мировой экономики и неравенство в развитии государств. Получают распространение новые национальные и трансграничные платежные системы, растёт заинтересованность в новых международных резервных валютах, формируются предпосылки для диверсификации механизмов международного экономического сотрудничества» [2]. На это же указывал и В. В. Путин, по словам которого «мощь Запада накоплена веками колониальной политики. Ведь и ваши коллеги — многие здесь отсутствуют, но они не отрицают, что благосостояние Запада в значительной степени было достигнуто благодаря ограблению колоний на протяжении веков. Это же факт. Фактически такой уровень развития был достигнут за счёт ограбления всей планеты. История Запада — по сути хроника бесконечной экспансии» [1].

Противоречия между Россией и Западом имеют системный, долгосрочный характер. Они определяются интересами Запада, который стремится навязать другим странам неоколониальную модель экономики. Соответственно, интересы других стран не принимаются в расчёт. Как отмечал В. В. Путин, «стремление западных стран навязать остальному миру свой порядок, основанный на правилах, поддерживает идеи неоколониализма, устанавливая гегемонию стран Запада в различных сферах» [9]. В Концепции внешней политики Российской Федерации (2023 г.) подчеркивается, что «необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав

за счёт присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии. Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров» [2]. Однако подобные изменения вызывают сопротивление со стороны Запада, который предпринимает шаги, направленные на сохранение своего доминирования в мире.

В условиях геополитической турбулентности, нарастания хаотизации в мировой политике и обострения глобальных проблем Россия была вынуждена предпринимать меры, направленные на защиту своих национальных интересов. Об этом на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2023 года говорил Президент России. По словам российского Президента, «США и их сателлиты твёрдо взяли курс на гегемонию — военную, политическую, экономическую, культурную, даже морально-нравственную, ценностную...» [1].

Давление на партнеров России

После начала специальной военной операции в феврале 2022 года отношения России с Западом претерпели кардинальные изменения. Россия столкнулась с прямым давлением, санкциями, препятствованием деятельности в международных организациях. Однако после того, как стало очевидно, что санкционные усилия Запада не дают результата, механизм давления на Россию был расширен. США и ЕС усилили давление на ближайших партнеров России. Оказывая на них политическое и экономическое давление, выдвигая требования и давая различные обещания, Запад стремится изменить внешнеполитический курс партнеров России. Конечно, наши партнеры стремятся балансировать между Россией, с которой у них существуют экономические и политические отношения, в том числе в рамках Евразийского экономического союза, однако противодействовать давлению им бывает довольно сложно.

Ситуация не изменилась и в 2023 году. Более того, США и их союзники активизировали свою политику, стали действовать бесцеремонно, добиваясь от партнеров России изменения своего внешнеполитического курса. По оценкам министра иностранных дел России С. В. Лаврова, «действительно, партнеры по ЕАЭС

и ОДКБ испытывают колоссальный нажим со стороны недружественных государств. Регулярными стали поездки к ним высокопоставленных чиновников из западных столиц для проведения “консультаций” по вопросам “противодействия обходу” нелегитимных антироссийских санкций. Если называть вещи своими именами, то речь идет, конечно же, о попытках угрозами и шантажом заставить наших союзников отказаться от абсолютно законного сотрудничества с Россией». «С пониманием относимся к тому, что в условиях оказываемого на них внешнего давления наши партнеры вынуждены проявлять осмотрительность», — отметил С. В. Лавров [3].

Заключение

Трансформация мировой политики и мировой экономики в ближайшие годы продолжится. Противоречия между Россией и Западом имеют непримиримый характер, и ни одна из сторон не пойдет на уступки. По оценкам В. В. Путина, «политика сдерживания России является долгосрочной стратегией Запада» [10].

Для России согласие с Западом будет означать утрату суверенитета и подрыв экономического потенциала. Запад стремится навязать другим странам неокOLONиальную модель экономики. «Фактически такие шаги, направленные на то, чтобы ухудшить жизнь миллионов людей, имеют все признаки агрессии экономическими, политическими, информационными средствами, она [политика западных стран] носит тотальный, неприкрытый характер» [10].

Попытки Запада оказывать давление на Россию и добиваться результатов через санкционную политику показывают, что США и ЕС не способны договариваться и искать компромиссы. По оценкам российского Президента, «происходящие события подводят черту под глобальным доминированием западных стран и в политике, и в экономике» [8]. При этом открытым остается вопрос о будущем развитии мировой политики и мировой экономики, а также о балансе сил, который сложится в ближайшие годы.

Литература

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». – 2023. – 5 окт. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/72444> (дата обращения: 28.10.2023).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 18.09.2023).
3. Лавров заявил о намерении Запада склонить союзников России порвать с ней. – 2023. – 19 авг. – URL: <https://tass.ru/politika/18541721?ysclid=lngc7vrcpi347307203> (дата обращения: 18.09.2023).
4. Лакстыгал И. Россия опубликовала свои предложения НАТО о безопасности. – 2021. – 17 дек. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/12/17/901302-rossiya-opublikovala-bezopasnosti?ysclid=logzpb5ia29956086285> (дата обращения: 24.10.2023).
5. Обращение Президента Российской Федерации. – 2022. – 21 февр. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/67828> (дата обращения: 13.10.2023).
6. Обращение Президента Российской Федерации. – 2022. – 24 февр. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 23.10.2023).
7. Президент РФ сказал о попытках США подменить право колониальным мышлением. – 2023. – 5 окт. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/924354> (дата обращения: 24.10.2023).
8. Провал «экономического блицкрига» и борьба за будущее. – 2022. – 16 марта. – URL: <https://tass.ru/politika/14094987?ysclid=loh6otq53i269266551> (дата обращения: 23.10.2023).
9. Путин: навязывая другим странам жизнь «по правилам», Запад поддерживает неокOLONиализм. – 2023. – 28 июля. – URL: <https://tass.ru/politika/18394125?ysclid=loh5wfvli296548991> (дата обращения: 17.10.2023).
10. Путин: санкции Запада нанесли серьезный удар по всей глобальной экономике. – 2022. – 16 марта. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/14091071?ysclid=loh6juv5c2853311586> (дата обращения: 17.10.2023).
11. Яковенко А.В. Геополитический перелом и Россия. О чем говорит новая внешнеполитическая концепция / Дипломатическая академия МИД России. – М., 2023. – 144 с.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

На 77 году безвременно ушел из жизни Евгений Петрович Бажанов — бывший ректор Дипломатической академии (2011—2019 гг.), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, член нескольких зарубежных академий наук, почетный доктор ряда российских и иностранных университетов. Являясь как признанным экспертом в истории и политике Китая, так и авторитетным отечественным американистом, Евгений Петрович стал автором более 40 монографий, ряд из которых был переведён на корейский, китайский, английский и арабский языки, и трёх сотен научных статей по общим проблемам международных отношений, актуальным аспектам политики в Азиатско-Тихоокеанском, Центрально-Азиатском и Ближневосточном регионах.

Е. П. Бажанов отдал работе в Академии более 30 лет, являясь бессменным проректором по научной работе, а затем возглавив коллектив в самые драматичные годы существования учебного заведения. Его усилиями в Академии была принята концепция непрерывности профессионального дипломатического образования от бакалавриата до аспирантуры и докторантуры, начато сотрудничество с органами образования г. Москвы по разработке силами молодых преподавателей и студентов магистратуры программ «дипломатических классов» в школах. В годы его работы была значительно расширена тематика повышения квалификации дипломатических работников, восстановлена обширная практика обучения иностранных дипломатов.

По инициативе Евгения Петровича в Академии было создано специализированное научное подразделение — Институт актуальных международных проблем, продолжающий оставаться научным центром, известным в России и за рубежом, учреждён периодический научный журнал, вошедший сегодня в перечень изданий, рекомендованных ВАК, создан ряд новых специализированных кафедр, включая кафедру международной и национальной безопасности, тематика работы которой

в настоящее время актуализирована в связи со сложной обстановкой в мире.

Труд нашего коллеги отмечен орденами и медалями, ведомственными наградами Министерства иностранных дел, знаками отличия зарубежных государств. Е. П. Бажанов был приглашен в Научный совет при министре иностранных дел, он принимал участие в разработке внешнеполитических доктрин России, в качестве эксперта готовил аналитические материалы для Администрации Президента России, палат Федерального Собрания, организовывал выполнение плана-заказа МИД России по подготовке справок с разработкой наиболее сложных внешнеполитических проблем.

Значителен вклад Е. П. Бажанова в развитие международного образовательного сотрудничества. Он был приглашен в состав государственных делегаций во главе с Президентом В. В. Путиным на саммит Г-20 в Индии, в Турецкую Республику, где подписывал соглашения о научных обменах и подготовке дипломатических сотрудников. Под его научным руководством защищали докторские диссертации зарубежные политики и дипломаты. Среди них — нобелевский лауреат, президент Республики Корея Ким Дэ Чжун, президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев, видные дипломаты, ректоры вузов и академики.

Добрая светлая память о Евгении Петровиче Бажанове сохранится в сердцах его друзей, коллег, учеников и студентов Дипломатической академии.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой «**статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”**».

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– для книжных изданий: Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– для периодических изданий: Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– для интернет-источников:

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: http://..... (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – URL: http://..... (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [8, с. 12] или [8, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2023. № 4 (38)

Редактор *Н.В. Багорова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 10.08.2023. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 12.5
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5